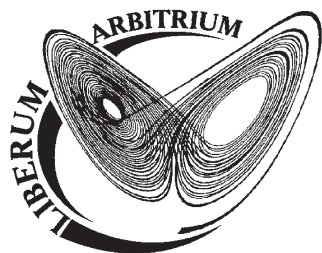

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 18. Номер 2 (61)
АПРЕЛЬ–ИЮНЬ **2020**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation

Tatiana Alekseyeva, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Vladimir Baranovsky, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Alexander Bulatov, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Timothy J. Colton, Harvard University, USA

Christine Inglis, University of Sydney, Australia

Alexey Fenenko, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Mark von Hagen, Arizona State University, Columbia University, USA

Nikolai Kosolapov, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

S. Neil MacFarlane, Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland

Sergey Ryazantsev, Institute of Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tatiana Shakleina, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Valery Tishkov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Mikhail Troitskiy, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Pavel Tsygankov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Alexei Voskressensky, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

William C. Wohlforth, Dartmouth College, USA

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Сергей Рязанцев,
Валерий Тишков, Михаил Троицкий, Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко,
Марк фон Хаген (США), Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор

первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь

заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Анна Гожина,
Наталия Меден, Ирина Николаева

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index **(RSCI)** на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2020

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2020

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

NORMS AND FACTS

Volume 18. No 2 (61). April–June 2020

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Aleksey Malinovsky Elena Trikoz	International Treaty Rulemaking as a Political Process	6
Nadezhda Shvedova	Gender Equality on the UN Agenda and the 75 th Anniversary of the Universal Organization	31
Yuriy Nadtochey	Facets of Interdependency in Russia-US Relations	48

CATCHING A TREND

Irina Kobrinskaya Boris Frumkin	Central-Eastern Europe in Post-COVID-19 International Politics	71
Ekaterina Kosevich	Multiple Sources of Protest Movements in Latin America	92

PERSONA GRATA

Faces and Personalities

Martha Finnemore	"We were trying to persuade our colleagues of the explanatory value of constructivism..."	110
------------------	--	-----

INTERNATIONAL BUSINESS AND WORLD POLITICS

Alexander Ter-Akopov Vadim Bezverbny	Regional Policy of the Russian Railways in the Context of Depopulation: Geopolitical and Socio-Demographic Aspects	122
---	--	-----

LETTER TO THE EDITORS

Victor Mizin	Outlines of Strategic Stability in Global Multipolar Competition	141
--------------	---	-----

SCRIPTA MANENT

Book Reviews

Artem Sokolov	Right Populism as a Global Phenomenon	169
Julia Melnikova	Introduction to the Modern World: a View from the United States	173
	<i>Our authors</i>	180

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ	
Алексей Малиновский	Международное договорное нормотворчество
Елена Трикоз	как политический процесс 6
Надежда Шведова	Гендерное равенство в приоритетах ООН 31
Юрий Надточей	Манифестации взаимозависимости в российско-американских отношениях 48
ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ	
Ирина Кобринская	Центрально-Восточная Европа в международных
Борис Фрумкин	процессах «пост-COVID-19» 71
Екатерина Косевич	Иерархия мотивов латиноамериканского протеста 92
PERSONA GRATA	
Лики и личности	
Марта Финнемор	«Нам нужно было убедить коллег, что конструктивизм обладает объяснительной силой...» 110
МИРОВОЙ БИЗНЕС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ	
Александр Тер-Акопов	Геополитика железных дорог в условиях
Вадим Безвербный	демографического сжатия 122
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	
Виктор Мизин	Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции 141
SCRIPTA MANENT	
Рукописи не горят. Рецензии	
Артём Соколов	Правый популизм как глобальный феномен 169
Юлия Мельникова	Интродукция в современность: взгляд из США 173
Наши авторы 179	
Our authors 180	

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДОГОВОРНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

АЛЕКСЕЙ МАЛИНОВСКИЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ЕЛЕНА ТРИКОЗ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Резюме

В статье детально рассмотрены исторические нюансы и теоретические подходы к становлению и развитию правотворческого процесса по вопросам межгосударственных отношений. Начиная с периода зарождения договорного нормотворчества на Древнем Востоке как политически мотивированного процесса, прослеживается развитие договорно-правовой техники в эпоху Средневековья, структуры текста международного договора и методики составления оговорок к нему. Проанализированы новеллы юридической техники (появление приложений к договорам, работа конференций, процессуальные правила оформления) и доктринальная обработка международного процесса в период Нового времени. Отмечается институциональный вклад Лиги Наций и КМП ООН в нормотворческую технику и выведение международной кодистики на новый доктринально-универсальный уровень. Авторы статьи формулируют ряд особенностей кодификационной техники договорных актов. Анализируется базовый консенсусный подход к юридическому процессу создания норм международного права, предполагающий традиционный путь нормотворчества непосредственно субъектами международного права на основе метода согласования воли и позиций государств. Авторы также затрагивают кооперационный путь выработки нормативных положений в современном международном нормотворчестве, опосредуемый в виде создания норм, изначально лишённых обязательной силы, в процессе и как результат деятельности международных организаций и конференций.

Во второй части статьи авторы переосмысливают наиболее значимые западные международно-правовые теории и концепции (постмодернизм в праве, экономический анализ международного права, коммуникативная теория толкования международных договоров и др.). Проанализированы позиции американских международников-реалистов и влияние реалистической школы права на изменение целеполагания в международном нормотворчестве. Большинство современных концепций расценивают сущность и формы международного нормотворчества как политический

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2020

Дата принятия к публикации: 11.12.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: alena_trikoz@mail.ru

или, по крайней мере, квазиполитический процесс. Авторы приходят к выводу, что распространённый в нормотворчестве «диалогический подход» поможет международному законодателю уже на этапе разработки международного соглашения избежать уклona в сторону т.н. политически «сильной стороны в договоре».

Ключевые слова:

межгосударственные отношения; договорное нормотворчество; кодификация международного права; переговорный процесс; суверенитет; постмодерн; институционализм.

В условиях постепенно меняющейся нормативно-юридической иерархии, расширяющейся зоны влияния политических факторов и нарастания коллизийной практики разрешения глобальных конфликтов обостряется проблема развития сложившегося международного правотворческого механизма, кодифицированного в отметившей недавно свой полувек юбилей Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. На практике нормативные основы международного правопорядка искажаются вследствие политики двойных стандартов или одностороннего диктата ряда игроков. В результате под угрозой может оказаться сама система международных договоров, сложившаяся после Второй мировой войны (в частности, из-за выхода Вашингтона из действующих соглашений размывается режим нераспространения оружия массового уничтожения). Вместе с тем в современном мире сложилась ситуация, в которой «Почти все государства соблюдают почти все принципы международного права и почти все обязательства почти всегда» [Современные международные отношения 2012: 567].

В силу своей философской сущности и практической востребованности международное право изначально формировалось как «право координации», а не субординации, будучи призванным воздействовать на международные отношения по горизонтали, а не вертикально-иерархически. Сможет ли международное право и далее успешно выполнять «роль модулятора согласия суверенно равных государств по поводу их юридически значимого поведения» [Каламарян 2006: 25]?

Важнейшим следствием конвенционно-го обособления / юридического выделения права международных договоров во второй

половине XX века стало развитие научной доктрины и источниковой базы особого института **международного договорного нормотворчества** [Ida 1996]. В настоящей статье под этим понятием подразумевается *совокупность процедурных правил по разработке и принятию обязательных юридических норм, регулирующих межвластные наднациональные отношения независимых и равных субъектов путём установления их взаимных прав и юридических обязанностей* [Dhokalia 1992].

Международная нормотворческая деятельность направлена прежде всего на подготовку, установление, выработку и согласование с последующим принятием нормативных правовых документов в виде международных договоров, обычно-правовых норм и общих принципов международного права [Тазиев 2020]. Такая деятельность процедурно и сущностно выстраивается на основе соответствующих принципов, этапов и правил. Они составляют содержание международной юридической техники и нормотворческой технологии [Валеев 2001: 21–31]. С общетеоретической точки зрения такая межгосударственная юридическая деятельность различается на подвиды: доктринальная, нормотворческая, систематизационная, праворазъяснительная и правоприменительная (правореализационная). Это и называется классическим подходом к теории международного права.

В рамках классического подхода международный договор рассматривается как основа международного правопорядка, главный источник права именно потому, что выражает общую волю договорившихся на основе принципа равноправия государств. И именно в этом заключается его ценность.

В конце XX века была опубликована фундаментальная работа Слотер, Тулумел-

ло и Вуда «Международное право и международные отношения», в которой обосновывалась необходимость взаимодействия между теорией международного права и теорией международных отношений. В этой работе исследовался вопрос о внедрении в международно-правовую науку отдельных теорий международных отношений, хотя в отношении некоторых из них высказывались критические замечания. В результате развернувшейся научной дискуссии стало оформляться новое междисциплинарное направление исследований: «международное право и международные отношения» (*international law and international relations*), представители которого исследуют международно-правовые институты и процессы при помощи теорий международных отношений и сквозь призму международной политики. Данное научное направление рассматривает вопросы международной юридической техники и толкования, равно как и правовую природу источников международного права, лишь с точки зрения политической целесообразности, но не позитивной законности [Slaughter, Tulumello, Wood 1998: 367].

Другие зарубежные исследователи, как справедливо отмечает В.В. Гаврилов, признают существование в рамках международной системы не только юридических, но и других международных нормативных конструкций [Гаврилов 2018: 32]. Английский юрист-международник М. Шоу уточнял, что право, престиж и влияние которого основаны на взаимном принятии на себя субъектами права определённых обязательств, не является единственным способом упорядочить выходящую за рамки национальных границ сложную и изменчивую систему отношений государствами. «Право и политика не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из этих дисциплин не может принизить значение другой» [Shaw 1991: 57].

В связи с современным ростом политизации международного нормотворчества и последующей правореализации авторы поставили цель изучить сложившиеся исторически предпосылки и форматы политических процедур согласования воли государств-нормотворцев. В сопоставлении с ними в статье рассматривается состояние западной доктрины, в которой превалирует верховенство политических доктрин и геополитических интересов сверхдержав над классическим международным правом. Ставится задача объяснить, почему международное правотворчество методологически вернее рассматривать как политический или квазиполитический процесс подготовки и заключения международных договоров, и проанализировать тезис о том, что постепенно смещается акцент с технико-юридических аспектов на политические процедуры и квазиправовые механизмы.

1

Международное право как особый социально-культурный феномен зародилось внутри общественной практики суверенных государств и всегда имело тесную связь с внутренней политикой. Уважительное отношение к национальной политике и её определяющее влияние на межгосударственную жизнь мы наблюдаем уже в истории Древнего Востока, где, к слову, зародился сам институт международного договорного нормотворчества как политически мотивированного переговорного юридического процесса¹, о генезисе и развитии которого пойдёт речь в данной статье.

Нередко в литературе точкой отсчёта указывают 3100 г. до нашей эры, когда якобы появились самые первые международные договорные нормы городов-государств Междуречья. В частности, М.Ш. Пацация, не совсем точно датируя «договор Лагаша и Уммы» этим годом, поясняет при этом, что «соглашение, написанное на шумерском языке, предусматривает неприкосновен-

¹ За длительный период с середины II тысячелетия до н. э. и вплоть до середины XIX века было заключено более 8 тыс. мирных бессрочных договоров, которые в действительности соблюдались недолго [Duckwitz 1975: 24].

ность пограничных рвов и камней, которые признаются побеждённым правителем Уммы. Договор скреплён клятвой двух правителей перед шумерскими богами» [Пацация 2000]. Несмотря на то что представленная датировка продолжает курсировать из одного источника в другой [Дорская 2009: 19], она, по всей видимости, некорректна.

Как свидетельствуют данные историков и археологов, древнейший вооружённый конфликт между Уммой и Лагашем действительно происходил, но намного позднее — между 2600 и 2350 годами до н.э. Почти трёхвековое территориальное соперничество двух шумерских городов-государств завершилось вмешательством третьей стороны, города-государства Киш, которое представлял лугаль-правитель Месилим при составлении мирного договора. Он выступил арбитром на переговорах между Уммой и Лагашем по спорной территории и распорядился зафиксировать текст договора о границе на каменной стеле [Соорег 1983]. Впоследствии договор был расторгнут, и ок. 2550 г. до н.э. уже новый правитель государства Лагаш лугаль Энанатум возобновил переговоры с целью окончательного завершения вооружённого конфликта. В итоге был подписан новый мирный договор с Уммой и восстановлена каменная стела на пограничной территории с текстом обязательств, клинописными клятвами и перечнем богов двух государств.

Ещё точнее можно датировать древнейший международный договор, дошедший до нас в *подлиннике*. Он также был составлен в Междуречье около 2280 г. до н.э. в результате успешных политических переговоров месопотамских дипломатов. В тот год было подписано *союзное соглашение* между аккадским царём Нарам-Суэном и группой правителей номов Элама (юг и юго-запад современного Ирана). Нарам-Суэн (около 2291–2255 годов до н.э.) впервые даровал протекторатным городам-государствам привилегию *jus tractandi*, означавшую право заключения с его могущественной гегемонией межгосударственных соглашений, серии торговых и воен-

но-политических договоров. Текст был начертан на глиняной табличке и стал одним из первых двусторонних договоров, составленным в режиме благоприятствования языкам обоих народов — аккадцев и эламитов, так как его текст дипломатично записали на староэламском алфавите, но аккадской клинописью.

Другим приёмом древней техники составления межгосударственного договора был обязательный перечень богов как своеобразных гарантов обязательной силы и эффективного соблюдения обязательств, что стало неким прообразом древнего принципа *pacta sunt servanda*. В нашем примере договор Нарам-Суэна также открывался списком четырёх десятков аккадских и эламских божеств. В вводной части договора описывалась стадия преддоговорных сношений между послами обоих государств, Аккада и Элама, преподнесение даров и предоставление войска, а также была включена важная формулировка о соблюдении договорённости: «*Мой полководец пусть охраняет (этот) договор от неповиновения. Враг Нарам-Сина — мой враг, друг Нарам-Сина — мой друг...*» (ст. III договора). В тексте были обозначены цель и само содержание союзнических обязательств, которые, по сути, оформляли внутренний суверенитет эламитов в вопросах государственного управления и, напротив, императивное согласование с Аккадом любой их внешнеполитической или военной активности. Наконец, последняя, XI статья договора Нарам-Суэна указывала на стадию фиксирования договорённости, своего рода акт скрепления договора: «*Да почитается здесь возложение (договора) перед символом божества*». Нарушение (слова) договора считалось клятвопреступлением и давало основание начать войну против нарушителя договорных обязательств [Лукашук 2004: 8].

Упомянем интересный нюанс переговорного процесса как особой стадии нормотворчества при заключении древних договоров: наличие подготовительной дипломатической корреспонденции, описывавшей соответствующую деятельность послов при дво-

рах договаривающихся сторон, обмен серебряными или каменными табличками, исписанными аккадской клинописью, которая в те времена была языком международной дипломатии Древнего Востока.

Важно уточнить и время появления первого письменного обязательства по выдаче правонарушителей. Его находим в упомянутом выше договоре Нарам-Суэна и Элама около 2280 г. до н.э., где предписывается отказывать в предоставлении убежища беглецам и иным лицам, враждебным Нарам-Суэну, и обязательство выдавать правонарушителей царю. Хотя долгое время исследователи утверждали, что самое раннее упоминание обязательства «выдачи беглецов» и экстрадиции преступников содержалось в хеттско-египетском договоре 1278 г. до н.э. о военном союзе фараона Рамсеса II и хеттского царя Хаттусили III [Шелестин 2014], мы отодвигаем эту датировку почти на сто лет ранее.

В древнеиндийском трактате Каутилья «Артхашастра» (IV в. до н.э.) впервые был закреплён наиболее полный свод правил внутригосударственного управления, в том числе порядок заключения и исполнения международных договоров. Составитель свода рекомендовал царю в случае необходимости расторгать межгосударственные соглашения, применять тайные средства отклонения от них. По мнению индийского мудреца, «право действует лишь внутри страны, в международных отношениях ему места нет» [Boesche 2002]. Как верно заметил в связи с этим индийский правовед Р. Хоскот, древний советник Каутилья весьма прагматично обосновал искусство управления государством, оставив в наследие эффективное руководство для осуществления внешней политики, циничной и безжалостной, а его «Артхашастру» по заслугам можно считать шедевром жёсткой «реальной политики». Каутилья фактически заложил основы кратологии как особой науки о властном управлении. Впоследствии древневосточная политическая философия и управленческая наука оказали заметное влияние на европейскую традицию политического диалога между госу-

дарствами. Тем не менее окончательное оформление науки о власти и обеспечение её практической эффективности в сфере стремительного меняющегося международного права — одна из важнейших задач XXI века [Халипов 2002: 18].

В эпоху античного мира заметно возросла роль межполисных договорённостей в городах-государствах Средиземноморья. Первоначально в Древней Греции оформился институт международного нормотворчества, в том числе обслуживающий деятельность межэллинских союзов [Мишулин 1946]. Затем здесь сложилась практика персонифицированных текстов договора, составленных от имени самих правителей полисов (микросоударств) на языках обеих сторон. Утвердилась процедура выработки единого текста и его подписания с последующим обменом обеспечительными дарами и серебряными (медными) табличками, пергаменами или иными торжественными формами с согласованным текстом договора [Александренко 1895: 301–322]. В частности, по словам Фукидида, в Пелопоннесском мирном договоре было предусмотрено, что прежде, чем прибегнуть к оружию, должно обратиться к третейскому судье.

Дальнейшее развитие дипломатической практики в средневековой Европе привело к выработке новых методов и приёмов составления, согласования и подписания международных договоров. С точки зрения нормотворческой техники представляет интерес ранний опыт составления договоров, который сформировался в X–XII веках. Рассмотрим появившуюся юридико-техническую процедуру на примере международно-правовых договоров 971 (между русским князем и византийским императором) и 1111 годов (между византийским императором и пизанцами с венецианцами). Как отмечает Я. Малингуди, исследовавший данную договорную технику, первый процедурный шаг выражался в подтверждении обоими государями соглашения под присягой, что предшествовало по времени его засвидетельствованию; затем шёл второй акт этого процесса

в виде оформления текста договора и вручения содержащей его грамоты другой стороне [Малингуди 1997: 61].

В связи с тем, что в период позднего Средневековья особый размах получили межгосударственные вооружённые конфликты и торговые войны, в договорную процедуру в Западной Европе начали вовлекать представителей церкви. Вследствие этого возник такой технический нюанс, как включение в преамбулу средневековых контрактов упоминания об их заключении «именем Бога всемогущего и святой Троицы». Кроме того, вошло в практику издание специальных папских булл о гарантии исполнения договоров, с параллельно разросшейся практикой выдачи индульгенций за односторонний отказ от их исполнения, что безусловно размывало принцип *pacta sunt servanda*. Тексты договоров нередко становились предметом рассмотрения светских съездов государей и послов, а также Вселенских соборов католической церкви.

Средневековой технике договорного нормотворчества уже было известно разграничение международных соглашений политического характера (о мире, дружбе, союзе), а также выделение особой группы договоров об арбитраже и торговых трактатов, выведенных за рамки чисто политических договоров.

С точки зрения структуры основной текст средневекового договора разбивался на чёткие абзацы, первый из которых именовался *primo et in primis*, тогда как все последующие начинались со слова *item* (лат. «далее»), получив особое наименование *articulus* (лат. «статьи») и порядковые номера [Талалаев 2009: 16–17].

Наконец, средневековое договорное нормотворчество выработало методику составления оговорок в тексте международных соглашений. Например, в торгово-политических контрактах стала всё чаще использоваться «оговорка о наибольшем благоприятствовании». В финальной части

международных договоров уже встречались положения об обеспечении исполнения (в частности, указание на рецепированные из римского права поручительство и залог, а также институт хранителей и заложников). С технической точки зрения заключительная часть договоров усложнилась за счёт включения статей о сроке действия (или бессрочно), о порядке подписания, ратификации и присоединения к договору.

Отдельного внимания заслуживает техника договорного нормотворчества на заре Нового времени в Европе. Она заметно усложнилась, что видно на примере составления *Вестфальских мирных договоров 1648 года*, открывших новую эру в истории классического международного права и изменившего политико-конфессиональное устройство региона [История международных отношений 2012: 67–76]. Как известно, было составлено два аутентичных текста Вестфальского соглашения и оба на латинском языке (Оснабрюкский договор от 15 мая 1648 г. и Мюнстерский договор от 24 октября 1648). С точки зрения структурирования текст состоял из преамбулы и 128 статей, которые были сгруппированы по отдельным тематическим блокам: политическое переустройство Германского Рейха, вероисповедание на немецкой территории, территориальные вопросы и др. [Беляев 1996: 41–42]. Важную роль для развития договорно-правовой техники и собственно права международных договоров сыграла более чёткая фиксация вопроса о международно-правовых гарантиях. В частности, в Вестфальском мире было прямо указано, что «заключённый мир должен оставаться в силе и обе стороны обязаны отстаивать и защищать каждую статью мирного договора против каждого, независимо от религии» (§ 5 ст. XVII «Юридические последствия мирного соглашения» Оснабрюкского мирного договора (*Instrumentum Pacis Osnabrugensis* 1648 г.)².

² Текст на немецком языке доступен по ссылке: https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/finde/langDatensatz.php?urlID=740&url_tabelle=tab_quelle#wrapall (дата обращения: 25.11.2020).

В XVII–XVIII веках в договорную практику государств Европы вошло правило о согласовании текста между послами (посланниками и уполномоченными государств), в том числе путём заседания на специальных конференциях и даже конгрессах [Мартенс 1874: 14]. Ещё одной особенностью юридической техники Нового времени стали особые приложения. Пример находим в союзном трактате между Австрией, Россией и Данией 1732 года, к которому были приложены две сепаратные статьи и специальная секретная статья о Шлезвигском герцогстве. В заключительных статьях договоров регулярно стал описываться порядок их пересмотра или отказа с заблаговременным предупреждением [Талалаев 2009: 24]. Достигнутые результаты процессуального оформления международного нормотворчества получают доктринальную обработку и теоретическое оформление в трактатах Г. Еллинека «Юридическая природа международных договоров» 1880, О. Ниппольда «Международный договор» 1894, Э. Зелигмана «Заключение и действие международных договоров» 1890 и др.

В начале XX века процесс институционализации международного нормотворчества и его доктринальной разработки сместился в сторону процедуры участия государств в отраслевой систематизации международного права. Важный вклад в нормотворческую технику этого периода внесла Лига Наций и особенно Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права [Hudson 1923]. При посредничестве академических институтов и представителей национальных правительств Комитет подготовил ряд проектов *кодифицирующих конвенций* как особого типа универсальных договоров. Что ещё важнее, тогда же было предложено разграничивать в юридико-техническом и содержательном плане два типа кодификации: 1) форма международного правотворчества, предназначенная для

согласования позиций и практик государств в тех сферах, по которым существуют расхождения; и 2) вид международной систематизации права с целью сведения и унификации уже согласованных принципов и положений международного права [Талалаев 1963].

Лиге Наций так и не удалось полностью преодолеть «каучуковое» состояние договорного права, изменить декларативную сущность многосторонних договоров. Нередко большинство из них лишь фиксировали обычное право и консолидировали его нормы без существенной модификации. Позитивным моментом стал уже сам процесс «статутификации», перевода норм обычного права в формат международного договора, который фиксировал обязательства государств-участников.

Это направление подхватила созданная в рамках ООН в 1947 г. Комиссия международного права (далее – КМП). Её эксперты вывели вопросы договорного нормотворчества и международной кодистики на новый доктринально-универсальный уровень [Liang 1948; Покачева 2019]. Особого упоминания заслуживают усилия спецдокладчика КМП – английского юриста Дж. Фицмориса, который подготовил объёмный кодекс по составлению и заключению договоров, основаниям их изменения и прекращения, правомерности по критерию волеизъявления, объекта и целей и проч. Используя эти наработки, КМП представила свой доклад в 1966 г. на Генеральной Ассамблее ООН, рекомендовав заключить кодификационную конвенцию и созвать конференцию полномочных представителей государств [Кожевников, Кривчикова 1977: 81–91].

Принятая в итоге *Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.*³ знаменовала собой формирование целостного правового режима добросовестного выполнения, применения и обеспечения международных договоров. Системообразующее значение имеет статья 53 Венской

³ Текст доступен по ссылке: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.11.2020).

конвенции 1969 года, в которой особая роль отводится императивным нормам общего международного права — *jus cogens*⁴, обладающим высшей юридической силой в системе источников международного права. К ним относятся основные принципы международного права, некоторые важнейшие международно-правовые нормы и специальные (отраслевые) принципы (например, о запрете пиратства, рабства, пыток, геноцида, агрессии и др.) [Brownlie 2008: 511; Шестаков 1981]. При этом большинство международно-правовых кодификаций в конечном счёте содействуют установлению и развитию норм общего международного права (*jus cogens*).

2

Краткий исторический обзор основных вех международного договорного нормотворчества и то состояние, в котором оно пребывает в современный период, позволяют сформулировать ряд его особенностей и особо выделить нюансы кодификационной техники договорных актов.

Во-первых, международное договорное нормотворчество имеет согласительный (координационно-горизонтальный) характер. В доктрине и практике различают два подхода к юридическому процессу создания международно-правовых норм: консенсусный и кооперационный. Консенсусный нормотворческий процесс означает создание и принятие акта только на основе достижения консенсуса, в форме соглашения «участников договора» по таким условиям и правилам поведения, которые соответствуют воле сторон соглашения. В международном нормотворчестве весьма важен этот инициативный суверенный посыл со стороны государств-участников как основных субъектов международных правоотношений [Buzan 1981: 324–329]. Согласно Венской конвенции 1969 года, «участник»

означает «государство, которое согласилось на обязательность для него договора и для которого договор находится в силе»; «договаривающееся государство» означает «государство, которое согласилось на обязательность для него договора, независимо от того, вступил ли договор в силу или нет»; «участвующее в переговорах государство» означает «государство, которое принимало участие в составлении и принятии текста договора» (ст. 2).

Во-вторых, кооперационный способ создания нормативно-правовых положений предполагает более продвинутую стадию взаимодействия государств не только в рамках двухсторонних связей, но главным образом в условиях членства в международных организациях. Юридические правила в международном правотворчестве разрабатываются в ходе переговоров глав государств и правительств, на международных конференциях и в практике международных организаций (например, ВТО, ГАТТ, ЮНКТАД, ЭКОСОС, УНИДРУА, ЮНСИТРАЛ) [Нешатаева 1993]. В большинстве случаев такие нормы, отражённые в резолюциях, декларациях, типовых законах, политических соглашениях, коммюнике, иных документах международных организаций и их органов, будут носить в основном рекомендательный характер, оказывать мягкое влияние на создание норм субъектами международного права [Alvarez 2005]. «Мягкое право» весьма успешно используется в процессе толкования положений международного «твёрдого права» и восполнения пробелов международно-правовой регламентации, а иногда даже формирует новые отрасли права (например, космическое право, право охраны окружающей среды). Полагаем, и в будущем международное сообщество всё ещё будет нуждаться в эффективных рамочных нормах поведения государств.

⁴ Термин лат. *jure cogente* использован в «Дигестах Юстиниана» (VI век), затем был теоретически обоснован германскими пандектистами XIX века, которые провели различие между *jus cogens* и *jus dispositivum*. Ранее в трудах Гуго Гроция, Эммера де Ваттеля и Христиана Вольфа встречается идея о выделении особых норм международного права, применяемых независимо от воли и желания государств.

На современном этапе роль участников международного правового регулирования примеряют на себя различные международные неправительственные организации и транснациональные неформальные сети (в частности, Human Right Watch, Amnesty International, Transparency International, Médecins sans frontières, Reporters sans frontières, Greenpeace, Friends of the Earth International) [Suy 1978: 187–190]. Многие из них, хотя и не являясь субъектами международного права, оказывают значительное влияние на социальные и политические изменения в общемировом масштабе, формируя новые режимы и практики [Крылов 1988; Маргиев 1998]. В этой связи актуально дальнейшее развитие процедуры разработки и заключения актов «мягкого права» [Велижанина 2007: 12].

В-третьих, для нормотворческого и кодификационного процесса в международном праве характерны два последовательных этапа: сначала согласование воль государств в отношении правил должного правомерного поведения и затем согласование воль государств в отношении признания этого правила в качестве нормы международного права [Мовчан 1972: 71]. В зависимости от национальной внешней политики, конкретного содержания и значения международного договора каждое государство суверенно решает вопрос о его подписании / ратификации. Участвуя в разработке и заключении международного договора, участники вправе придерживаться своей принципиальной позиции по договорной проблематике. Не существует юридической обязанности государства все непременно заключить тот или иной договор. Действуя в рамках принципа добросовестности, государство вправе нотифицировать (уведомить) других участников переговоров о намерении выйти из процесса по заключению договора, прервать своё участие в выработке соглашения или же внести коррективы в свою позицию.

В-четвёртых, в международной нормотворческой практике сложилось правило о согласии государства с содержанием будущего договора, если им не было явно

выражено никакого протеста или несогласия с разрабатываемым документом. Уточним, что речь идёт об обязанности государства не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу при соблюдении определённых условий (ст. 18 Венской конвенции 1969). При этом, как правило, у государств сохраняется суверенное право на оговорки, совместимые с предметом и целями соответствующего договора [Филимонова 1973: 84–88]. До того момента, пока подписавшее договор государство ясно и чётко не изымет своё намерение не становиться участником этого договора и прекратить участие в процессе его заключения, оно обязано продолжать соблюдать объект и цель данного договора (до вступления договора в силу).

Один из таких примеров даёт позиция Российской Федерации по «Конвенции о киберпреступности» 2001 года, которую наше государство отказалось ратифицировать, ссылаясь на противоречие некоторых норм Конвенции интересам России в области национальной безопасности [Степанов-Егиянц 2015: 167]. Так же Российская Федерация поступила в отношении Римского статута Международного уголовного суда 1998 года [Abashidze, Trikoz 2009: 1105–1110], когда по прошествии 16 лет после подписания данного международного договора направила Генеральному секретарю ООН уведомление о своём намерении не становиться участником Статута (Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 №361-рп «О намерении Российской Федерации не становиться участником Римского статута Международного уголовного суда») [Скуратова 2016: 125–137]. При этом с юридико-технической и содержательной точек зрения важно разграничивать терминологию: «намерение не становиться участником» договора (ст. 18 Венской конвенции) и «отзыв» уведомлений и документов, имеющих целью объявление договора недействительным или его прекращение (ст. 68 Венской конвенции применительно к государствам—участникам договора).

В-пятых, постепенно сложился определённый процессуальный порядок, набор

технических процедур и организационно-институциональных правил разработки текста договора, его согласования и придания обязательной силы [Verma 1989]. В частности, на примере процедуры по созданию кодификационного договора (в рамках ООН) чётко выделяются последовательные этапы договорного нормотворчества.

З

Современная зарубежная доктрина международного права в настоящее время не является единой в понимании сущности и механизма международного нормотворчества. Есть несколько основных подходов, которые ставят разные акценты в исследуемом вопросе. Тем не менее все они имеют общую черту — *перенос научного и практического интереса с механизма международного правотворчества на процесс международного правообразования*.

В частности, концепция согласования политических воль различных государств, которая рассматривала принятие международно-правового акта как конвенционный итог решения политико-правового вопроса, в настоящее время уступила место доктрине интереса, которая развивается в рамках реалистической школы права [Тункин 2019: 75–86].

Многие западные юристы-международники считают, что современное международное право — это поле битвы конкурирующих глобальных, региональных и национальных интересов. Эти интересы очень сложно гармонизировать и ещё сложнее облечь в единую форму признаваемого всеми международно-правового акта. Но выход есть. Как пишет Жан д'Аспремон (Нью-Йоркская юридическая школа), нужно лишь помнить, что США — это основной субъект международного права, главный законодатель и правоисполнитель. Следовательно, с рационалистической точки зрения Америка должна максимизировать своё влияние в международном праве [d'Aspremont 2006].

В концентрированном виде позиция американских международников-реалистов выглядит следующим образом. США, исходя их доктрины «просвещённого на-

ционального интереса» (когда есть понимание того, что интерес американских избирателей выше, чем интересы народов остального мира, но Америка обязана проявлять заботу и о других народах), должны быть основными международными законодателями и ревностными исполнителями международного права во всём мире. Если же нормы международного права нарушают американские интересы, США обязаны незамедлительно выйти из любого международно-правового договора.

Интересным, но весьма спорным представляется взгляд на природу международного права Нью-Хейвенской школы (*New Haven School*) Йельского университета. Юриспруденция этой школы, как указывается в Оксфордском онлайн-справочнике, представляет собой современный теоретический и методологический подход к анализу международного публичного права с точки зрения *реальной политики*. Этот подход сформировался на юридическом факультете Йельского университета в 1960-х годах, но стал особенно популярен в последней трети XX в. Международное право предлагается рассматривать как юриспруденцию социального выбора, которая применяется в различных процессах принятия социально значимых решений. Цель подхода Нью-Хейвенской школы — исследовать международное право как социальный процесс, направленный на создание минимального мирового общественного порядка на основе общих ценностей международного сообщества. Идеологические истоки данной школы включают в себя традиции правового реализма и социологической юриспруденции. Несмотря на критику, анализируемый подход сохраняет методологическую привлекательность благодаря гибкости и эффективности в решении сложных политических вопросов [Lone 2019].

Основные подходы к пониманию международного нормотворчества в рамках данной школы следующие.

1. Необходимо пересмотреть методологию оценки международно-правовой действительности; формально-юридический подход к её анализу через призму «закосте-

нелых», а возможно, и устаревших норм, принципов и институтов должен уступить место политико-правовому методу.

2. Суть политико-правового метода заключается в том, что право ценно не само по себе, а лишь только как инструмент реальной политики. Политика — это техника принятия важных социальных решений. Цель международной политики — достижение и сохранение богатства общества и его безопасности.

3. Закон — это авторитетное решение, направленное на установление общественного порядка; это ответ государственной власти на запросы участников социально-го и политического процесса. Общественный порядок определяется как оптимальное формирование и распределение между всеми людьми общественных ценностей (богатство, образование, благополучие, уважение личности).

4. В самом международном праве нет никакой ценности, оно лишь способ достижения мирового общественного порядка. Святость неизменных норм и принципов международного права должна быть пересмотрена. Традиционные международно-правовые ценности, такие как охрана и защита прав и свобод человека и гражданина на всех континентах, уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутреннюю политику других государств, не признаются в полной мере таковыми либо рассматриваются в качестве мифов или анахронизмов.

5. Право — это не совокупность норм и не застывший свод международных правил (такой подход пригоден лишь для обучения студентов), а политика — это не просто деятельность государств на международной арене. Разницы между правом и политикой не должно существовать. Международное право — лишь часть международной политики, и процесс правотворчества представляет собой лишь этап политического процесса. Соответственно, правильнее вести речь о политической юриспруденции или политически ориентированной юриспруденции.

6. В академическом смысле, по мнению представителей школы, политическая

юриспруденция — это теория о том, как правильно сделать политический выбор, учитывая все вызовы и угрозы современного миропорядка. Если право мешает сделать политически правильный выбор, его надлежит отменить или изменить; если помогает, то его следует применить. Именно такой должна быть юриспруденция «для реально свободного общества».

7. Нормотворчество представляет собой творческий процесс юридического оформления и легитимации политического решения с учётом всех экономических, социальных и культурных факторов.

8. В международной политике важен практический результат, поэтому сосредоточение на формально-юридических сторонах принятия правильного решения было бы ошибкой. В этой связи деятельность таких учреждений, как Совет Безопасности ООН и Международный Суд ООН, должна быть реформирована [Reisman, Wiessner, Willard 2007].

Профессор Йельского университета М. Макдугал утверждал, что международное право представляет собой совокупность «общественных предписаний», которые формируются, постоянно изменяются в «мировых процессах силы» путём предъявления государствами друг другу претензий и контрпретензий и эффективно применяются с помощью силы. В соответствии с теорией М. Макдугала «международное право, по существу, перестаёт быть особым компонентом международной системы — системой обязательных норм, оно растворяется в политике» [Гаврилов 2004: 18–35].

Столь радикальный подход идёт вразрез с другой основополагающей западной юридической доктриной — «управление обществом посредством права на основе права», которая нашла отражение в теории правового государства. Политико-ориентированные юристы отвергают тот факт, что любая политика, в том числе и международная, должна строиться на основе права, где право есть главная ценность, а не средство достижения политических целей. В соответствии с их постулатами право — это легитимация политической воли сверх-

державы (замаскированная под международный интерес к конкретному решению проблемы), которая находит воплощение в международно-правовом акте. По своей политико-правовой сути данный акт представляет собой приказ сверхдержавы остальным членам международного сообщества. Неисполнение этого приказа рассматривается как нарушение норм международного права со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде санкций.

Как правильно отмечает Ю.М. Юмашев, наибольшее влияние на теоретическую мысль Запада сейчас оказывают представители «Йельской школы международного права» (именуемой также *«реалистической школой»*) во главе с М. Макдугалом. Для них международное право — неотъемлемая часть внешней политики. Оно служит основным инструментом её реализации. Не случайно англосаксонские и немецкие авторы характеризуют эту теорию как политико-ориентированную.

Сторонники этого направления международно-правовой мысли критикуют международников, которые делают акцент на объективистской, юридико-технической стороне создания норм международного права в отрыве от внешней политики, являющейся, с их точки зрения, фактором принятия стратегических решений. Они утверждают, что международное право — это скорее один из основных факторов, влияющих на процесс принятия политических решений, нежели совокупность норм.

В то же время концепция «реалистической школы» носит ярко выраженный идеологический характер, поскольку сам Макдугал видел конечную цель международного права в защите демократии, свободы и достоинства человека, западных ценностей в целом. Возникает вопрос: не была ли эта доктрина одним из теоретических обоснований «гуманитарных интервенций» и вторжения США в Ирак в 2003 году [Юмашев 2009: 3–9]?

Основы концепции *«политического реализма»* были заложены политологом и историком, профессором Чикагского и Нью-Йоркского университетов Г. Моргентхау.

«Признание того факта, что международное право существует, — утверждал он, — не означает, однако, что оно представляет собой такую же эффективную правовую систему, как национальные правовые системы, и, в особенности, что оно является эффективным инструментом регулирования и сдерживания процесса борьбы за власть на международной арене... Международное право — это примитивный тип права потому, прежде всего, что оно является почти полностью децентрализованным правом» [Morgenthau, Thompson 1985: 295]. Существование и функционирование международного права определяют два фактора, каждый из которых носит децентрализованный характер: наличие общих интересов отдельных государств и соотношение силы между ними. Где нет общности интересов и баланса силы, там нет и международного права.

Радикализм Нью-Хейвенской школы критикуют некоторые западные учёные. Так, основатель «теории законности», американский правовед Т. Френк указывал, что в современном мире организованное международное сообщество зиждется на праве и воле государств признавать законными нормы, институты и поведение отдельных стран. По его мнению, на это признание оказывают влияние такие факторы, как определённая чёткость норм и процедур, процессуальные формы придания действительности нормам, устойчивость их применения, признание нормативной иерархии права сообщества [Гаврилов 2004: 25; Евинтов 1990: 11–12].

Недавний бестселлер по исследуемой проблеме — книга Кристин Чинкин, профессора Лондонской школы экономики и политологии, и Алана Бойла, профессора Эдинбургского университета, ярко показывает сам процесс выработки норм и создания международных договоров. Авторы описывают важнейшее понятие легитимности (англ. *legitimacy*), как «нормативную убеждённость в том, что следует соблюдать установленное правило или подчиняться определённому институту» [Boyle, Chinkin 2007: 24]. Проводится различие между процессуальной легитимностью (процедур

правотворчества) и легитимностью самой международной нормативной системы. Авторы книги утверждают, что не следует подменять понятие «нарушение легитимности процесса» понятием легальности (законности) [Трикоз 2006: 7–11], так как первая предполагает отклонение от предусмотренных и принятых в практике процедур нормотворчества, а вторая — соблюдение прямых предписаний основополагающих правовых актов (*substantive international laws*). В понятие «системная легитимность» в международном праве авторитетные исследователи включают деятельность ведущих мировых держав, так как именно они традиционно обладают гегемонией в формировании международного права, в том числе в правотворческом процессе по созданию юридических норм, практик и режимов.

Российские исследователи правильно отмечают, что основная проблема, внесённая юриспруденцией Нью-Хейвенской школы в глобальную политику, заключается в убеждении, что деньги и богатство следует рассматривать не только как маркеры экономической эффективности политического режима, но и как критерий законности для любых публичных действий [Алексеев 2018: 272–281].

4

Зарубежные правоведы подчёркивают, что в процессе международного сотрудничества государства—стороны в договоре будут получать выгоды и нести издержки от совместной деятельности на международной арене. Этот основной факт и должен быть учтён в международном нормотворчестве. Нет ничего зазорного в том, что какое-либо государство, исходя из своих финансовых интересов, вообще отказывается от подписания международного договора либо прекращает выполнение своих невыгодных с экономической точки зрения международных обязательств (выхода из договора), или делает оговорку в международном договоре (пытаясь минимизировать свои финансовые потери) [Koremenos 2012; Zhang 2006].

В обобщённом виде экономический анализ международного нормотворчества базируется на исследовании процесса целесообразности создания или изменения договорных норм международного права исходя из критерия эффективности по Парето. Данный критерий имеет следующую формулу: «всякое изменение в международном сотрудничестве, которое никому не приносит убытков, а некоторым государствам приносит пользу (по их собственной оценке), является улучшением международных отношений». В этой связи считаются допустимыми только такие изменения (дополнения) норм международного права, которые не приносят никому дополнительного вреда в виде вероятных (неизбежных) издержек. К вероятным издержкам относятся: длительность процедуры согласования проекта международного договора; возможный отказ от его ратификации одной из сторон; существенные расходы на исполнение договорных обязательств; неисполнение или ненадлежащее исполнение международного договора государством-контрагентом; судебные споры.

Профессор Кембриджского университета Э. Гузман формулирует дополнительные условия, при которых действительно имеется улучшение (международных отношений, осуществлённых на основе нормотворчества) по Парето. *Во-первых*, все стороны соглашения обязательно должны иметь реальную возможность отказаться от участия в нём и сохранить статус-кво. *Во-вторых*, если участие в соглашении отвечает целям отдельных политических лидеров, принимающих решение, но не отвечает целям государства и его населения, то улучшение по Парето отсутствует. *В-третьих*, если решение об участии в соглашении принято под влиянием других государств (когда, в частности, имеет место принуждение), то такое соглашение также не будет отвечать критерию эффективности [Guzman 2009: 285–293].

В рамках экономического исследования международного права для изучения механизмов заключения и исполнения международных договоров учёные и практики

активно используют «теорию контрактов», «доктрину совершённого договора» и «теорию эффективного нарушения договора» [Садыкова 2019].

Как подвид исследуемой доктрины *теория контрактов* представляет собой учение и практику экономической и управленческой наук о способах достижения соглашений между контрагентами по существенным условиям договора. Особое внимание в рамках международного права уделяется категориям «неблагоприятный выбор» и «недобросовестное поведение контрагента». Основная задача данных категорий — всесторонне проанализировать условия контракта, позиции контрагентов, их реальные возможности и намерения, а также добрую волю сторон [Bolton, Dewatripont 2005]. В рамках международного нормотворчества важно избегать ситуации, при которой стороны непомерно увеличивают транзакционные издержки друг друга (издержки сбора и обработки информации, проведения переговоров и принятия решений, контроля за исполнением, издержки правового сопровождения договора, судебные расходы, издержки оппортунистического поведения сторон) [Dahlman 1979].

Представляется, что в рамках международного права важный предмет анализа — оппортунистическое поведение государства-контрагента, которое грубо не нарушает прописанные условия договора, а законно не исполняет свои обязательства благодаря несовершенству отдельных положений договора, противоречиям либо пробелам в международно-правовом регулировании или расширительному толкованию некоторых статей договора, а также ссылается на обстоятельства форс-мажора.

Недопустимой в сфере международных отношений представляется ситуация, когда стороны в рамках переговорного процесса предоставляют друг другу «асимметричную информацию», то есть юридически обманывают друг друга, преследуя недобросовестные цели: получить необоснованные выгоды по договору; минимизировать свои политические или экономические издержки; увеличить шансы оспорить договор

в суде и выиграть дело; расторгнуть договор на условиях, выгодных только одной стороне; безнаказанно не выполнять свои обязательства по договору.

Для того чтобы минимизировать вышеуказанные негативные последствия, и была разработана «доктрина совершённого договора». Договор считается совершённым, если (1) стороны добросовестно обговорили все существенные условия, (2) договор соответствует действующему праву и оформлен в надлежащей юридической форме и (3) в тексте договора содержатся определения основных категорий, чётко прописаны предмет договора, права, обязанности и ответственность сторон, отсутствуют неясные или двусмысленные положения.

Поскольку идеального договора в природе не существует, исполнение договора для одной из сторон может потерять свою привлекательность из-за его несовершенства. Для таких случаев западные правоведы разработали «теорию эффективного нарушения договора». Суть данной теории состоит в том, что в некоторых случаях заинтересованная сторона может полностью или частично отказаться от исполнения ранее заключённого договора, если его неисполнение окажется выгоднее, чем исполнение. Основаниями для отказа являются: утрата смысла (цели) в исполнении договора (фрустрация договора), реальная неосуществимость (юридическая невозможность) исполнения договора, политическая или экономическая нецелесообразность осуществления договора. Односторонний отказ от исполнения договора может повлечь санкции для виновной стороны, но оговорками можно установить и освобождение от ответственности.

Представляется, что «теория эффективного нарушения договора» может применяться только в международном частном праве для двусторонних договоров и лишь в строго ограниченных случаях [Posner, Sykes 2011; Wenqing 2015]. Экстраполировать её использование в рамках международного публичного права вряд ли допустимо, поскольку это создаст возможность легального нарушения мирового правопорядка. Неко-

торое смягчение данного тезиса можно увидеть применительно к сфере публичного права в позиции Генеральной Ассамблеи ООН, отражённой в Резолюции 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». В приложении к ней в числе обстоятельств, исключающих противоправность деяния государства, упоминается «форс-мажора» как проявление непреодолимой силы или непредвиденного события, не поддающихся контролю государства. Хотя и в этой ситуации нарушившее своё международно-правовое обязательство государство не должно было изначально принимать на себя риск возникновения форс-мажора или же обуславливать его возникновение своим поведением полностью или частично (ст. 23 Главы V).

В отечественной литературе также встречаются не столь категоричные суждения. Так, по мнению Р.Б. Садыковой, применять вышеуказанную теорию следует с осторожностью, поскольку она противоречит фундаментальному принципу «*pacta sunt servanda*», ставя под угрозу стабильность межгосударственных отношений [Садыкова 2019: 56–60]. Более верной представляется позиция А.Д. Дегтярёва, который полагает, что в рамках экономического анализа международного права должны рассматриваться преимущественно будущие международные соглашения и обязательства в рамках «мягкого» права, в том числе единогласно принятые резолюции ГА ООН [Дегтярёв 2013: 151–152].

5

В современной западной науке международного права большое место занимают *концепции постмодернизма*, в рамках которых процесс создания норм международного права переосмысливается, наполняется новым содержанием [Venzke 2016]. Как метко указывает А.В. Торкунов, позитивисты испытывают на себе растущее давление со стороны постмодернистов и постпозитивистов, которые предлагают ещё больше расширить эпистемологические и методологические рамки [Торкунов 2019: 9]. К основным постмодернистским направлениям от-

носятся коммуникативная теория международного права и диалогическая доктрина.

По верному замечанию А.А. Мережко, *коммуникативная теория международного права* — это не достижение сегодняшнего дня. Ещё основатель международного права Гуго Гроций относил к числу свойств, присущих человеку, «стремление к общению». Именно контролируемое разумом стремление к общению Гроций провозгласил источником естественного права. Позднее немецкий юрист Пуфендорф высказал предположение, что государства в совокупности образуют *societas gentium*, включающее всё человечество, которое представляет собой общение без какой-либо общей власти.

Сходное понимание коммуникативной природы права легло в основу теории международного права выдающегося русского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса, которая в литературе получила название «*теория международного общения*» [Пустогаров 1999: 60; Мережко 2002]. Он писал, что «в основу научной системы международного права должна быть положена идея международного общения, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единого целого, связанная с другими государствами общностью интересов и прав». Международное общение, по мнению Мартенса, возникло в результате осознания государствами необходимости взаимодействия для достижения совместных целей и реализации своих интересов. Суть международного общения Мартенс определяет следующим образом: «Международное общение есть свободный союз государств для достижения общими действиями полного развития своих сил и удовлетворения своих разумных потребностей. Совокупность юридических норм, определяющих осуществление идеи международного общения, составляет право международного общения; это и есть международное право» [Мартенс 2008].

В начале 2000-х годов концепция «*диалога цивилизаций*», впервые обоснованная в работах английского философа и историка А.Дж. Тойнби, приобрела новый глобаль-

ный интеллектуальный и политический контекст. Интерес к ней возник в обстановке острой международной дискуссии, вызванной публикацией одноимённой работы и затем целого историко-философского трактата С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*) в 1996 году, в ответ на работу его ученика Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*).

Осенью 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН поддержала предложение президента Ирана С. Хатами организовать движение за диалог между цивилизациями и объявила 2001 г. годом такого диалога. В докладе Генерального секретаря ООН «Год диалога между цивилизациями под эгидой ООН» была сформулирована концептуальная основа *межцивилизационного диалога* в условиях глобализации. Концепция предлагала новый взгляд на цели глобальных и международных отношений. Многообразие рассматривалось как «человеческое лицо глобализации», диалог — как «зерно новой парадигмы международных отношений», индивидуальная ответственность за принятие политических решений — как «неотъемлемый элемент новой парадигмы», «подотчётность личности в международных отношениях» [Dunoff, Pollack 2012; McWhinney 2007: 421; Исаев 2012; Осмин 2018: 131–144].

В настоящее время подход к международному нормотворчеству только как к процессу и результату межгосударственной коммуникации считается достоянием истории. Вместе с теорией согласования политических волей он остался в XX веке. Современные доктрины постмодернизма доказывают, что межгосударственное общение намного сложнее, чем простое обозначение государствами в процессе нормотворчества своего национального интереса и геополитических амбиций. Для наиболее адекватного понимания сложной сущности межгосударственного взаимодействия в процессе международного правообразования необходимо, по мнению юристов-постмодернистов, осуществить лингвистический поворот в международном праве.

Лингвистический поворот представляет собой научный подход к осмыслению международных отношений, в рамках которого анализируется то, как возникает диалог между прошлым, настоящим и грядущим в международных отношениях, преломлённый в устаревшем и действующем международном праве, а также в его будущих нормах. Кроме того, исследуются также диалогические связи между суверенными государствами, между национальными порядками и международным правом. Всё это позволяет лучше понять международно-правовой дискурс и использовать эти знания в процессе нормотворчества и толкования международного права.

Постмодернистский этап в развитии *коммуникативной теории международного права* характеризуется следующими чертами.

1. В сфере международного нормотворчества осуществляется постепенный переход от традиционных источников права к коммуникативным, под которыми понимается международно-правовой дискурс, взятый во всём его многообразии в конкретно-исторический период.

2. Коммуникативный источник, в который включены переговоры государств по поводу проекта конкретного соглашения, решения международных организаций, проводимые научные симпозиумы, на которых обсуждается релевантная проблематика, современные международно-правовые доктрины, экспертные мнения авторитетных дипломатов и политологов, необходимо рассматривать как дискурсивную основу любого международного правообразовательного процесса.

3. Дискурсивное толкование нормы международного права — следующий этап лингвистического поворота. Правовая норма — это текст, который нуждается в интерпретации посредством изучения соответствующих подтекста и контекста.

4. Поскольку международный законодатель не является ясновидящим, он не может всё предусмотреть и описать в правовом тексте, дать исчерпывающие ответы на любые вопросы. В этой связи правоприменителю необходимо постоянно открывать

вать потаённый смысл нормы, если для разрешения ситуации не хватает её буквального понимания.

Как поясняет А.А. Мережко, коммуникативная теория включает в себя правила, которых необходимо придерживаться в процессе применения и интерпретации международных соглашений. *Во-первых*, международные соглашения можно лучше понять, если рассматривать их не как простые тексты, а как процессы международной коммуникации и сотрудничества, которые происходят в широком контексте международного сообщества. *Во-вторых*, добросовестное применение соглашения требует осуществления целого ряда действий (например, исследование значимых фактов и более широкого контекста, в котором они находятся; исследование ценностей и политико-правовых аспектов международного сообщества; юридическая квалификация фактов и определение степени их значимости; выбор между ценностями международного сообщества, которые имеют отношение к соответствующим фактам). *В-третьих*, применение международного соглашения требует выполнения трёх интеллектуальных задач: интерпретация (определение общих субъективных ожиданий — *shared expectations* — коммуникаторов—сторон договора); суплементация (устранение неминуемых при создании текста пробелов и двусмысленностей в общих ожиданиях сторон); интеграция (процесс включения соглашения в контекст фундаментальных ценностей международного сообщества). В целом *коммуникативная теория толкования* международных договоров отдаёт предпочтение не тексту договора, поскольку значение слов изменяется с течением времени, а контексту и субъективным намерениям сторон [Мережко 2002: 82–83].

Следует также отметить «диалогический подход» как *направление герменевтики*, представленное в трудах Х.-Г. Гадамера и П. Рикера. Это направление основывается на следующих принципиальных положениях. Истина текста не связана с концепцией истины как соответствия между пониманием интерпретатора и намерениями

автора. Погружение в исторический контекст создания текста важно, но не исчерпывает полностью задачи толкования. Не менее важно заставить текст «говорить» в соответствии с настоящей ситуацией интерпретатора. Имеется множество неправильных толкований текста, однако существует более чем одно «правильное» его толкование. Вместе с тем толкование не является полностью субъективным, поскольку текст сам создаёт пределы своего понимания и всегда идёт дальше намерений автора. Историко-лингвистические изыскания способствуют осознанию интерпретатором своих предубеждений, однако эти изыскания не устраняют окончательно все предубеждения. Герменевтический круг означает, что интерпретатор проецирует определённое значение на текст, а текст либо подтверждает, либо сопротивляется этому значению. Диалогическая герменевтика отрицает существование канонов и методов, которые бы заранее определяли ход толкования или интерпретации текста [Мережко 2002: 92–93].

В современном международном нормотворчестве «диалогический подход» имеет значение не только для правоприменителя, но и для международного законодателя, который обязан предвидеть проблемы интерпретации международно-правовой нормы и по возможности предотвратить их ещё на этапе разработки международного соглашения. В идеале диалогическая герменевтика должна исключить на практике такой феномен, как «сильная сторона в договоре» (т.е. сторона, которая, вопреки принципу формально-юридического равенства, грубо навязывает свою волю другим участникам договора).

Разумеется, столь радикальный и нестандартный, с точки зрения российских юристов-международников, подход к проблемам международного нормотворчества в современную эпоху требует дальнейшего анализа и критического осмысления. Объективности ради укажем, что не все зарубежные учёные и политики безоговорочно разделяют академические и практические возможности постмодернизма в улучшении

международного права. В частности, Карти Энтони в фундаментальной статье «Критическое международное право: последние тенденции в теории международного права» призывает государственных деятелей и юристов быть очень осторожными с таким инструментом нормотворчества, как *диалогический дискурс*. Необходимо, прежде всего, на теоретическом уровне разобраться с категорией «общепризнанный юридический дискурс». Роль юриста-международника в такой остро релятивистской, саморефлексивной культуре современного международного общения как никогда важна. Ведь именно в его функции, как считает К. Энтони, входит противодействие фальшивому, деконструктивистскому, якобы референтному юридическому дискурсу классического международного права. Задача критически настроенного юриста-международника состоит не в том, чтобы подменить один псевдобеспристрастный мировой правопорядок другим. Она заключается в том, чтобы содействовать развитию процесса межгосударственного и межкультурного диалога и взаимопонимания, которые могут позволить государствам реально сблизиться. Для этого необходимо освободиться от ложных универсальных дискурсов, господствующих в современной мировой политике, в пользу национальных дискурсов различных государств, которые возможно выявить с помощью *юридической антропологии* [Carty 1991].

* * *

В процессе политико-правовой эволюции учение о международном нормотворчестве претерпело множество изменений и переосмыслений. Однако международный договор был, есть и будет основным источником международного права и главным формально-юридическим документом, который фиксирует итог межгосударственного соглашения по конкретному практическому вопросу.

Важнейшие постулаты международного права о том, что договор — это только добровольное соглашение государств-участников и принцип «*conventio facit jus*» (согла-

шение создаёт право), являются незыблемыми и универсальными. Сформулированная, как ранее казалось, на все времена максима «*pacta sunt servanda*» (договоры должны соблюдаться) в настоящее время активно пересматривается западными политиками и юристами-международниками. В самом деле, например, в доктрине «Европа разных скоростей» открыто признаётся неравенство государств-членов ЕС (появившаяся в конце XX в. идея «изменяющейся геометрии» объединённой Европы или «концентрических кругов» государств-членов с разной степенью интегрированности) [Koenig 2015: 5; Кавешников 2020: 40–46], а также американская доктрина «длинных рук», которая не обязывает США соблюдать невыгодные стране международные договоры и позволяет действовать с позиции силы.

В современных западных теориях международного права *концепция международного нормотворчества* рассматривается преимущественно уже не как чисто юридический механизм оформления согласованных волей различных государств, а преимущественно как *политический процесс* навязывания интереса сверхдержав мировому сообществу и легитимации права сильного на международной арене.

Разумеется, такая научная позиция, которая развивается в рамках зарубежной политической юриспруденции, и детерминированная ею практика международного нормотворчества не могут поддерживаться ни на теоретическом, ни на практическом уровне. Международный договор является важнейшей правовой ценностью именно потому, что он выражает волю равноправных государств-членов, а его обязательное соблюдение всеми участниками международных правоотношений гарантирует мировой правопорядок. Следовательно, и процесс межгосударственного нормотворчества должен представлять собой процедуру конвенционного преобразования норм международного права, а не способ юридического оформления директивы государств-лидеров, обязательной для исполнения остальными государствами-реципиентами.

Список литературы

- Александренко В. Международное право Рима // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 2. С. 301–322.
- Алексеев Г.В. К вопросу о политизации международного права // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты. СПб., 2018. С. 272–281.
- Беляев М.П. Из предыстории Вестфальского мирного конгресса (французская и имперская дипломатия в поисках мира) // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 3. 1996. № 1. С. 41–44.
- Валеев Р.М. Некоторые вопросы юридической техники в международном праве // Законотворческая техника современной России. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 21–31.
- Велижанина М.Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2007.
- Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. М., 2018. 224 с.
- Гаврилов В.В. Развитие концепции правовой системы в зарубежной правовой доктрине второй половины XX — начала XXI века // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 18–35.
- Дегтярёв А.Д. Экономический анализ международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8. С. 149–153.
- Дорская А.А. Основные этапы развития права международных договоров (к 40-летию Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) // Соотношение международного и национального права: теория, практика, проблемы преподавания. СПб., 2009. С. 235–245.
- Евинтов В.И. Международное сообщество и правопорядок (анализ современных концепций). Киев, 1990. 128 с.
- Исаев Р.О. Диалогическая природа доверия в международных отношениях // Основы экономики, управления и права. 2012. № 6(6). С. 28–32.
- История международных отношений. Т. 1. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М., 2012. 400 с.
- Кавешников Н.Ю. Интеграция и дезинтеграция в Европейском Союзе: сценарии развития // Кризис и посткризис: люди, институты, практики: Сб. статей Междисциплинарной научной онлайн-конференции. Тюмень, 2020. С. 40–46.
- Каламкарян Р.А. Философия международного права. М., 2006. 208 с.
- Кожевников Ф.И., Кривчикова Э.С. Комиссия международного права ООН. М., 1977. 102 с.
- Крылов Н.Б. Правотворческая деятельность международных организаций. М., 1988. 170 с.
- Лукашук И.И. Современное право международных договоров. М., 2004. Т. 1. 658 с.
- Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. 1997. Т. 57. С. 58–87.
- Маргиев В.И. Правотворчество международных организаций. Майкоп, 1998. 46 с.
- Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключённых Россией с иностранными державами: В 15 т. СПб., 1874–1909. Т. I. Трактаты с Австрией, 1648–1762 гг. СПб., 1874. 324 с.
- Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. 1 / Под ред. и с биографическим очерком В.А. Томсинова. М., 2008. 368 с.
- Мережко А.А. Гносеология международного права. Введение в философию международного права. Киев, 2002. 192 с.
- Мишулин А.В. Идеи права в междоуэллинских отношениях // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 51–65.
- Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М., 1972. 214 с.
- Нешатаева Т.Н. Влияние межправительственных организаций системы ООН на развитие международного права: Дисс. ... д-ра юр. наук. М., 1993.
- Осмин Б.И. Национальные и международные суды: необходим диалог // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 131–144.
- Пацация М.Ш. К вопросу о происхождении международного права // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. Вып. 1. М.: МГИУ, 2000. С. 12–18.
- Покачева А.В. О необходимости исследования механизма международного нормотворческого процесса (на примере ООН) // Юридические науки: проблемы и перспективы. Казань, 2019. С. 75–77.
- Пустогаров В.В. Фёдор Фёдорович Мартенс — юрист и дипломат. М., 1999. 286 с.
- Садыкова Р.Б. Международно-правовые доктрины экономического анализа: Дисс. ... канд. юр. наук. М.: МГИМО, 2019.

- Скуратова А.Ю. Россия и Римский статут Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2016. № 4 (104). С. 125–137.
- Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М., 2012. 688 с.
- Степанов-Егиянц В.Г. Безопасное обращение компьютерной информации и проблемы международного правотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2. С. 164–170.
- Тазиев Н.Д. Международное нормотворчество: современные проблемы создания правовых норм: Дисс. ...канд. юр. наук. Казань, 2002.
- Талалаев А.Н. О кодификации международного договорного права (обзор некоторых проектов конвенций и кодексов) // Советский ежегодник международного права. 1962. М., 1963. С. 137–149.
- Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т.1. Общие вопросы / Отв. ред. Л.Н. Шестаков. М., 2009. 280 с.
- Торкунов А.В. Международные исследования: хаос или плюрализм? // Polis: Journal of Political Studies. 2019. № 5. С. 7–18.
- Трикоз Е.Н. Международно-правовая законность (к постановке проблемы) // Международное публичное и частное право. 2006. № 5(32). С. 7–11.
- Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2019. 416 с.
- Филимонова М.В. Вступление в силу универсального кодифицирующего договора // Правоведение. 1973. № 3. С. 84–88.
- Халипов В.Ф. Власть. Основы кратологии. М., 2002. 304 с.
- Шелестин В.Ю. Внешняя политика Хеттского государства от Мурсила I до Муваталли I (XVI–XV вв. до н.э.). М., 2014. 24 с.
- Шестаков Л.Н. Императивные нормы в системе современного международного права. М., 1981. 120 с.
- Юмашев Ю.М. Западная доктрина международного права начала XXI в. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 3–9.
- Abashidze A., Trikoz E. The ICC Statute and the Ratification Saga in the States of the Commonwealth of Independent States // The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko / Ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, M.Ch. Bassiouni. Leiden; Boston, 2009. P. 1105–1110.
- Alvarez J. International Organizations as Law-Makers. Oxford; New York, 2005. 708 p.
- Boesche R. The First Great Political Realist: Kautilya and His Arthashastra. Lanham: Lexington Books, 2002. 127 p.
- Bolton P., Dewatripont M. Contract Theory. Cambridge, Mass. & London, England: MIT Press, 2005. 744 p.
- Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. Oxford: Oxford University Press, 2007. 368 p.
- Brownlie I. Principles of public international law. Oxford: Oxford University Press, 2008. 872 p.
- Buzan B. Negotiating by Consensus: Developments in Technique at the United Nations Conference on the Law of the Sea // American Journal of International Law. 1981. Vol. 75. P. 324–329.
- Carty A. Critical International Law: Recent Trends in the Theory of International Law // European Journal of International Law. 1991. Vol. 2. P. 66–96.
- Cooper J.S. Reconstructing History from Ancient Inscriptions, The Lagash-Umma border conflict. Malibu, 1983. 61 p.
- d'Aspremont J. Contemporary International Rulemaking and the Public Character of International Law // International Law and Justice Working Papers. 2006. Vol. 12. P. 1–40.
- Dahlman C.J. The Problem of Externality // Journal of Law and Economics. 1979. Vol. 22. Issue 1. P. 141–162.
- Dhokalia R.P. Reflection on International Law-Making and Its Progressive Development in the Contemporary Era of Transition // International Law in Transition: Essays in Memory of Judge Nagendra Singh. New Delhi, 1992. P. 203–228.
- Duckwitz R. Rechtsfolgen bei Verletzung völkerrechtlicher Verträge. Berlin, 1975. 158 s.
- Frank Th.M. Legitimacy in the International System // American Journal of International Law. 1988. Vol. 4. P. 705–759.
- Guzman A.T. How international law works: introduction // International Theory. 2009. Vol. 1. Issue 2. P. 285–293.
- Hudson M.O. The Codification of International Law through the League of Nations – an address. New York, 1923. 8 p.
- Ida R. International lawmaking process in transition? A comparative and critical analysis of recent international norm-making process // Trilateral perspectives on international legal issues / Ed. by M.K. Young, Y. Iwasawa; American Society of International Law, United States, 1996. P. 27–45.

- International Law and International Relations: Introducing an Interdisciplinary Dialogue / Ed. by Dunoff J.L., Pollack M.A. Cambridge University Press, 2012. 698 p.
- Koenig N. A Differentiated view of Differentiated Integration // Jacques Delors Institute Policy Paper. 2015. No. 140. 25 p.
- Koremenos B. An economic analysis of international rulemaking. Working Paper. Department of Political Science, University of Michigan, Ann Arbor, 2012. 35 p.
- Liang Yuen-Li. Le développement et la codification du droit international // *Recueil des cours: Collected courses of the Hague Academy*. 1948. Vol. 43. Issue II. P. 407–532.
- Lone F. The New Haven School of International Law // *Oxford Bibliographies Online*. 27 March 2019.
- McWhinney E. International Law Making in Times of Competing Ideologies or Clashing Civilizations: Peaceful Coexistence and Soviet-Western Legal Dialogue in the Cold War Era // *Canadian Yearbook of International Law*. 2007. Vol. 44. P. 421–436.
- Morgenthau H.J., Thompson K.W. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. McGraw-Hill, Inc., 1985. 703 p.
- Zhang Nai-gen. On Economic Analysis of International Law *Canadian Social Science*. 2006. Vol. 2. No. 2. P. 1–10.
- Posner E.A., Sykes A.O. Efficient Breach of International Law: Optimal Remedies, Legalized Noncompliance, and Related Issues // *Michigan Law Review*. 2011. Vol. 110. P. 243–294.
- Reisman W.M., Wiessner S., Willard A.R. The New Haven School: A Brief Introduction // *Yale Journal of International Law*. 2007. Vol. 32. Issue 2. P. 575–582.
- Shaw M.N. *International Law*. 3rd ed. Cambridge: Grotius Publications. 1991. 837 p.
- Slaughter A.M., Tulumello A.S., Wood S. International Law and International Relations Theory: A New Generation of Interdisciplinary Scholarship // *The American Journal of International Law*. 1998. Vol. 92. Issue 3. P. 367–397.
- Suy E. Innovation in International Law-Making Processes // *The International Law and Policy of Human Welfare* / Ed. by Ronald St. J. Macdonald et al. 1978. P. 187–190.
- Venzke I. Contemporary Theories and International Lawmaking // *Research Handbook on the Theory and Practice of International Lawmaking*. Northampton, MA: Edward Elgar, 2016. P. 66–84.
- Verma D. Rethinking about New International Law' Making Process // *Indian Journal of International Law*. 1989. Vol. 29 (1 & 2). P. 38–51.
- Wenqing Liao. The Application of the Theory of Efficient Breach in Contract Law. A Comparative Law and Economics Perspective. Intersentia Ltd., 2015. 350 p.

INTERNATIONAL TREATY RULEMAKING AS A POLITICAL PROCESS

HISTORY AND THEORY ISSUES

ALEXEY MALINOVSKY

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

ELENA TRIKOZ

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

People's Friendship University of Russia, Moscow 117198, Russian Federation

Abstract

The article examines in detail the historical and theoretical approaches to the formation and development of the interstate law-making process. Starting from the period of the emergence of treaty rule-making in the Ancient East as a politically motivated process, the development of legal technology in the Middle Ages, the structure of the text of an international treaty and the method of drafting reservations is traced. The article analyzes the novelties of treaty technology (annexes, activity of conferences, procedural rules

for registration) and the doctrinal processing of the international process in the New Time. The institutional contribution of the League of Nations and the UN ILC to the norm-setting technique and the bringing of international codistics to a new doctrinal-universal level are noted. The authors of the article formulate a number of features of the codification technique of treaty acts. The article analyzes the basic consensus approach to the legal process of creating norms of international law, which presupposes the traditional way of rule-making directly by the subjects of international law on the basis of the method of harmonizing the wills and positions of states. The authors also touch upon the cooperative way of developing regulations in modern international rule-making, mediated in the form of the creation of norms, initially devoid of binding force, in the process and as a result of the activities of international organizations and conferences.

In the second part of the article, the authors rethink the most significant Western international legal theories and concepts (postmodernism in law, economic analysis of international law, communicative theory of interpretation of international treaties, etc.). The positions of American realist internationalists and the influence of the realistic school of law on the change in goal-setting in international rule-making are analyzed. Most modern concepts regard the essence and forms of international rule-making as a political, or at least a quasi-political process. The authors come to the conclusion that the “dialogical approach” widespread in rule-making will help the international legislator, already at the stage of developing an international agreement, to avoid a bias towards the politically “strong point in the treaty”.

Keywords:

interstate relations; international treaty; law-making and international rulemaking; interstate negotiations; sovereignty; national interest analysis; international law codification; postmodern; institutionalism.

References

- Abashidze A., Trikoz E. (2009). The ICC Statute and the Ratification Saga in the States of the Commonwealth of Independent States. In: by Doria J., Gasser H.-P., Bassiouni M.Ch. (eds) *The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko*. Leiden; Boston. P. 1105–1110.
- Aleksandrenko V. (1895). Mezhdunarodnoye pravo Rima [International Law of Rome]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. No. 2. P. 301–322.
- Alekseyev G.V. (2018). K voprosu o politizatsii mezhdunarodnogo prava [On the politicization of international law]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya chastnogo prava, ispolnitelnogo proizvodstva i sposobov yuridicheskoy zashchity*. St. Petersburg. P. 272–281.
- Alvarez J. (2005). *International Organizations as Law-Makers*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 708 p.
- Belyayev M.P. (1996). Iz predystorii Vestfal'skogo mirnogo kongressa (frantsuzskaya i imperskaya diplomatiya v poiskakh mira) [From the background of the Westphalian Peace Congress (French and imperial diplomacy in search of peace)]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 3. No. 1. P. 41–44.
- Boesche R. (2002). *The First Great Political Realist: Kautilya and His Arthashastra*. Lanham: Lexington Books. 127 p.
- Bolton P., Dewatripont M. (2005). *Contract Theory*. Cambridge, Mass. & London, England: MIT Press. 744 p.
- Boyle A., Chinkin C. (2007). *The Making of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 368 p.
- Brownlie I. (2008). *Principles of Public International Law*. Oxford: Oxford University Press. 872 p.
- Buzan B. (1981). Negotiating by Consensus: Developments in Technique at the United Nations Conference on the Law of the Sea. *American Journal of International Law*. Vol. 75. P. 324–329.
- Carty A. (1991). Critical International Law: Recent Trends in the Theory of International Law. *European Journal of International Law*. Vol. 2. P. 66–96.
- Cooper J.S. (1983). *Reconstructing History from Ancient Inscriptions, The Lagash-Umma border conflict*. Malibu: Undena Publications. 61 p.
- d'Aspremont J. (2006). Contemporary International Rulemaking and the Public Character of International Law. *International Law and Justice Working Papers*. 2006. Vol. 12. P. 1–40.
- Dahlman C.J. (1979). The Problem of Externality. *Journal of Law and Economics*. Vol. 22. Issue 1. P. 141–162.
- Degtyarev A.D. (2013). Ekonomicheskiy analiz mezhdunarodnogo prava [Economic analysis of international law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. No. 8. P. 151–152.

- Dhokalia R.P. (1992). Reflection on International Law-Making and Its Progressive Development in the Contemporary Era of Transition. *International Law in Transition: Essays in Memory of Judge Nagendra Singh*. New Delhi. P. 203–228.
- Dorskaya A.A. (2009). Osnovnyye etapy razvitiya prava mezhdunarodnykh dogovorov [The main stages of the development of the law of international treaties]. *Sootnosheniye mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava: teoriya, praktika, problemy prepodavaniya*. St. Petersburg. P. 235–245.
- Duckwitz R. (1975). *Rechtsfolgen bei Verletzung völkerrechtlicher Verträge*. Berlin. 158 s.
- Dunoff J.L., Pollack M.A. (eds) (2012). *International Law and International Relations: Introducing an Interdisciplinary Dialogue*. Cambridge: Cambridge University Press. 698 p.
- Filimonova M.V. (1973). Vstupleniye v silu universal'nogo kodifitsiruyushchego dogovora [The entry into force of the universal codification agreement]. *Pravovedeniye*. No. 3. P. 84–88.
- Frank Th.M. (1988). Legitimacy in the International System. *American Journal of International Law*. Vol. 4. P. 705–759.
- Gavrilov V.V. (2004). Razvitiye kontseptsii pravovoy sistemy v zarubezhnoy pravovoy doktrine vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka [The development of the concept of the legal system in foreign legal doctrine of the second half of the XX – beginning of the XXI century]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. No. 4. P. 18–35.
- Gavrilov V.V. (2018). *Ponyatiye i vzaimodeystviye mezhdunarodnoy i natsional'nykh pravovykh sistem* [The concept and interaction of international and national legal systems]. Moscow. 224 p.
- Guzman A.T. (2009). How international law works: introduction. *International Theory*. Vol. 1. Issue 2. P. 285–293.
- Hudson M.O. (1923). *The Codification of International Law through the League of Nations – an address*. New York. 8 p.
- Ida R. (1996). International lawmaking process in transition? A comparative and critical analysis of recent international norm-making process. *Trilateral perspectives on international legal issues / Ed. by M.K. Young, Y. Iwasawa*; American Society of International Law, United States. P. 27–45.
- Isayev R.O. (2012). Dialogicheskaya priroda doveriya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The dialogical nature of trust in international relations]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. No. 6(6). P. 28–32.
- Kalamkaryan R.A. (2006). *Filosofiya mezhdunarodnogo prava* [Philosophy of international law]. Moscow. 208 p.
- Kaveshnikov N.Yu. (2020). Integratsiya i dezintegratsiya v Yevropeyskom Soyuze: stsennariy razvitiya [Integration and disintegration in the European Union: development scenarios] // *Crisis and post-crisis: people, institutions, practices. collection of articles of the Interdisciplinary Scientific Online Conference*. Tyumen. P. 40–46.
- Khalipov V.F. (2002). *Vlast'. Osnovy kratologii* [Power. Basics of kratology]. Moscow. 304 p.
- Koenig N. (2015). A Differentiated view of Differentiated Integration. *Jacques Delors Institute Policy Paper*. No. 140. 25 p.
- Koremenos B. (2012). *An economic analysis of international rulemaking*. Working Paper. Department of Political Science, University of Michigan, Ann Arbor. 35 p.
- Kozhevnikov F.I., Krivchikova E.S. (1977). *Komissiya mezhdunarodnogo prava OON* [UN International Law Commission]. Moscow. 102 p.
- Krylov N.B. (1988). *Pravotvorcheskaya deyatel'nost' mezhdunarodnykh organizatsiy* [Law-making activities of international organizations]. Moscow. 170 p.
- Liang Yuen-Li (1948). Le developpement et la codification du droit international. *Recueil des cours: Collected courses of the Hague Academy*. Vol. 43. Issue II. P. 407–532.
- Lone F. (2019). The New Haven School of International Law. *Oxford Bibliographies Online*. 27 March 2019. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0178.xml>
- Lukashuk I.I. (2004). *Sovremennoye pravo mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern law of international treaties]. Moscow. 658 p.
- Malingudi YA. (1997). Russko-vizantiyskiye dogovory v X v. v svete diplomatiki [Russian-Byzantine treaties in the X century. in the light of diplomacy]. *Vizantiyskiy vremennik*. Vol. 57. P. 58–87.
- Margiyev V.I. (1998). *Pravotvorchestvo mezhdunarodnykh organizatsiy* [Lawmaking of international organizations]. Maykop. 46 p.
- Martens F.F. (1874). *Sobraniye traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiyei s inostrannymi derzhavami* [Collection of Treatises and Conventions concluded by Russia with foreign powers]. Tom I. Traktaty s Avstriey, 1648–1762. St. Petersburg. 324 c.
- Martens F.F. (2008). *Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern international law of civilized peoples]. V 2-kh tt. Tom 1. Moscow. 368 p.

- McWhinney E. (2007). International Law Making in Times of Competing Ideologies or Clashing Civilizations: Peaceful Coexistence and Soviet-Western Legal Dialogue in the Cold War Era. *Canadian Yearbook of International Law*. Vol. 44. P. 421–436.
- Merezhko A.A. (2002). *Gnoselogiya mezhdunarodnogo prava. Vvedeniye v filosofiyu mezhdunarodnogo prava* [The epistemology of international law. Introduction to the philosophy of international law]. Kiev. 192 p.
- Mishulin A.V. (1946). Idei prava v mezhdunelinskikh otnosheniyakh [Ideas of law in inter-Hellenic relations]. *Vestnik drevney istorii*. No. 2. P. 51–65.
- Morgenthau H.J., Thompson K.W. (1985) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. McGraw-Hill, Inc. 703 p.
- Movchan A.P. (1972). *Kodifikatsiya i progressivnoye razvitiye mezhdunarodnogo prava* [Codification and progressive development of international law]. Moscow. 214 p.
- Neshatayeva T.N. (1993). *Vliyaniye mezhpriatel'stvennykh organizatsiy sistemy OON na razvitiye mezhdunarodnogo prava* [The influence of intergovernmental organizations of the UN system on the development of international law]. Dis. ...kand. yurid. nauk. Moscow.
- Osmin B.I. (2018). Natsional'nyye i mezhdunarodnyye sudy: neobkhodim dialog [National and international courts: dialogue is needed]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 9. P. 131–144.
- Patsatsiya M.Sh. (2000). K voprosu o proiskhozhdenii mezhdunarodnogo prava [To the question of the origin of international law]. *FEMIS. Yezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*. Vyp. 1. Moscow. P. 12–18.
- Pokacheva A.V. (2019). O neobkhodimosti issledovaniya mekhanizma mezhdunarodnogo normotvorcheskogo protsesssa (na primere OON) [On the need to study the mechanism of the international rule-making process (on the example of the UN)]. *Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy*. Kazan'. P. 75–77.
- Posner E.A., Sykes A.O. (2011). Efficient Breach of International Law: Optimal Remedies, Legalized Noncompliance, and Related Issues. *Michigan Law Review*. Vol. 110. P. 243–294.
- Pustogarov V.V. (1999). *Fedor Fedorovich Martens – yurist i diplomat* [Fedor Fedorovich Martens – lawyer and diplomat]. Moscow. 286 p.
- Reisman W.M., Wiessner S., Willard A.R. (2007). The New Haven School: A Brief Introduction. *Yale Journal of International Law*. 2007. Vol. 32. Issue 2. P. 575–582.
- Sadykova R.B. (2019). *Mezhdunarodno-pravovyye doktriny ekonomicheskogo analiza* [International legal doctrines of economic analysis]. Dis. ...kand. yurid. nauk. Moscow.
- Shaw M.N. (1991). *International Law*. 3rd ed. Cambridge: Grotius Publications. 837 p.
- Shelestin V.YU. (2014). *Vneshnyaya politika Khettskogo gosudarstva ot Mursili I do Muwatalli I (XVI–XV vv. do n.e.)* [The foreign policy of the Hittite state from Mursili I to Muwatalli I (XVI – XV centuries BC)]. Moscow. 24 p.
- Shestakov L.N. (1981). *Imperativnyye normy v sisteme sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Imperative norms in the system of modern international law]. Moscow. 120 p.
- Skuratova A.Yu. (2016). Rossiya i Rimskiy statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda [Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court]. *Moscow Journal of International Law*. No. 4 (104). P. 125–137.
- Slaughter A.M., Tulumello A.S., Wood S. (1998). International Law and International Relations Theory: A New Generation of Interdisciplinary Scholarship. *The American Journal of International Law*. Vol. 92. Issue 3. P. 367–397.
- Stepanov-Yegiyants V.G. (2015). Bezopasnoye obrashcheniye komp'yuternoy informatsii i problemy mezhdunarodnogo pravotvorchestva [Safe circulation of computer information and the problems of international lawmaking]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. No. 2. P. 164–170.
- Suy E. (1978). Innovation in International Law-Making Processes. In: Macdonald R.St.J., Johnston D.M., Morris G.L. (eds) *The International Law and Policy of Human Welfare*. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff. P. 187–190.
- Talalayev A.H. (1963). O kodifikatsii mezhdunarodnogo dogovornogo prava [On the Codification of International Treaty Law]. *Sovetskiy yezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. 1962. Moscow. P. 137–149.
- Talalayev A.N. (2009). *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. T. 1. Obshchiye voprosy* [The law of international treaties. Vol.1. General questions]. Moscow. 280 p.
- Taziyev N.D. (2002). *Mezhdunarodnoye normotvorchestvo: sovremennyye problemy sozdaniya pravovykh norm* [International rulemaking: modern problems of creating legal norms]. Dis. ...kand. yurid. nauk. Kazan'.
- Torkunov A.V. (2019). Mezhdunarodnyye issledovaniya: kaos ili plyuralizm? [International Studies: Chaos or Pluralism?]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 7–18.
- Torkunov A.V., Malgin A.V. (eds) (2012). *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Modern international relations]. Moscow: Aspekt Press. 688 p.

- Torkunov A.V., Narinsky M.M. (eds) (2012). *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy*. T. 1. Ot Vestfal'skogo mira do okonchaniya Pervoy mirovoy voyny [History of international relations. Vol. 1. From the Westphalian world to the end of the First World War]. Moscow: Aspekt Press. 400 p.
- Trikoz Ye.N. (2006). Mezhdunarodno-pravovaya zakonnost' (k postanovke problemy) [International legal legality (to the statement of the problem)]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*. No. 5(32). P. 7–11.
- Tunkin G.I. (2019). *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of international law]. Moscow. 416 p.
- Valeyev R.M. (2001). Nekotoryye voprosy yuridicheskoy tekhniki v mezhdunarodnom prave [Some issues of legal technology in international law]. *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoy Rossii*. N. Novgorod. T. 2. P. 21–31.
- Velizhanina M.Yu. (2007). "Myagkoye pravo": yego sushchnost' i rol' v regulirovaniy mezhdunarodnykh otnosheniy ["Soft law": its essence and role in the regulation of international relations]: Dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow.
- Venzke I. (2016). Contemporary Theories and International Lawmaking. *Research Handbook on the Theory and Practice of International Lawmaking*. Northampton, MA: Edward Elgar. P. 66–84.
- Verma D. (1989). Rethinking about New International Law' Making Process // *Indian Journal of International Law*. Vol. 29. No. 1–2. P. 38–51.
- Wenqing Liao (2015). *The Application of the Theory of Efficient Breach in Contract Law. A Comparative Law and Economics Perspective*. Intersentia Ltd. 350 p.
- Yevintov V.I. (1990). *Mezhdunarodnoye soobshchestvo i pravoporyadok (analiz sovremennykh kontseptsiy)* [The international community and the rule of law (analysis of modern concepts)]. Kiyev. 128 p.
- Yumashev Yu.M. (2009). Zapadnaya doktrina mezhdunarodnogo prava nachala XXI v. [Western Doctrine of International Law at the Beginning of the 21st Century]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. № 2. P. 3–9.
- Zhang Nai-gen. (2006). On Economic Analysis of International Law. *Canadian Social Science*. Vol. 2. No. 2. P. 1–10.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ПРИОРИТЕТАХ ООН

НАДЕЖДА ШВЕДОВА

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

Резюме

2020 год богат на юбилейные даты. Мировое сообщество отмечает 75-летие Организации Объединённых Наций и 25-летие Четвёртой Всемирной конференции по положению женщин, массовое собрание более пяти тысяч участников в Пекине в 1995 году. Запланировано трёхдневное специальное мероприятие во время сентябрьской сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, посвящённое годовщине «Пекин плюс двадцать пять». Ожидается, что на этих встречах правительства стран примут на себя дополнительные обязательства по обеспечению гендерного равенства. Между тем 2019 год был отмечен сорокалетним юбилеем важнейшего документа в сфере гендерного равенства — *Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин*. Юбилейные даты повышают мотивацию к осмыслению роли событий и явлений, связанных с ними. Тема ООН и гендерное равенство — остроактуальна, что главным образом обусловлено двумя обстоятельствами. С одной стороны, ООН — уникальная глобальная организация, оказывающая весьма существенное влияние на международные процессы. А с другой — проблема гендерного равенства — базис социальной стабильности, условие развития и инструмент создания качества жизни. Преодоление гендерного разрыва во всех сферах жизни имеет принципиальное значение для достижения устойчивого развития и выполнения обещания *Повестки дня 2030 года*. Цели устойчивого развития могут быть достигнуты только при условии обеспечения женщинам и девочкам полного и равного доступа к участию в достижении этих целей. Несмотря на прогресс, женщины и девочки по-прежнему недостаточно представлены как пользователи и лидеры в важнейших областях жизнедеятельности человека. Борьба со стереотипами и мифами занимает ключевое место. Есть широкий спектр возможностей для устранения как причин, так и симптомов, лежащих в основе гендерных стереотипов и социальных норм. Акцент на надёжной стратегии с учётом гендерного подхода — это то, что может способствовать достижению гендерного равенства в интересах устойчивого развития цивилизованного мира, то, на чём и настаивает ООН.

Ключевые слова:

Организация Объединённых Наций; гендерное равенство; права женщин; дискриминация; права человека; феминизм; стереотипы; международные конфликты; цели развития.

«Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек являются незавершённой задачей нашего времени и величайшей проблемой в области прав человека в сегодняшнем мире».

Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь ООН¹

Организация Объединённых Наций (ООН), рождённая после окончания войны, масштабы которой не имели прецедентов

в истории человечества, отмечает в 2020 г. свой 75-летний юбилей. Невозможно переоценить вклад ООН в поддержание мира,

¹ Гутерриш А. Послание по случаю Международного женского дня. ООН. 08.03.2018. URL: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2018-03-08/secretary-generals-message-international-womens-day-scroll-down> (дата обращения: 05.09.2020).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2019

Дата принятия к публикации: 15.06.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: n.shvedova2015@yandex.ru

искоренение нищеты и болезней, в международное развитие, в частности в сфере распространения идей гендерного равенства и имплементации их на практике. Предшествующий 2019-й был также знаковым в контексте гендерного равенства: четыре десятилетия прошло со дня принятия *Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW)*, которая широко известна в мире как *Билль о правах женщин (1979)*.

Ещё одна важнейшая дата в этом ряду — четверть века Четвёртой Всемирной конференции по положению женщин, на которой были сформулированы исторические документы: *Пекинская декларация и Платформа действий*. Как известно, юбилейные даты побуждают к осмыслению роли и места событий и явлений, связанных с ними. В повестку дня 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке внесены мероприятия «*Пекин плюс двадцать пять*», на которых правительства стран мира будут подводить итоги сделанному в области обеспечения гендерной справедливости.

Почему деятельность ООН по решению проблемы гендерного неравенства заслуживает особого внимания исследователей? *Во-первых*, сами эти проблемы остроактуальны, так как гендерное равенство представляет собой базис социальной стабильности, условие развития и инструмент создания реального качества жизни. *Во-вторых*, ООН — уникальная глобальная организация, оказывающая существенное влияние на международные процессы, поддерживая и распространяя современные нормы социальной и политической жизни. Раз это объединение призвано способствовать миру на планете, то оно должно позаботиться о глубинных факторах жизнедеятельности, жизнестворчества, миротворчества и миростроительства ради стабильности в государствах, а следовательно, на планете в целом.

На сессионной неделе ООН 24–27 сентября 2019 г. рассматривались вопросы, по мнению международной организации, наиболее злободневные, требующие к себе

безотлагательного внимания. Показательно, что в их перечень вошло обеспечение гендерного равенства.

Настоящая статья призвана обобщить международный опыт реализации гендерной политики на протяжении 75 лет, начиная с момента принятия в 1945 г. Устава ООН, в котором был зафиксирован принцип равенства женщин и мужчин. В этом отношении она призвана способствовать дальнейшему развитию в рамках дисциплины гендерных исследований. Основной предмет изучения — *роль международных факторов, определяющих статус женщин в государстве и обществе, роль и влияние международного сообщества в формировании гендерной политики, реальное воздействие гендерного фактора на формирование политического демократического процесса*. Статья базируется на принципиально новой методологии — *гендерного анализа* с учётом его системных и специфических характеристик и использовании методики сравнительного анализа. *Её новизна заключается в проведении комплексного сравнительного анализа гендерного статуса и гендерной политики в органической увязке и взаимосвязи со стратегией концепции устойчивого развития, выработанной мировым сообществом, одним из основополагающих принципов которой является гендерное равенство*.

1

Почему ООН уделяет пристальное внимание гендерным проблемам? В первую очередь потому, что женщины и девочки составляют половину населения планеты. Кроме того, гендерное равенство — одно из важнейших прав человека — играет ключевую роль в деле обеспечения мира и согласия в обществе и полноценной реализации человеческого потенциала на основе устойчивого развития. Научные исследования и накопленный мировой опыт убедительно свидетельствуют: вовлечение женщин в жизнь общества обеспечивает рост производительности труда и экономический рост, а «хронические» проявления гендерного неравенства или «трудные» области, в которых женщины оказываются в худшем

положении, пагубно сказываются на всём обществе и тормозят его развитие².

Между тем в мировой экономике наблюдается глубокая гендерная сегрегация: по свидетельству Международной организации труда, 1,2 млрд, или 41,4% женщин от общего числа работающих женщин, заняты в менее доходных видах экономической деятельности. Более того, в мире сохраняются гендерные разрывы по оплате труда — уровень оплаты труда женщин на 23–40% ниже, чем у мужчин. Более 60% работающих бедняков — женщины с зарплатой менее одного доллара США в день³.

В мире также сохраняется неравенство в праве владения активами и препятствия для деятельности женщин в частной и в публичной сферах. Во многих обществах установлена разная ответственность мужчин и женщин за работу по дому и уходу за членами семьи. Неоплачиваемая работа по семейным обязанностям (домашняя работа, уход за детьми и другое) считается «женской». Хотя её стоимость оценивается примерно в 10 трлн долларов США, или 13% мирового ВВП, во многих культурах такую работу считают обычной частью женских обязанностей и, соответственно, не рассматривают как важный вид экономической деятельности⁴.

Достижению гендерного равенства препятствует неравномерный прогресс в развитии здравоохранения: в развивающихся странах вероятность смерти при родах сопоставима с аналогичным показателем

Европы XIX века. Серьёзной проблемой остаётся и домашнее сексуальное насилие. В докладе «Прогресс женщин мира в 2019–2020 гг.», подготовленном Структурой «ООН-Женщины», сказано о том, что насилие в отношении женщин и девочек сохраняется. Оно является проявлением конфликта в семье в отношении женщин и девочек и часто приводит к летальному исходу. По имеющимся данным, в 2017 г. 58% всех женщин, ставших жертвами умышленных убийств, были убиты членом их собственной семьи, что составляет 137 убийств ежедневно⁵.

Таким образом, острейшие социальные проблемы связаны с низкой оплатой труда и появлением так называемых женских отраслей, а также насилием в семье (большинство жертв — женщины). К этому следует прибавить неблагоприятную картину статуса женщин в общественно-политической сфере и на лидерских позициях в бизнесе.

В ежегодном отчёте Всемирного экономического форума (ВЭФ) за 2018 год⁶ подчёркивалось замедление прогресса в области достижения гендерного равенства. *Напомним:* глобальный индекс гендерного разрыва был впервые представлен Всемирным экономическим форумом в 2006 г. как основа для определения масштабов гендерного неравенства и мониторинга прогресса с течением времени. Оценка происходит по шкале от 0 (неравенство) до 1 (паритет) по четырём измерениям (подын-

² См.: [Гендерные проблемы... 2004; Глобальный прогноз... 2008; Women in Parliament 2005; Norris, Krook 2014; Norris, Inglehart 2019; Faludi 1991; Dragiewicz 2011; Kimmel 2018; Inter-Parliamentary Union 2020].

³ Не оставить никого позади: отчёт Группы высокого уровня по усилению экономического положения женщин Генерального секретаря ООН (2016): <http://www.unwomen.org/~media/headquarters/attachments/sections/news/stories/2016/unhlpwomenseconomicempowerment-overview.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).

⁴ Не оставить никого позади: отчёт Группы высокого уровня по усилению экономического положения женщин Генерального секретаря ООН. 2016. URL: <http://www.unwomen.org/~media/headquarters/attachments/sections/news/stories/2016/unhlpwomenseconomicempowerment-overview.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).

⁵ Families in the Changing World. Progress of the Worlds Women 2019–2020. UN Women. 2019. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Progress-of-the-worlds-women-2019-2020-en.pdf> (accessed: 05.12.2019).

⁶ The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (accessed: 23.12.2018).

дексы): экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и выживание, политические возможности. Смысл рейтингов – привлечь внимание мировой общественности к проблемам, связанным с гендерным разрывом.

Темпы преодоления глобального гендерного разрыва остаются медленными, составляя 68%. Иными словами, паритет равен лишь двум третям, сохраняется средний гендерный разрыв в 32%. Прогнозы доклада далеки от оптимизма: при нынешних темпах изменений потребуется 108 лет для преодоления гендерного неравенства. Глобальное гендерное неравенство в таких подындексах, как участие и возможности, образовательный уровень, здоровье и выживание, расширение политических прав и возможностей, составляет 32%. Сильнее всего гендерное неравенство проявляется в политической сфере, где разрыв между мужчинами и женщинами составляет 77%⁶. В среднем по четырём подындексам наибольшее гендерное неравенство связано с политическими возможностями, что сохраняет указанный разрыв. Другими словами, индекс означает, что паритет женщин и мужчин равен лишь 23%, то есть абсолютное большинство – это мужчины, которые в реальности и обладают политическими возможностями.

Значительные усилия по преодолению существующих проблем следует приложить не только в развивающихся экономиках, но и в развитых странах, достигших экономического процветания и высокого уровня развития человеческого потенциала.

2

Стратегия ООН в отношении гендерной проблематики основана на многолетнем опыте. С известной степенью условности

можно выделить *два крупных этапа* в её выработке, которые отличались изменением в принципиальном подходе. Иными словами, если стратегия первого периода нацелена на поиск путей улучшения статуса женщин, то второй этап смещает фокус на идею «гендерного равенства как цели развития»⁸.

Первый этап – это период с момента окончания Второй мировой войны до второй половины XX века, когда стратегия была направлена на улучшение положения женщин (расширение доступа к образованию, предоставление большего количества ресурсов и др.) и на осуществление конкретных целевых инициатив. Она не принесла ожидаемых результатов и вызвала активную критику и международного демократического женского движения, и многих стран мира. Была осознана необходимость изменить институциональные структуры и политическую практику, которые увековечивают гендерное неравенство.

Акцент был перенесён на отношения между женщинами и мужчинами, в особенности в том, что касается разделения труда, доступа к ресурсам и контроля над ними, а также возможностей для принятия решений. Иными словами – решение стали искать в плоскости власти, то есть в обеспечении доступа к ресурсам, предоставлении контроля над ними и возможности распоряжения. На волне становления глобального феминизма встал вопрос о пересмотре гендерных ролей и отношений.

Второй этап – с 1985 г. по настоящее время. Произошёл переход от парадигмы «женщины как целевая группа» к идее «гендерное равенство как цель развития». На Третьей Всемирной конференции по положению женщин в 1985 г. были приняты *Найробийские перспективные стратегии*

⁶ The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (accessed: 23.12.2018).

⁷ The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (accessed: 23.12.2018).

⁸ Доклад Всемирной конференции для обзора и оценки достижений Десятилетия женщины Организации Объединённых Наций: равенство, развитие и мир, Найроби, 15–26 июля 1985 года (издание Организации Объединённых Наций, в продаже под № R.85.IV.10), глава I, раздел A) (дата обращения: 02.12.2018).

в области улучшения положения женщин на период до 2000 года. Значение этого документа заключалось в уточнении понятия «гендерное равенство»: «для женщин равенство означает осуществление прав, которых они лишены вследствие дискриминации, имеющей место в области культуры, в организационной структуре, нормах поведения, а также в отношениях мужчин и женщин. Равенство имеет большое значение для развития и мира, поскольку национальное и глобальное неравенство увековечивает несправедливость и обостряет конфликты всех видов»⁹.

З

Международное сообщество в течение многих лет вырабатывало консенсус, в итоге провозгласив принцип равенства прав женщин и мужчин. Цель правительств стран мира — изменить системы, которые сохраняют неравное распределение власти и ресурсов в зависимости от гендера. В *Стратегии устойчивого развития* принцип гендерного равенства фигурирует среди основополагающих и одновременно рассматривается как условие устойчивого развития¹⁰.

Отправной точкой в деятельности ООН по улучшению положения женщин было подписание в 1945 г. Устава Организации Объединённых Наций, в преамбуле которого говорится о необходимости вновь утвердить веру «в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой

личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...»¹¹.

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее — Конвенция) заняла место среди семи ключевых международных договоров по правам человека¹². Процесс подготовки документа начался задолго до его одобрения Генеральной Ассамблеей. В связке с другими основополагающими пактами и конвенциями¹³ он участвует в создании международно-правовой базы для универсализации борьбы за права человека.

Почему Конвенция занимает столь важное место в ряду этих документов? Что придаёт ей исключительную значимость? Ответы на поставленные вопросы следует искать прежде всего в понимании характерных черт данного международного документа.

Его разработку и подписание инициировал Советский Союз (Россия как правопреемница обязалась выполнять Конвенцию). От имени СССР 7 июля 1980 г. её подписала первая в мире женщина-космонавт В.В. Николаева-Терешкова [Шведова 2014b: 32]. Это стало знаковым событием в истории страны. *Во-первых*, потому что СССР был среди инициаторов документа, что поднимало авторитет страны на международной арене. *Во-вторых*, внутри государства стимулировался рост внимания к проблемам статуса женского населения. *В-третьих*, с учётом того, что все государ-

⁹ Доклад Всемирной конференции для обзора и оценки достижений Десятилетия женщины Организации Объединённых Наций: равенство, развитие и мир, Найроби, 15–26 июля 1985 года (издание Организации Объединённых Наций, в продаже под № R.85.IV.10), глава I, раздел A) (дата обращения: 02.12.2018).

¹⁰ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (дата обращения: 07.02.2016).

¹¹ Устав Организации Объединённых Наций. ООН. 26.06.1945. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата обращения: 02.12.2018).

¹² Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин была принята и открыта для подписания, ратификации в присоединение резолюцией Генеральной Ассамблеи 34/180 от 18.12.1979, вступила в силу 03.09.1981 в соответствии со статьёй 27 (1). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

¹³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Конвенция о правах ребёнка и Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

ства, подписавшие Конвенцию или присоединившиеся к ней, обязаны исполнять её предписания, они также обязуются представлять, по крайней мере, через каждые четыре года доклады о мерах, принятых ими для выполнения положений Конвенции. Эта характеристика документа означала реальный механизм мониторинга статуса гендерного баланса в стране, которого до сих пор не существовало [Шведова 2014а].

Конвенция инкорпорирует принцип гендерного равенства в международное право. Она включает в себя положения, нацеленные на ликвидацию дискриминации в отношении женщин, уже охваченные отдельными договорами, а также вопросы, которые были упущены в принятых ранее международных документах. В частности, Конвенция признаёт право на семейное планирование одним из базовых человеческих прав.

Одобрение и принятие международного документа ознаменовало значительный успех международного женского движения в достижении цели гендерного равенства. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин — основополагающий международный документ о правах женщин — живой организм сегодняшнего дня. В дальнейшем важной вехой на пути реализации целей гендерного равенства стал *Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин*, принятый в 1999 году¹⁴. В частности, *Факультативный протокол (Optional Protocol to the Convention)* к Конвенции, расширивший её мандат, на практике предоставляет возможность женщинам—жертвам гендерной дискриминации подавать жалобы в международный орган. Протокол вступил в силу в декабре 2000 г., обеспечив Конвенции ту

же базу, которой пользуются другие международные инструменты по правам человека, обладающие механизмами индивидуальных жалоб.

4

Международное сообщество одобрило несколько планов действий и деклараций, направленных на вовлечение женщин во все виды деятельности в области развития на всесторонней, равноправной и выгодной основе.

В 1975 г. ООН организовала *Первую Всемирную конференцию по положению женщин*, которая состоялась в Мехико (Мексика) и ознаменовала начало Десятилетия женщин, объявленного организацией. В 1980 г. в Копенгагене состоялась *Вторая Всемирная конференция по положению женщин*, которая приняла «дорожную карту» действий на последующие пять лет, а в 1985 г. *Третья Всемирная конференция по положению женщин*, как отмечалось выше, подвела итоги Десятилетия женщин, приняв *Перспективные Найробийские стратегии*¹⁵.

Венская декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993), *Пекинская декларация и платформа действий (1995)* также относятся к числу важнейших международных документов в области гендерного равенства. При этом для документов, принимаемых на уровне ООН, характерна высокая степень преемственности. В частности, безусловная логическая связь существует между основным содержанием *Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* и *Пекинской платформой действий*, которые усиливают друг друга. Первый документ формулирует обязательства государств в сфере гендерной политики и закрепляет право женщин на равенство в гражданской, политической, экономической,

¹⁴ Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принят резолюцией 54/4 Генеральной Ассамблеи от 6 октября 1999 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (дата обращения: 05.09.2019).

¹⁵ Доклад Всемирной конференции для обзора и оценки достижений Десятилетия женщины Организации Объединённых Наций... (дата обращения: 05.09.2019).

социальной, культурной или любой другой области, а второй – разъясняет стратегию и прагматическую повестку дня по двенадцати важнейшим проблемным областям. *Пекинская декларация и платформа действий могут использоваться для осуществления Конвенции.*

Эти документы получили подкрепление в *Декларации цели развития тысячелетия (Millennium Development Goals – MDGs)*, которая была одобрена на Саммите Тысячелетия 147 главами государств и правительств, стала повесткой дня для мирового сообщества¹⁶, в итоговых документах других конференций, встреч на высшем уровне и обзоров Организации Объединённых Наций по вопросам гендерного равенства. В частности, цели в области развития, сформулированные ООН, признают самостоятельную и практическую ценность гендерного равенства.

Вопросы обеспечения гендерного равенства приобретают всевозрастающее значение. В 2006 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/251 был создан *Совет ООН по правам человека (СПЧ)*, одна из задач которого заключается в составлении периодических обзоров «выполнения каждым государством его обязательств и обязанностей» в этой области по специальной процедуре *Универсального периодического обзора (УПО)*, в рамках которой правительствам рекомендуется выделять гендерную проблематику в качестве отдельного пункта.

В 2009 г. ООН создала агентство *Фонд помощи женщинам*, или *ЮНИФЕМ (The UN Development Fund for Women, UNIFEM)*, объединив несколько ранее существовавших агентств, которые специализировались на отдельных вопросах, касающихся детей, населения, окружающей среды и образования. Эти органы действовали разрозненно и, по мнению активистов, не имели должного влияния [Шведова 2006]. Ожидалось, что новое агентство, сосредоточив финан-

совые возможности, будет оказывать позитивное влияние на судьбы женщин в тех странах, где есть присутствие ООН. Ожидания не были обмануты. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией A/64/L.56 (параграф 49) приняла решение о создании в рамках ООН специального подразделения по гендерному равенству и развитию, получившего название *Женщины Объединённых Наций (UN Women)*. Этот шаг стал бесспорным свидетельством роста внимания мирового сообщества к актуальности проблемы. Преследовалась цель консолидации усилий международной организации для достижения задач, сформулированных в ранее приведённых документах. Создание новой структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин стало отражением постоянных усилий по поиску эффективных мер и способов решения проблем в этом направлении.

Новое подразделение объединило Фонд ООН для развития в интересах женщин (ЮНИФЕМ), Отдел по улучшению положения женщин (ОУПЖ), Канцелярию Специального советника по гендерным вопросам и улучшению положения женщин, а также Международный научно-исследовательский и учебный институт ООН по улучшению положения женщин. По замыслу архитекторов реорганизации, эта мера должна сконцентрировать усилия и энергию ООН на более эффективной реализации намеченных целей в сфере достижения гендерного равенства.

В *Декларации тысячелетия от 2000 года* были определены *Цели развития тысячелетия (ЦРТ)*, которые стали дорожной картой до 2015 г. по борьбе с наиболее болезненными социальными, экономическими и экологическими проблемами. В начале августа 2015 г. 193 государства–члена Организации Объединённых Наций достигли консенсуса в отношении итогового документа *Преобразование нашего мира: повест-*

¹⁶ United Nations. (2006). "The Millennium Development Goals Report: 2006". United Nations Development Programme. URL: www.undp.org/publications/MDGReport2006.pdf (дата обращения: 05.09.2007).

ка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, содержащего новую повестку дня, а 25 сентября 2015 г. резолюция Генеральной Ассамблеи ООН одобрила этот документ¹⁷.

Признав успех ЦРТ и тот факт, что на период после 2015 г. необходима новая повестка дня в области развития, государства—члены ООН приняли решение начать процесс подготовки документа — *Цели устойчивого развития (ЦУР)* — на Конференции по устойчивому развитию («Рио+20»), состоявшейся в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро. Учреждённая рабочая группа проработала над подготовкой документа более года.

В преамбуле ЦУР заявлено, что провозглашенные «17 целей в области устойчивого развития и 169 задач ... опираются на *Цели развития тысячелетия (the Millennium Development Goals)* и стремятся завершить то, что они не достигли. В ряде других документов отмечалось, что в сфере гендерного равенства «мир также стал свидетелем разительного улучшения за время, прошедшее с момента принятия ЦРТ, положения в области гендерного равенства в школьном образовании, и в большинстве стран в начальной школе уже достигнут гендерный паритет ... Больше девочек посещают школу, а представленность женщин в парламентах за последние 20 лет увеличилась в 174 странах, по которым имеются данные, почти на 90 процентов»¹⁸. Вместе с тем в документе подчёркивается, что новые цели «стремятся реализовать права человека всех и достичь гендерного равенства и

расширения прав и возможностей для всех женщин и девочек»¹⁹.

Новые цели, глобальные по своему характеру и универсальные по сфере применения, допуская своеобразие и специфику в местных реалиях, потенциале и в уровне развития, учитывают национальные стратегии и приоритеты. При этом они не являются независимыми друг от друга, а их достижение, сфокусированное на обеспечении трёх взаимосвязанных компонентов устойчивого развития (экономического роста, социальной интеграции и охраны окружающей среды), должно осуществляться комплексно.

Если в *Декларации тысячелетия* было сформулировано 8 целей и 21 задача в области развития, то в новом документе определены 17 целей и 169 задач²⁰. Как в ЦРТ, так и в ЦУР достижение гендерного равенства выделено в качестве самостоятельной цели. Одновременно в документе, принятом в 2015 году, исключительно важная роль отводится женщинам в достижении каждой из 17 целей, поскольку признаётся их равенство, и содержится призыв к расширению их прав и возможностей.

В настоящее время в документах ООН выделяются четыре приоритетные зоны, требующие пристального внимания с точки зрения преодоления гендерной асимметрии:

- сокращение разрывов в человеческом капитале (женская смертность и женское образование);
- преодоление разрывов в доступе к экономическим возможностям, уровне оплаты труда и производительности;

¹⁷ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed: 09.10.2015).

¹⁸ Подборка материалов для прессы по Саммиту по устойчивому развитию 2015 года: Время глобальных действий в интересах людей и планеты. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf (дата обращения: 22.10.2015).

¹⁹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (accessed: 09.10.2015).

²⁰ Подборка материалов для прессы по Саммиту по устойчивому развитию 2015 года: Время глобальных действий в интересах людей и планеты. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf (дата обращения: 22.10.2015).

— минимизация неравенства в весе голов мужчин и женщин и их способности к действиям в обществе (уровни принятия решений, вовлечённость в общественно-политический процесс);

— ограничение воспроизводства неравенства в последующих поколениях (борьба со стереотипами).

К числу острейших проблем также относится насилие в отношении женщин, о чём красноречиво свидетельствуют некоторые цифры. Сообщается о масштабах жертв насилия: одна из двух погибших женщин — это жертва партнёра или родственника (данные 2017 г.), а среди мужчин этот показатель составляет 1 из 20. Одна из трёх женщин и девочек испытывает физическое или сексуальное насилие хотя бы раз в жизни. Чаще всего это происходит со стороны интимного партнёра. Лишь 52 процента женщин, состоящих в браке или внебрачном союзе, сами принимают решения относительно вступления в сексуальные отношения по обоюдному согласию, использования контрацептивов и получения медицинских услуг²¹. Во всем мире около 750 миллионов женщин и девочек вступили в брак до достижения 18-летнего возраста. Около 200 миллионов женщин и девочек подверглись калечащим операциям на женских половых органах. Женщины и девочки составляют 71 процент всех жертв торговли людьми, 3 из 4 из них подвергаются сексуальной эксплуатации²².

Международное сообщество активно вовлечено в решение проблемы, поскольку её воздействие ощущается не столько в отдельно взятой стране, сколько в мире в целом. ООН, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирный банк (ВБ), многие неправительственные некоммерческие организации и некоторые транснациональные корпорации поддерживают женское движение и выступают против насилия и дискриминации. Наряду с основопо-

лагающей Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин приняты и другие международные документы, нацеленные на решение этих проблем. Среди них: Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993), Стамбульская конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011).

ООН реализует проекты в сотрудничестве с Европейским Союзом, например проект «Луч света», который выделяет средства на ликвидацию насилия в отношении женщин и девочек. Мировое сообщество, осознавая недопустимость насилия в отношении женщин, выработало рекомендации по борьбе с этим социальным злом, полагаясь на основные принципы: предотвращение преступлений, защита жертв и наказание правонарушителей. Страны, которые ратифицировали и реализуют политику борьбы с насилием, демонстрируют улучшение показателей как гендерного равенства, так и экономического роста.

5

На сессионной неделе ООН 24–27 сентября 2019 г. при обсуждении глобальных угроз Генеральный секретарь ООН призвал международное сообщество перейти от громких обещаний к реальным шагам.

В этой связи приоритетное значение приобретает привлечение женщин к решению проблем мира и безопасности. Объективная потребность в таком подходе обусловлена рядом обстоятельств: 1) характер нынешней глобальной обстановки; 2) роль женщины во всём мире как лидера движения за мир и восстановление общин; 3) убедительные доказательства в пользу большей эффективности постконфликтного урегулирования в случае участия женщин в этом процессе; 4) призывы «никого не оставлять без внимания», чётко сформули-

²¹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (accessed: 06.09.2019).

²² Ibidem.

рованный повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года²³.

Глобальная обстановка в сфере безопасности характеризуется множеством угроз: экстремизм, изменение климата, затяжные насильственные конфликты, торговля людьми, длительные гуманитарные кризисы, связанные с беженцами. Всё это приводит к разрушительным последствиям для женщин и девочек, требуя применения гендерного подхода. Любое мероприятие, будь то изменение законодательства, принятие стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях, следует планировать с учётом разного воздействия на женщин и мужчин.

Пока ещё женщины мало участвуют в мирных процессах и переговорах. От участия в принятии решений они отстранены, а при недостаточном финансировании проектов (тем более при полном отсутствии такового) потребности женщин и девочек на постконфликтных пространствах едва принимаются во внимание. Исходя из вышесказанного, существует потребность в принятии национальных мер по расширению роли женщин в операциях по поддержанию мира, а также в защите женщин в вооружённых конфликтах; нужно повышать уровень гендерного образования персонала, работающего в «горячих точках» и кризисных районах. Самое важное — запустить действенный механизм мониторинга за насилием в отношении женщин и девочек в ходе конфликтов.

Разнообразные формы миротворческой деятельности с учётом гендерного компонента активно практикуют некоторые НПО. «ООН-Женщины» поддерживает женщин в участии в процессах по предотвращению конфликтов и миростроительстве по программе «Женщины, мир и безопасность». Эта программа основана на поддержке полного и равного представительства и участия женщин с целью нара-

щивания потенциала и расширения их возможностей на местном, национальном и региональном уровнях. В её рамках принимаются исследовательские инициативы, сбор данных, обмен знаниями, а также документирование передового опыта для информирования политики и программ. Свою работу по проблемам женщин, мира и безопасности ООН строит, руководствуясь рядом резолюций Совета Безопасности, а также нормативов, которые формируют повестку дня «Женщины, мир и безопасность»²⁴.

Резолюция 1325, принятая единогласно Советом Безопасности ООН 31 октября 2000 года, стала первым документом этого органа по вопросу о последствиях вооружённых конфликтов для женщин. Её принятие знаменовало историческую веху в признании ключевой роли женщин в предотвращении и разрешении конфликтов, а также существенный этап в деле защиты женщин и девочек от сексуального и иного насилия в ситуациях вооружённого конфликта. Совет Безопасности ООН подтвердил значимость отстаивания гендерной проблематики на всех этапах мирного процесса, включая поддержание мира, миростроительство и постконфликтное восстановление. Резолюция усилила ранее принятые международные и региональные обязательства по вопросу о женщинах. Она закрепила ряд новых принципов, призывая активнее вовлекать женщин в деятельность по предотвращению конфликтов, урегулированию кризисных ситуаций и постконфликтному восстановлению. Тем самым женщины были признаны важными субъектами миротворческого процесса, в частности усилий по урегулированию конфликтов.

Резолюция придала импульс работе Совета Безопасности, государств-членов, организаций системы ООН, гражданского общества и всех заинтересованных сторон по последовательному решению вопросов

²³ Peace and security. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/peace-and-security> (accessed: 09.10.2019).

²⁴ Ibidem.

мира и безопасности с учётом гендерной проблематики. Усилия по внедрению положений резолюции 1325 и других миротворческих документов в жизнь стали приносить плоды. В первую очередь усилилась защита гражданских лиц в ходе вооружённых конфликтов, в том числе женщин и девочек. Кроме того, женщин активнее привлекают к участию в процессах обеспечения мира и безопасности. К 2016 г. 64 страны разработали национальные планы действий по резолюции 1325.

Существует серьёзная доказательная база того, что участие женщин в процессах мира и безопасности — основа эффективности этого процесса. Участие женщин помогает заключению и реализации устойчивого мирного соглашения. При этом состав военных миротворцев ООН преимущественно (97%) мужской²⁵. Число мирных соглашений с положениями о гендерном равенстве выросло с 14% в 1995 г. лишь до 22 % только в 2019 году²⁶. А в мирных переговорах в период с 1992 по 2019 г. женщины составляли лишь 13% участников переговоров, 6% посредников и 6% подписавших мирное соглашение лиц²⁷.

Вклад женщин и девочек в миростроительство по-прежнему недооценён и недостаточно обеспечен финансированием. Глава структуры «ООН-Женщины» выражает обеспокоенность в отношении сокращения объёма средств, выделяемых женщинам, поскольку доля финансирования затронутых конфликтом стран, направляемая на программы, главная цель которых заключается в продвижении гендерного равенства, сократилась до 4,5%. Но только четверть из них также участвует в програм-

мах, направленных на спасение жизни женщин²⁸. Она подчеркнула необходимость направления «как минимум, 15% официальной помощи в целях развития странам, затронутым конфликтами, на обеспечение гендерного равенства, включая увеличение в пять раз прямой помощи женским организациям. Без инвестиций в женщин наш разговор останется разговором»²⁹.

Программы «ООН-Женщины» по вопросам мира и безопасности руководствуются рядом документов в отношении прав женщин, как-то: Пекинская платформа действий, *Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* и резолюции Совета Безопасности ООН.

Структура «ООН-Женщины» представляет собой секретариат неофициальной группы экспертов (НГЭ) *Совета Безопасности по вопросам женщин*, мира и безопасности. Она обеспечивает все комиссии ООН персоналом — советниками по гендерным вопросам и следователями по вопросам сексуального насилия; отвечает за ежегодный доклад Генерального секретаря «О женщинах, мире и безопасности»; возглавляет Межведомственный постоянный комитет по вопросам женщин, мира и безопасности, который объединяет соответствующие структуры ООН с гражданским обществом в качестве наблюдателей. Сверх того, «ООН-Женщины» выполняет функции секретариата, который занимается мерами, предусмотренными в *Документе глобального ускорения по вопросам женщин, мира и безопасности и по гуманитарным действиям (Global Acceleration Instrument for Women, Peace and Security and Humanitarian*

²⁵ UN Women. Peace and Security. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2013/12/un%20women%20briefthematiccpsuswebrev3%20pdf.pdf?la=en> (accessed: 28.08.2015).

²⁶ Press release: 20 Years on, radical change needed to realize women's inclusion in peace and political power. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/10/press-release-radical-change-to-realize-womens-inclusion-in-peace-and-power> (accessed: 01.11.2020).

²⁷ Statement to the UN Security Council Open Debate on Women, Peace and Security, by Phumzile Mlambo-Ngcuka, UN Under-Secretary-General and Executive Director of UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/10/speech-ed-phumzile-security-council-open-debate-on-women-peace-and-security> (accessed: 01.11.2020).

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

Action)³⁰. Последний был принят в феврале 2016 года. Он предусматривает создание объединённого механизма, цель которого — привлечь дополнительное финансирование для участия женщин, их лидерства, а также для расширения прав и возможностей в гуманитарной сфере по реагированию в условиях мира и безопасности.

Миротворческая деятельность «ООН-Женщины» сгруппирована по девяти направлениям, включая: посредничество и предотвращение конфликтов; миростроительство и восстановление; поддержание мира; борьба с безнаказанностью; противодействие насильственному экстремизму; национальные планы действий; координация и отчётность ООН; взаимодействие с Советом Безопасности; стимулирующее финансирование³¹.

В Глобальном исследовании по резолюции 1325 СБ ООН рассматриваются проблемы и уроки, извлечённые во всех регионах при осуществлении повестки дня «Женщины, мир и безопасность» за 15 лет: «Исследование предоставляет всеобъемлющую доказательную базу, демонстрирующую, что равноправное и значимое участие женщин в усилиях по обеспечению мира и безопасности имеет жизненно важное значение для устойчивого мира»³². Между тем ситуация не даёт оснований для оптимизма, особенно на постконфликтном этапе.

Усиление роли женщин в созидании устойчивого мира требует комплексного подхода. Он предусматривает одновременный учёт этапов предотвращения, решения конфликтов и постконфликтное восстановление. При этом необходимо укреплять национальную подотчётность и обеспечивать защиту женщин от всех форм нарушения прав человека, включая сексуальное и гендерное насилие.

6

Деятельность Организации Объединённых Наций нацелена на устойчивое развитие. Входящие в систему ООН учреждения занимаются разносторонней деятельностью, направленной на утверждение идеалов гендерного равенства и гендерной справедливости.

Международное право требует от государств создания такой обстановки, в которой происходит осознание женщинами своих прав, а общество признаёт свою роль в соблюдении прав женщин. Между тем, хотя абсолютное большинство стран-членов ООН (187) одобрили *Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* и поддержали документы, принятые в её развитие, остаётся разрыв между формально заявленным принципом гендерного равенства и реально существующей практикой.

Что мешает гендерному равенству? Каковы наиболее распространённые формы и методы сопротивления политике гендерного равенства? Проблемы сгруппированы по трём направлениям: политическому, социально-экономическому, идеологическому (социокультурному).

При формальном признании принципов этой политики на самом деле присутствуют равнодушие, неприятие или активное противодействие идеям гендерного равенства. Это подпитывается гендерными предрасудками и стереотипами, что, в свою очередь, скрывает выгоду узкоэгоистических интересов в сохранении, например, неоплачиваемого и переложённого на плечи женщин домашнего труда и семейных обязанностей, снимающих нагрузку с социальной сферы. Женщины с семейными обязанностями теряют свою конкурентоспособность на рынке труда. Между тем работодатели нередко в свою пользу обра-

³⁰ The Global Acceleration Instrument (GAI). URL: <https://yandex.ru/click/jsredir?bu=a3yf7b&from=yandex.ru> (accessed: 09.10.2019).

³¹ UN Women. Peace and Security. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2013/12/un%20women%20briefthematicpsuswebrev3%20pdf.pdf?la=en> (accessed: 28.08.2015).

³² The Global Study on resolution 1325. UNWOMEN 2015 Preventing conflict, transforming justice, securing the peace. 2000. URL: <https://wps.unwomen.org/themes/> (accessed: 21.02.2018).

шают непритязательность наёмных работников, вынужденных балансировать между домом и работой.

Часто наблюдается отрицание наличия проблемы: утверждается, что та или иная деятельность — не дискриминационные. Такой подход подпитывается определением «актуальных» и «острых проблем и потребностей» женщин на основе нерепрезентативных и поверхностных суждений, что чревато проволочками с принятием конкретных действий — вопрос кладётся «под сукно» или приостанавливается до разработки и принятия более общих решений.

Напомним, что гендерный подход предполагает осознание того, что явления, происходящие в обществе, по-разному влияют на мужское и женское население, вызывая неодинаковые их реакции. В обществе всегда существуют интересы мужского и женского населения.

Непризнание комплексного характера проблемы и вытеснение её на периферию обсуждения (в своего рода «гетто») приводит к ошибочной интерпретации гендерного подхода, когда цель гендерного равенства подменяется акцентом на вовлечении женщин в программы и малозначимую деятельность, которая носит характер видимости, или предпочтение отдаётся символическим действиям. К примеру, на высокие должности назначают одну-две женщины, преимущественно тех, для кого проблемы гендерного равенства не являются приоритетом.

Хотя в каждой стране политическая среда характеризуется своими особенностями, есть нечто общее. Во всех государствах политическое поле не равно для женщин и мужчин, и оно не приспособлено для женского участия. Женщины, которые решаются вступить в политическую сферу, обнаруживают, что политическая, общественная, культурная и социальная среда недружелюбно или даже враждебно настроена по отношению к ним. Соблюдение принципа равенства — один из важнейших инструментов достижения успеха в изменении тех общественных структур, которые поддерживают и сохраняют ген-

дерно несбалансированные властные взаимоотношения, в достижении реального равновесия между различными ценностями и приоритетами, присущими каждому из полов.

Государства должны принять все возможные меры по изменению культурных и социальных стереотипов, приводящих к дискриминации в отношении женщин, тщательно расследуя, преследуя и наказывая случаи нарушения прав женщин, в том числе совершённые частными лицами. Для того чтобы права человека стали реальностью для каждой женщины, необходима реализация политики гендерного равенства, которая инициируется и продвигается, включая политическую волю на всех уровнях. Между тем процесс реализации такой политической воли происходит недостаточно динамично и обнаруживает волнообразный характер, что увязано с тенденциями общемирового развития, умноженными на специфику отдельно взятой страны.

Документы ООН имеют практическое значение, обеспечивая женщинам поддержку в реализации их фундаментальных прав и свобод. С принятием Всеобщей декларации прав человека появился глобальный режим защиты индивидуальных свобод, состоящий из многочисленных международных конвенций, конкретных международных организаций по контролю за соблюдением и региональных соглашений о правах человека. Глобальный режим защиты прав человека привёл к появлению огромной сети транснационально действующих правозащитных коалиций и международных неправительственных организаций. Например, в Пекинской конференции (1995) приняли участие 189 стран и 4000 организаций гражданского общества. Мероприятие сопровождалось твёрдыми обещаниями представителей самого высокого уровня добиваться достижения гендерного равенства и справедливости. Лидеры ООН, в частности, первая глава структуры «ООН-Женщины» М. Бачелет говорила о «значительном прогрессе, который стал возможным благодаря постоян-

ству усилий международных организаций, государств и гражданского общества»³³.

Престиж государства на мировой арене создаётся его ответственным отношением к международному праву. Тем более если государство, подписав договор, приняло на себя моральные обязательства. *Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* обеспечивает условия для продвижения прав женщин, поскольку предусматривает развитие национального законодательства в направлении гендерного равенства. В частности, Факультативный протокол к Конвенции, как сказано выше, расширив её мандат, вооружил женщин—жертв гендерной дискриминации инструментом индивидуальной борьбы в законодательном поле (подавать жалобы в международные судебные инстанции). Конвенция гарантирует продолжение деятельности ООН по практическому применению в странах-подписантах международного договора.

Положение женщин в мире за последнюю четверть века существенно изменилось к лучшему в сферах образования, здравоохранения, занятости и оплаты труда, которые были обусловлены теми мерами, которые предпринимались и развивались в контексте духа и буквы Конвенции. Полторы сотни стран в своих конституциях гарантируют равенство граждан и недопущение дискриминации мужчин и женщин. Если в 1911 г. лишь в двух странах женщинам позволялось голосовать, то сегодня право голоса стало универсальным. Во многих парламентах стран мира (60) действуют комитеты по гендерному равен-

ству, часто в них входят женщины различных партий³⁴.

Обращённый ко всем государствам-членам призыв ООН разработать амбициозные национальные меры по осуществлению Повестки дня — 2030 имеет большое значение. Страны проводят регулярные и инклюзивные обзоры прогресса на национальном и субнациональном уровнях, чтобы, в числе прочего, добиться улучшений в обеспечении гендерного равенства и расширении прав и возможностей женщин и девочек, что внесёт «решающий вклад в достижение прогресса по всем целям и задачам»³⁵.

ООН оказывает не только морально-психологическое стимулирующее воздействие на политику национальных государств: она работает над увеличением инвестиций в дело продвижения гендерного равенства и справедливости. Так, 40% инвестиций Фонда миростроительства в 2019 г. были направлены на обеспечение мира с учётом гендерных факторов. *Женский фонд мира и гуманитарной помощи (The Women's Peace and Humanitarian Fund)* был создан к 15-й годовщине принятия резолюции 1325 и в настоящее время поддерживает более 200 женских организаций на местах во многих странах³⁶. Систематическое включение гендерных аспектов в реализацию Повестки дня имеет решающее значение.

Особенно важны инициативы ООН по борьбе с насилием. Новый международный трудовой стандарт по этой проблеме на работе был принят на 108-й Международной конференции труда в 2019 году³⁷. Новая

³³ Bachelet M. Once We Make This Dream a Reality. 2014. URL: http://beijing20.unwomen.org/en/news-and-events/stories/2014/6/michelle_bachelet (accessed: 19.12.2018).

³⁴ URL: <http://www.iknowpolitics.org/>

³⁵ A/RES/70/1 Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 (accessed: 21.08.2016).

³⁶ Statement to the UN Security Council Open Debate on Women, Peace and Security, by Phumzile Mlambo-Ngcuka, UN Under-Secretary-General and Executive Director of UN Women URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/10/speech-ed-phumzile-security-council-open-debate-on-women-peace-and-security> (accessed: 01.11.2020).

³⁷ Convention 190. Convention Concerning the Elimination of Violence and Harassment in the World of Work, Adopted by the Conference at its One Hundred and Eighth Session, Geneva, 21 June 2019 https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_711570.pdf (accessed: 21.08.2020).

Конвенция и Рекомендация по борьбе с насилием и домогательствами на работе признаёт их «нарушением прав человека, угрожающим равным возможностям»³⁸.

Демократическое общественное движение и правозащитные коалиции озабочены реальным положением женщин, поскольку прогресс на пути достижения гендерного равенства происходит слишком медленно. Достижение гендерного равенства и справедливости в каждой стране требует к себе и внимания, и специальных мер. Необходимы вмешательство правительства и политическая активность масс, согласованные действия политического характера на национальном уровне, поддержанные международным сообществом. Мировая практика показала, что свободный рынок не способен обеспечить гендерное равенство. Свободное развитие экономических и политических ресурсов, как правило, не даёт такого равенства из-за изначального диспаритета в структурах власти. Следовательно, государство призвано сыграть ключевую роль в решении этой проблемы. Логическая цепочка: человеческий капитал — права человека — гендерное равенство — устойчивое развитие — прогресс—качество жизни — заслуживает быть признанной в качестве гуманитарной формулы цивилизационного развития.

Переход от парадигмы «женщины в развитии» к парадигме «гендер и развитие» означает сдвиг в мировом сознании, который заключается в признании необходимости специальных мер по достижению гендерного равенства. Право на различие — одна из самых важных свобод человека — лежит в основе концепции равенства. Мировой опыт убедительно свидетельствует о том, что наличие формальных прав не приводит к ликвидации дискриминации в обществе.

Хотя ООН подвергается критике, следует признать, что сегодня сохраняется базис для повышения её роли в мировом сообществе. В условиях глобализации неравномерность развития мира, лежащая в основе противоречий между странами, усиливает влияние международного сообщества и созданных им институтов. Именно неравномерность обуславливает возникновение конфликтных ситуаций, требующих разрешения на международной арене в рамках нацеленности на сохранение мира на планете. На сегодняшний день не существует альтернативы ООН, которая ради поддержания мира призвана направлять глобализацию в гуманное русло, выполняя функцию универсальной площадки для диалога, поддерживая первостепенную ценность личности и её прав независимо от пола, расы, вероисповедания.

* * *

Вопросы обеспечения прав женщин, ликвидации дискриминации по признаку пола постоянно находятся в повестке дня ООН, а также Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Разработанные этими организациями многосторонние международные договоры, резолюции, рекомендации и другие документы программного характера содержат в себе комплекс обязательств для национальных правительств по улучшению положения женщин и достижению гендерного равенства. Моральный авторитет страны подкрепляется честным и последовательным выполнением взятых на себя обязательств. Сфера гендерного равенства — не исключение из общечеловеческого стандарта поведения, которое создаёт атмосферу доверия, столь важную в системе развития не только межличностных, но и международных отношений.

³⁸ Fifteen defining moments for women in 2019. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2019/12/compilation-2019-defining-moments-for-women> (accessed: 06.02.2020).

Список литературы

- Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года / Под ред. И.Е. Калабихина, Н.М. Римашевской, Ю.В. Яковец. М.: МИСК, 2009. 600 с.
- Шведова Н.А., Соболева И.В., Калабихина И.Е. и др. Гендерные проблемы в России: по национальным публикациям 1993–2003 гг. М.: Алекс, 2004. 240 с.
- Шведова Н.А. Гендерное равенство и устойчивое развитие: новые тенденции // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 3–21.
- Шведова Н.А. Гендерная политическая культура: новые тенденции // Россия и Америка в 21 веке. Электронный журнал 2014а. № 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760010823-2-1/> (accessed: 21.02.2018).
- Шведова Н.А. Международное сообщество о гендерном равенстве // Женщина в российском обществе. 2014б. № 4. С. 32–39.
- Dragiewicz M. Equality with a Vengeance: Men's Rights Groups, Battered Women and Antifeminist Backlash. Boston: Northeastern University Press, 2011. 154 p.
- Faludi S. Backlash: The Undeclared War against Women. New York: Doubleday, 1991. 592 p.
- Inter-Parliamentary Union. 2020. Women in parliament: 1995–2020 – 25 years in review. 2020. <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2020-03/women-in-parliament-1995-2020-25-years-in-review>
- Kimmel M. Healing from Hate. Berkeley: University of California Press, 2018. 263 p.
- Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the rise of authoritarian-populism. New York: Cambridge University Press, 2019. 540 p.
- Norris P., Krook M.L. Handbook on Promoting Women's Participation in Political Parties. Warsaw: OSCE, 2014. URL: <http://www.osce.org/odihr/120877>
- Women in Parliament: Beyond Numbers. A Revised Edition, Stockholm, Sweden: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2005. 265 p.

GENDER EQUALITY ON THE UN AGENDA AND THE 75TH ANNIVERSARY OF THE UNIVERSAL ORGANIZATION

NADEZDA SHVEDOVA

Institute for The U.S. and Canadian Studies of the RAS, Moscow 121069, Russian Federation

Abstract

The 2020 is rich in anniversaries: the world community celebrates the 75th anniversary of the United Nations (UN) and the 25th anniversary of the Fourth World Conference on Women, a mass meeting of more than five thousand participants in Beijing in 1995. A three-day special event is planned during the September Session of the UN General Assembly in New York (2020), dedicated to the celebration of “Beijing Plus 25”. At these meetings governments from around the world are expected to commit to speeding up and scaling up the promises made in the historic Beijing Platform for Action. And the last 2019 was marked by the fortieth anniversary of the most important document in the field of gender equality – the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women – CEDAW, which is rightfully widely known in the world as “The Bill on the Rights of Women” (1979). Anniversary dates increase motivation to comprehend the role and place of events and phenomena associated with them. Moreover, the UN theme and gender equality is a hot topic, which is due to two main circumstances.

On the one hand, the UN is a unique global organization that has a significant impact on international processes. On the other hand, the problem of gender equality is the basis of social stability, a condition for development and an instrument for creating the quality of life. Bridging the gender gap in all areas of life is vital to achieving sustainable development and fulfilling the promise of the 2030 Agenda. To achieve the sustainable development goals, it is necessary to ensure full and equal access for and participation in women and girls. Despite progress, women and girls are still systematically underrepresented as users and leaders in critical areas of human life. The fight against stereotypes and myths occupies a key place. There is a wide range of options available to address both the causes and symptoms underlying gender stereotypes and social norms. The emphasis on a sound strategy with a gender perspective is something that can contribute to achieving gender equality for the sustainable development of the civilized world, this is what the UN insists on.

Keywords:

United Nations; gender equality; women's rights; discrimination; human rights; feminism; stereotypes; international conflicts; development goals.

References

- (2005). *Women in Parliament: Beyond Numbers. A Revised Edition*. Stockholm, Sweden: International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 265 p.
- (2020). *Inter-Parliamentary Union. 2020. Women in parliament: 1995–2020 – 25 years in review*. URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2020-03/women-in-parliament-1995-2020-25-years-in-review>
- Norris P., Krook M.L. (2014). *Handbook on Promoting Women's Participation in Political Parties*. Warsaw: OSCE. URL: <http://www.osce.org/odihr/120877>
- Norris P., Inglehart R. (2019). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the rise of authoritarian-populism*. New York: Cambridge University Press. 540 p.
- Faludi S. (1991). *Backlash: The Undeclared War against Women*. New York: Doubleday. 592 p.
- Dragiewicz M. (2011). *Equality with a Vengeance: Men's Rights Groups, Battered Women and Antifeminist Backlash*. Boston: Northeastern University Press. 154 p.
- Kimmel M. (2018). *Healing from Hate*. Berkeley: University of California Press. 263 p.
- Kalabikhina I.E., Rimashevskaya N.M., Yakovets Yu.V. (2009). *Global'nyj prognoz "Budushee tsivizatsij" na period do 2050 goda*. Moscow: MISK. 600 p.
- Shvedova N.A. (2006). Gendernoe ravenstvo i ustojchivoe razvitie: novye tendentsii [Gender Equality and Sustainable Development: New Tendencies]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. No. 4. P. 3–21.
- Shvedova N.A. (2014a). Gendernaya politicheskaya kultura: novyye tendentsii [Gender Political Culture: New Trends]. *Rossiya i Amerika v 21 veke. Elektronnyy zhurnal*. 2014. №1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760010823-2-1/> (accessed: 21.02.2018).
- Shvedova N.A. (2014b). Mezhdunarodnoye soobshchestvo o gendernom ravenstve [The International Community on Gender Equality]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. No 4. P. 32–39.
- Shvedova N.A., Soboleva I.V., Kalabikhina I.E., et al. (2004). *Gendernye problem v Rossii: po natsional'nyim publikatsiyam 1993–2003 gg.* [Gender Problems in Russia: in Accordance with the National Publications 1993–2003]. Moscow: Aleks. 240 p.

МАНИФЕСТАЦИИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ В РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ЮРИЙ НАДТОЧЕЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Значимость теоретических конструкций, оценивающих феномен взаимозависимости на фоне замедления глобализации и обострения противоречий между странами, ещё недавно считавшихся партнёрами, возрастает. Тезис о том, что взаимозависимость, прежде всего в экономической сфере, способна сглаживать политические противоречия, стал подвергаться сомнению, и её, напротив, всё больше рассматривают как предпосылку конфликта. Из поля зрения исследователей ускользнула предыстория концептуализации понятия «взаимозависимость», рождённого не глобализацией, а конфронтацией эпохи «холодной войны». Этот концепт может быть применим к отношениям не только между странами-партнёрами, но и противниками, как это было в случае с СССР и США. Именно тесная связь между двумя сверхдержавами, опосредованная плотной тканью двусторонних соглашений, институтов и режимов в разных сферах (прежде всего в области безопасности), предохраняла их от вступления в разрушительный для обеих сторон конфликт. После распада биполярной системы обе страны попытались упрочить двусторонние институты и режимы путём наращивания сотрудничества, перевода отношений от взаимного гарантированного уничтожения к устойчивому партнёрству, от политики сдерживания к сообществу безопасности. Несмотря на эти усилия, структурные изменения в международных отношениях XXI века подорвали выверенную временем систему взаимодействий между Россией и США. В отличие от периода конфронтации, когда издержки сотрудничества расценивались как приемлемые и даже необходимые, в новых условиях они представляются элитам двух стран обременительными. Москва и Вашингтон всё чаще предпочитают свободу рук в достижении краткосрочных или долгосрочных политических целей и принимают единоличные решения, без учёта действий контрагента, его интересов и обеспокоенности, что повышает в дальнейшем риски углубления уже существующего конфликта.

Ключевые слова:

российско-американские отношения; взаимозависимость; структура; процесс; неореализм; неолиберализм; международные институты; «холодная война»; сдерживание; разрядка.

Современные российско-американские отношения характеризуются высокой степенью нестабильности и непредсказуемости. В целом ряде сфер, таких как безопас-

ность, экономика или гуманитарные связи, всё более выраженным становится ускоряющийся процесс ослабления взаимодействия сторон, подвергаются пересмотру

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2019

Дата принятия к публикации: 25.06.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: ynadtochey@yandex.ru

важные договорённости, составлявшие основу для сотрудничества в течение многих лет и даже десятилетий. При наличии широкого круга вопросов международной повестки, значимых как для Москвы, так и для Вашингтона, стороны не стремятся находить взаимоприемлемые формулы и совершают односторонние действия, порой без учёта интересов партнёра. При этом год от года интенсивность взаимодействия сторон только понижается, постепенно приближаясь к уровню наиболее драматичных эпизодов «холодной войны». По сравнению же с более спокойными её периодами (например, временами «разрядки», «нового политического мышления») глубина и масштабы современных двусторонних контактов и вовсе могут оцениваться как явный регресс. Например, российско-американский диалог по проблеме контроля над вооружениями характеризуется меньшей плотностью, частотой и насыщенностью, чем полвека назад, свидетельством чему служит не просто отсутствие прорывов в укреплении соответствующей договорно-правовой базы, а её неуклонное размывание.

Подобное состояние отношений не в последнюю очередь обусловлено изменениями в характере взаимозависимости двух стран. Это состояние и описывающий его концепт ранее довольно подробно исследовались в зарубежных научных работах начиная с 1970-х годов. Публикации, объясняющие взаимозависимость между великими державами, доминировали в теории международных отношений более десятилетия, постепенно уступив в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов пальму первенства работам, посвящённым глобализации. И хотя в XXI веке взаимозависимость как концепт оказалась вновь востребованной исследовательским сообществом [Coreland 2014, Labarre 2007, Farrell, Newman 2019], отношения США и России сквозь призму данной теории анализируются в недостаточной мере, а аспекты взаимозависимости между этими крупнейшими странами не являются предметом узкоспециализированных исследований. Это заметно

даже при беглом ознакомлении с массивом современной российской и иностранной научной литературы, где отношения двух стран рассматриваются либо в более общем контексте внешней политики России и стран Запада [Lynch 2007], либо в плоскости отдельных вопросов (энергетика, финансы, кибербезопасность), представляющих наибольший интерес для США и тех их союзников (особенно в Европе), для которых взаимозависимость с Россией, в силу переплетения связей с ней, особенно актуальна [Johnson 2008; Grais and Zheng 1996; Cichock 1999; Van Epps 2013]. Однако подобная картина заметно контрастирует со временами биполярности, когда концепция взаимозависимости находила достаточное применение в сфере советско-американских отношений и служила интересной теоретико-методологической рамкой для тестирования различных гипотез и апробации эмпирических исследований по разным вопросам взаимодействия Москвы и Вашингтона (контроль над вооружениями, экономические связи сверхдержав и др.) [Clemens 1973; Gasiorowski, Polachek 1982; Nye 1987].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении специфики российско-американского взаимодействия с опорой на концепт взаимозависимости, основанный на достижениях теории рационального выбора. В ней раскрываются исторические предпосылки формирования такой системы связей между двумя странами, которая не позволяла им отказаться от сотрудничества даже в период «холодной войны». Наряду с этим анализируются причины, изменившие эту систему после распада биполярного порядка и вызвавшие планомерное расхождение интересов России и США в сфере политики, экономики и безопасности.

Гипотеза настоящего исследования базируется на допущении, что взаимозависимость как таковая не способна стать надёжным условием для предотвращения межгосударственных противоречий, особенно между великими державами. Более того, чем более высоким является уровень переплетения жизненно важных интересов

взаимозависимых стран, тем сложнее происходит демонтаж связей между ними и тем глубже проявляется конфликт. Это противоречит свойственной неолиберальному дискурсу 1980-х и начала 1990-х годов «идеализации» глобализации и подвергает сомнению тезис о том, что взаимозависимость снижает вероятность возникновения международных конфликтов [O'neal, O'neal, Maoz, Russett 1996]. Доводы в пользу умиротворяющих эффектов взаимозависимости были поставлены под сомнение как исследователями, придерживающимися иной точки зрения [Barbieri 1996], так и самой международной практикой, особенно на фоне мировой экономической и политической ситуации, последовавшей за кризисом 2007–2009 годов. Более того, политика санкций и асимметричные экономические отношения стали фактической нормой даже в тех случаях, когда взаимозависимость была призвана гасить конфликтность. Это доказывается не только несостоятельностью таких амбициозных проектов, как «группа двух» (G2), которая не смогла трансформировать экономическую взаимозависимость США и КНР в политический альянс, но и ухудшением отношений между Соединёнными Штатами и ЕС, теснейшим образом связанных в единый социально-экономический и военно-стратегический комплекс, но также оказавшихся на грани торговой (а возможно, и политической) конфронтации.

Таким образом, возрастание фактора силы в международных отношениях и новый запрос на политический реализм как на более подходящую под условия жёсткого (в плане конкуренции великих держав) посткризисного мира аналитическую призму не способствуют популяризации концепта взаимозависимости в его изначальной неолиберальной интерпретации. Напротив, исследователи вновь заговорили о ней как о ещё одной форме контроля, при которой более могущественные субъекты международных отношений манипулируют более слабыми либо с опорой на военную силу [Waltz 2000], либо посредством экономической глобализации [Gottlieb, Lorber

2014]. Всё чаще наиболее передовые страны (прежде всего США) эксплуатируют своё влияние на глобальную информационную и техническую инфраструктуру для ограничения доступа к ней других государств [Farrell, Newman 2019]. Изменение хода дискурса о взаимозависимости в указанном выше направлении способно объяснить и повышающийся уровень конфликтности в российско-американских отношениях. Её эскалация происходит вследствие расхождения позиций и размежевания двух стран по широкому кругу вопросов, ранее не составлявших предмет острой конкуренции (энергетика, кибербезопасность). Столкнувшись с угрозами принципиально нового типа, не имеющими непосредственного отношения к двусторонней проблематике, а также с несопадающими оценками этих угроз, Москва и Вашингтон попытались разомкнуть круг взаимозависимости, прервать циклы итераций, обеспечивающих непрерывность вынужденного сотрудничества по схемам, унаследованным со времён «холодной войны». Как следствие, в отношениях двух стран выявились новые грани напряжённости и повысились риски нарастания конфликтности.

1

Совместная монография Р. Кохейна и Дж. Ная «Сила и взаимозависимость» [Keohane, Nye 1977] существенно обогатила научный инструментарий познания мировой политики, а атмосфера, свойственная международным отношениям второй половины XX века, — особенно начиная с 1970-х годов — сформировала политический запрос на исследования подобного рода в условиях постепенного размывания жёсткой биполярности. Сложились предпосылки для очередного витка так называемых больших дебатов в теории международных отношений, которая стала искать более прочные основания для объяснения новых процессов и явлений — транснационализации, меняющейся роли государства в мировой политике, проблем мирового развития. Третий по счёту раунд

дебатов коснулся и интерпретации значения взаимозависимости как частного аспекта более широких научных проблем. Полемика, в которую включились известные специалисты-международники, такие как Д. Болдуин, А. Голт, Э. Морсе, Р. Роузкранц, А. Штейн, Р. Соломон и многие другие авторы, активизировала исследования в этой области, а появление широкого пласта литературы легитимировало притязание концепта взаимозависимости на научность [Baldwin 1980; Gault 1977; Morse 1976; Michalak 1979; Rosecrance, Stein 1973; Solomon].

Сохранявшиеся между исследователями разногласия относительно глубины воздействия этого феномена на международные отношения и мотивы поведения государств не помешали сближению «полярных» точек зрения и стоящих за ними исследовательских традиций — неореалистской и неолиберальной. По ряду онтологических, эпистемологических и методологических вопросов позиции исследователей сблизились: как неореалисты, так и неолибералы объясняли внешнеполитическую логику и мотивацию государств на основе подсчёта относительных и абсолютных выгод и издержек¹, которые они получали от взаимодействия друг с другом.

Этот исследовательский консенсус, вошедший в учебники как «синтез нео-нео», может быть объяснён выраженным доминированием к тому времени в англосаксонском обществоведении теории рационального выбора и достижений бихевиоралистской революции [Rana 2015; Glaser 2010]. Под влиянием работ Р. Аксельрода, Т. Шеллинга, М. Гальперина и других исследователей, отстаивающих безальтернативность сотрудничества конфликтующих государств в условиях «холодной войны», специалисты, работавшие над приложением теории игр к политическому анализу,

сошлись во мнении, что взаимозависимость есть состояние отношений между участниками политического процесса, которое им сложно прекратить по причине высокой цены выхода из них.

Они также полагали, что чем больше интересы субъектов пересекаются в той или иной области, тем сложнее им найти альтернативу сотрудничеству [Schelling 1981; Schelling, Halperin 1985]. Эта логика относилась как к тем сферам взаимодействия, в которых стороны максимизировали выгоды от сотрудничества (например, экономика), так и к тем областям, где они минимизировали потери (война). В частности, в такой сверхчувствительной сфере, как безопасность, в особенности при наличии ядерного оружия, потребность в сотрудничестве стала острее из-за сложностей для ядерной державы достичь победы над противниками без неприемлемых потерь со своей стороны.

Классики теории взаимозависимости Р. Кохейн и Дж. Най признавали, что обязательным условием для её возникновения выступает взаимность — «обмен примерно эквивалентными ценностями, при котором действия каждой стороны зависят от предыдущих действий других» (действий по отношению друг к другу. — Ю. Н.) [Keohane 1986: 8]. Вместе с тем они не утверждали, что взаимность гарантирует игрокам равные выгоды. Напротив, нередко отдельные участники несут разные издержки от сотрудничества (или конфликта), что породило понятие «асимметричная взаимозависимость». При ней один из игроков получает меньше выгод от сотрудничества, чем другой (другие), а попытка разорвать такие отношения может оказаться в разной степени болезненной для участников взаимодействия. «Цена выхода» из отношений для одного участника зависит как от его собственных действий, так и от послед-

¹ Расхождения между этими двумя направлениями состоит в оценке выгод от сотрудничества. В то время как неореалисты делали упор на относительные выгоды, подразумевающие, что стороны выигрывают от взаимодействия не в одинаковой мере и потому являются конкурентами в борьбе за блага, неолибералы акцентировали внимание на выгодах абсолютных, которые подразумевают сопоставимые преимущества для сотрудничающих сторон.

ствий, которые он испытывает в результате действий своего контрагента.

В целях конкретизации теоретической схемы Кохейн и Най ввели понятия чувствительности и уязвимости к взаимозависимости (*sensitivity* и *vulnerability*), понимая под первой «способность нести издержки, вызванные внешними обстоятельствами, до того, как будет выбрана политика, призванная изменить ситуацию», а под второй «способность актора нести издержки, связанные с внешними событиями, даже после того как (его. — Ю. Н.) политика поменяется» [Keohane, Nye 1977: 13]. Иначе говоря, чувствительность — степень внешнего воздействия на государство со стороны других акторов (государств или негосударственных участников). При этом объект воздействия несёт определённые издержки в любом случае, даже не реагируя на касающиеся его изменения. В то же время уязвимость предполагает способность (или неспособность) объекта воздействия адаптироваться к изменениям путём определённых действий (изменения своей политики), даже если эти действия будут для него затратными.

Предвидя предстоящую критику концепции взаимозависимости, Р. Кохейн и Дж. Най разграничили её как реальный феномен и созданный ими идеальный тип — теорию комплексной взаимозависимости [Keohane, Nye 1977]. Последняя описывает случаи, когда отношения носят кооперативный характер (сотрудничество), хотя даже подобная комплексная взаимозависимость может использоваться одной стороной в целях манипулирования уязвимостью другой, а следовательно, выступать источником политической власти. Задолго до Кохейна и Най этот аспект взаимозависимых отношений был исследован экономистом А. Хиршманом применительно к торговым связям между странами [Hirshman 1945]. В международную переговорную практику также вошла «дипломатия увязок» (*linkage diplomacy*), позволяющая менее зависимому государству воспользоваться уязвимостью партнёра в сфере, составляющей предмет переговорного тор-

га. Таким образом, менее уязвимой стороне удаётся подороже продать благоприятное для неё и менее выгодное для контрагента решение, получив взамен ещё более значимую уступку в том или ином вопросе [Stein 1980]. Подобные отношения являются ограниченно кооперативными, их нельзя назвать одинаково выгодными для обеих сторон.

Вместе с тем в реальности возможны и ещё более жёсткие варианты, когда отношения носят вовсе не кооперативный характер, например, когда государства вступают в гонку вооружений, из которой они не в состоянии выйти на приемлемых для себя условиях. Подобная «двуликость» взаимозависимости позволила американскому исследователю Р. Такеру разграничить её на «позитивную», где интересы сторон прямо пропорциональны, и «негативную», где они обратно пропорциональны [Tucker 1977: 9].

На языке теории игр это разграничение может быть описано следующим образом. При позитивной взаимозависимости сотрудничество строится *между партнёрами* на взаимном выигрыше (игра с положительной суммой), а при негативной — *между соперниками*, где выигрыш одной стороны автоматически приравнивается к проигрышу другой (игра с нулевой суммой). В первом случае взаимозависимость — необходимое условие достижения участниками общих целей. Они реализуемы, если государства полагаются друг на друга и жертвуют незначительными односторонними выгодами ради более существенных, полученных в процессе совместной деятельности. Стороны намеренно стремятся поддерживать такую взаимозависимость ради систематической и регулярной максимизации выгод. Если же участники выбирают конкурентный тип отношений и их действия наносят взаимный ущерб, но при этом они не могут прервать взаимодействие, единственно приемлемой альтернативой становится поиск путей минимизации издержек через установление правил взаимодействия. Иными словами, речь может идти о том, чтобы научиться управлять

конфликтом, из которого стороны не могут выйти.

Большую часть новейшей истории российско-американские отношения характеризовались вторым типом взаимозависимости. Это подтверждается известной по временам «холодной войны» формулой взаимного сдерживания (негативная взаимозависимость). Она позволяла вносить в диалог двух сверхдержав элемент предсказуемости на основе страха, что не отменяло неоднократных попыток сторон перейти от конфликта к сотрудничеству на основе кооперативных практик (позитивная взаимозависимость).

2

Попытки приложения концепции взаимозависимости к советско-американским отношениям предпринимались исследователями начиная с 1970-х годов, что фактически совпало по времени с появлением самой концепции и с возникшей в этой связи потребностью в её эмпирических доказательствах. Выбор в качестве объектов для анализа двух сверхдержав был вполне очевиден: именно эти два игрока определяли состояние международных отношений, а характерные особенности их взаимодействия представлялись исследователям наиболее важными с точки зрения применимости различных теоретических построений и практической экспертизы [Levin 1976; Hardt, Holliday, Kim 1974].

Исследуя проблематику взаимозависимости, специалисты выделили в ней два основных аспекта — структуру и процесс. Советско-американские отношения развивались под воздействием образов действия, поведенческих паттернов, институтов, определявших процесс взаимодействия [Keohane, Nye 1987]. Вместе с тем основное внимание исследователи отдавали структуре, которая стала выступать базисом взаимодействия между Москвой и Вашингтоном. Подобный подход на первый взгляд казался оправданным, так как структурные, материальные факторы могли объяснить в поведении сторон если не всё, то, по крайней мере, очень многое.

Конкретное соотношение материальных возможностей конфликтующих сторон и те естественные ограничители международной системы, которые в конечном счёте определяли их поведение по отношению друг к другу, задавали странам импульсы для взаимного сближения либо расхождения. В то же время анализу процесса, то есть тому, каким образом строился диалог между сверхдержавами, уделялось незаслуженно более скромное внимание.

Сама история отношений России (СССР) и США давала карт-бланш в руки структурных реалистов, объяснявших взаимные сближения и расхождения двух стран экономическими, географическими и военно-стратегическими факторами. Причём здесь прослеживалась и цикличность. В разные периоды истории мог преобладать курс на расхождение, а в другом — он уступал место курсу на сближение. Например, до середины XX века низкая заинтересованность двух стран друг в друге обуславливалась не только географической удалённостью, но и, что более важно, отсутствием у них точек непосредственного соприкосновения в жизненно важных для обеих стран регионах. Экономическая самодостаточность России и Соединённых Штатов, помноженная на типичную для них «геополитическую интроверсию» (максимальную самостоятельность в международных отношениях), не давала устойчивой основы для двусторонних отношений.

Несмотря на то что межвоенные годы обозначили постепенную тенденцию на сближение Советского Союза и США, коренной перелом наступил только в условиях Второй мировой войны — события, которое объясняло тесный союз между двумя кардинально различными по характеру политических режимов государствами структурными причинами: обе стороны стремились к выживанию в условиях разрушившегося мирового порядка. Вторая мировая война обозначила перелом в советском и американском политико-стратегическом мышлении, которое трансформировалось из регионального в глобальное вследствие перераспределения материаль-

ной мощи в мировой системе в пользу двух держав, породив феномен биполярности.

Аккумулировав беспрецедентный экономический (США) и военный (обе страны) потенциалы и став не просто великими державами, а мировыми гегемонами, выстроившими альтернативные системы господства-подчинения в подконтрольных им ареалах, Советский Союз и Соединённые Штаты впервые вынуждены были иметь дело с непосредственным соприкосновением, а порой и «взаимным наложением» зон интересов (в Европе, Африке, Южной Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке), что могло привести к широкомасштабному конфликту между ними. Позитивно развивавшийся в довоенный и особенно в военный период тренд экономического сотрудничества, укрепивший доверие между двумя странами, прервался и был заменён ограниченными формами диалога.

Ситуация усугублялась отсутствием двусторонних механизмов урегулирования кризисных ситуаций: развитых каналов коммуникации, режимов и институтов контроля над вооружениями (в том числе ядерными), которые могли снизить риски неопределённости находившихся в состоянии конфликта государств. Для выработки принципиально новой модели вынужденного сотрудничества в условиях конфликта сторонам потребовалось время. Сначала структурно оформившаяся биполярная система (середина 1950-х годов) создала предпосылки для «мирного сосуществования», а затем её постепенное размывание (конец 1960-х—1970-е годы) породило политику «разрядки». Одновременно с этим ускоренное технологическое развитие мира, появление транснациональных проблем в области экологии и энергетики модифицировали и структурные ограничители для сверхдержав. Императивы взаимозависимости становились, с одной стороны,

объективной реальностью, а с другой — насущной потребностью даже между противоборствующими системами.

Обе стороны отказались (по крайней мере, на декларативном уровне) от непосредственного военно-силового воздействия друг на друга, подтвердив это в соответствующих двусторонних и международных обязательствах², и перешли к состоянию управляемого двустороннего конфликта, ограниченного набором правил, процедур и регулируемого специально созданными режимами и институтами, сводящими к минимуму риск прямого военного столкновения. Эта более сложная модель взаимодействия заложила основу советско-американских отношений на годы вперёд. Её применимость к советско-американским отношениям определялась возникновением особого формата взаимодействия, в котором у сторон имелись общие интересы как в сфере внешней политики (сохранение относительно выгодного для обеих стран международного статус-кво, препятствие растущему влиянию других центров силы), так и в области экономики: СССР нуждался в зарубежных наукоёмких технологиях и изделиях, а Запад (особенно Западная Европа) испытывал всё большую потребность в советских энергоносителях.

Однако главным императивом двух стран оставалось стремление свести к минимуму риск гипотетического военного конфликта, который в условиях ускорившегося научно-технического прогресса в военной области мог бы стать особенно разрушительным. Совершенствование ОМУ и средств его доставки требовало принципиально новой системы двусторонних механизмов (режимов и институтов) контроля над вооружениями, что также явилось отражением растущей советско-американской взаимозависимости [Батюк 2007].

² См., например: Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки от 30 сентября 1971 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Выпуск XXVII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1971 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Международные отношения, 1974. С. 30–31.

Р. Джервис, изучавший поведение сверхдержав в годы «холодной войны», отмечал, что стороны сознательно понижали порог своей чувствительности к действиям противоположной стороны, что позволяло им преодолевать «дилемму безопасности» [Jervis 1978]. Они добивались этого, в частности, путём ограничения оборонительных вооружений. Сверхдержавы не только допустили возможность принятия взаимных обязательств по снижению вероятности войны между собой, но и разработали систему гарантий путём повышения «стоимости конфликта».

Разработка и негласная индоктринация концепции взаимного гарантированного уничтожения в качестве организующего принципа советско-американских отношений (в ракетно-ядерной области) стало свидетельством зрелости негативной взаимозависимости — равновесия страха, при котором ни одна из сверхдержав не могла получить односторонних преимуществ в условиях конфликта с применением ядерного оружия. Это гарантировало выживание обеим странам и позволяло исследователям советско-американских отношений характеризовать их как особую форму сотрудничества, протекающего в условиях конфликта. В научной литературе этот необычный формат конфликтного взаимодействия получил название квазисоюза, или кондоминиума [Kanet, Kolodziej 1991; Miller 1995].

Конфронтация между сверхдержавами сохранялась, однако она стала более зрелой. Стороны отказались от иррационального доктринёрства, предписывавшего продолжение бескомпромиссного противостояния до полной победы и едва ли не любой ценой [Allison 1989]. Отныне их тип связей характеризовался более объективными оценками друг друга, третьих стран и общего состояния международных от-

ношений. Относительные выгоды и издержки от сотрудничества казались советским и американским лидерам более привлекательными, нежели абсолютные потери в случае продолжения бесконтрольной конфронтации. Способность принять во внимание информацию от другого, признать его интересы и озабоченности обеспечивала необычное сотрудничество сверхдержав при сохранении соперничества между ними.

Существенно возрос и уровень взаимного доверия. Получение новой информации друг о друге *в процессе систематического и регулярного* взаимодействия оказывало на отношения двух стран пусть и ограниченный, но важный нормализующий эффект. Усвоение новых концепций и кооперативных практик³ способствовало обоюдному изменению предпочтений конфликтующих сторон, их взаимному приспособлению там, где это диктовалось взаимной чувствительностью и уязвимостью⁴. Подобный процесс влиял на предпочтения (preferences) лиц, принимающих решения, и их последующие действия (behavior) в не меньшей степени, нежели объективные материальные возможности сверхдержав на стратегический паритет, укрепление военных союзов и другие структурные параметры [Rosenau 1989].

Позитивное влияние усвоения кооперативных практик на советско-американские связи не исключало всплески конфликтности между сверхдержавами. Одно из таких обострений имело место в начале 1980-х годов. Стороны перенимали подходы друг друга не в равных объёмах. Даже в такой сфере, как контроль над вооружениями, в которой присутствовала равная заинтересованность, а материальный паритет был уже достигнут, асимметричная взаимозависимость продолжала сохранять-ся. Ещё более серьёзное неравенство со-

³ Концепция политического обучения также использовалась Р. Кохейном и Наем в процессе работы над теорией взаимозависимости.

⁴ Именно таким образом советский генералитет, члены политбюро и правительства восприняли предложенную американским министром Р. Макнамарой концепцию взаимно гарантированного уничтожения.

хранялось в экономической сфере, в которой положение Советского Союза, несмотря на высокие цены на энергоносители, оставалось более шатким, нежели у США [Gasiorowski, Polachek 1982].

По оценке Дж. Ная, советское военное-стратегическое мышление «адаптировалось под западные концепции» стратегической стабильности в большей мере, нежели американское учитывало советские обеспокоенности [Nye 1987]. Хотя критики разрядки из администрации Р. Рейгана, включая самого президента, придерживались противоположной точки зрения, считая этот процесс «улицей с односторонним движением» в пользу СССР⁵, по ряду параметров Москва оставалась более уязвимой, чем Вашингтон. Несмотря на то что выгоды от взаимодействия получали оба государства, это создавало условия для эксплуатации менее зависимой стороной уязвимостей контрагента в ходе политического торга⁶. Слабая сторона, сохраняя большую чувствительность к действиям контрагента и обладая меньшими возможностями изменить существующее положение вещей, была более заинтересована в развитии отношений. В свою очередь, более сильная сторона желала добиться свободы рук, сбрасывая с себя балласт избыточных, с её точки зрения, обязательств перед партнёром и провоцируя тем самым конфликтность с ним⁷.

Тем не менее даже в подобных условиях взаимозависимость обеих сверхдержав представлялась им если и не альтернативной, то, по крайней мере, обоюдовыгодной. Речь не шла о переоценке странами самого значения их отношений друг для

друга и последующей перекодировке их с враждебных на дружественные. Р. Кохейн и Дж. Най, как и другие сторонники теории рационального выбора, не уделяли достаточного внимания идеационным аспектам возникновения взаимозависимости, фокусируясь на её «технической» стороне — транснациональных связях. А поскольку плотность советско-американских контактов в период разрядки становилась всё большей, охватывая новые и новые сферы (экономику и торговлю, науку и связи по линии гражданских обществ), двусторонние контакты также становились всё более значимыми для обеих стран. Путём «узнавания» друг друга они меняли представления о характере сотрудничества и распространяли его на всё большее число областей с выработкой конкретных норм регулирования отношений [Jamgotch 1985]. Как следствие, нормы и институты сотрудничества заменяли нормы конфликта, что в случае с советско-американскими отношениями стало происходить на рубеже 1980–1990-х годов — в годы «перестройки» СССР, а затем и в период рыночных реформ в постсоветской России.

З

Ещё на закате «холодной войны» стороны попытались заложить базу взаимозависимости на основе позитивной повестки дня (игры с положительной суммой), чего ранее в их отношениях не наблюдалось. Эти попытки проявились в декларировании советским генсеком М.С. Горбачевым приоритетности общечеловеческих ценностей, не разъединяющих, а объединяющих сверхдержавы [Громыко, Ломейко 1985].

⁵ Ronald Reagan First Press Conference. January 29, 1981. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-1981-first-press-conference> (дата обращения: 26.07.2020).

⁶ США, будучи более развитым в экономическом и технологическом плане государством, использовали торговые переговоры с СССР в период разрядки как инструмент «дипломатии увязок», с помощью которых американская сторона добивалась уступок от советских партнёров по другим значимым для Вашингтона вопросам — контролю над вооружениями, соблюдению прав человека в СССР и т.д.

⁷ Например, попытки администрации Рейгана отказаться от никсоновских доктрин ограничения систем противоракетной обороны ставили под сомнение стратегическую стабильность, основанную на доктрине взаимного гарантированного уничтожения.

Поменялся сам язык советско-американских отношений. Вместо минимизации ущерба от деятельности друг друга в качестве приоритета была обозначена цель совместного решения глобальных проблем, прежде всего в сфере безопасности, которую предполагалось сделать взаимной [Кортунов, Смоун 1991].

Взаимозависимость, по замечанию Т. Гатти, стала рассматриваться как комплекс мер, выходящих за рамки отношений только двух стран, как «единственно логичный подход в борьбе с ядерными и экологическими угрозами, с которыми сталкивается планета» [Gatti 1990]. В перспективе реализация подобных предложений означала бы постепенный перевод конфликтной взаимозависимости (взаимного сдерживания) в неконфликтную (сообщество безопасности), а в практическом смысле это могло конвертировать отношения США и СССР/России в немыслимый со времён Второй мировой войны формат партнёрства. Разобщающие сверхдержавы идеологические противоречия после падения советского строя исчезли, а новая расстановка сил, обусловленная резким сокращением сфер советского/российского влияния в мире (после вывода войск из Афганистана, Восточной Германии и Прибалтики) и отказом Москвы от поддержки прежде дружественных ей режимов в развивающихся странах, сняла проблему соперничества с США в различных регионах земного шара.

Благоприятный фон изменившейся международной ситуации создавал предпосылки для закладывания обновлённого будущего российско-американского партнёрства, а условия для перевода двусторонних связей на партнёрскую основу представлялись американским и российским элитам вполне сложившимися. Выход обеих стран из состояния клинча, в котором они пребывали около полувека — в рамках конфликтной взаимозависимости, не привёл к утрате интереса к взаимозависимым отношениям как таковым. Более того, Москва и Вашингтон решили не сворачивать, а, напротив, увеличить масштабы взаимодействия, но уже в условиях глобализа-

ции. Эти намерения определялись не только риторикой об общности демократических ценностей, но и рациональными соображениями относительно уязвимости/чувствительности. При этом у каждой из сторон они были свои.

Российская Федерация нуждалась в стабильном внешнем окружении для осуществления внутренних реформ. Курс Москвы на форсированное вступление в ведомые США и их союзниками в Европе международные организации и клубы (Международный валютный фонд, Совет Европы, «группа семи») расценивался ею как эманация позитивной взаимозависимости в отношениях России и Запада. Осознавая свою внутреннюю слабость, она была не готова прервать связи со вчерашними противниками, замкнувшись на решении собственных проблем и исключительно своими силами. То обстоятельство, что подобная модель взаимозависимости станет для России ещё более асимметричной, нежели для СССР, не смущало российские власти. Они расценивали такое положение вещей как временное и предпочитали делать упор на равноправие в партнёрстве с США хотя бы в перспективе [Шаклеина 2002].

Американское же руководство в лице администраций Дж. Буша-старшего, а затем и У. Клинтона, понимая иллюзорность такой перспективы, тем не менее проявляло неподдельную заинтересованность в продолжении демократизации российской политической системы. Вариант с отстранённостью США от внутрироссийской повестки американской стороной всерьёз не рассматривался, так как в случае провала реформаторства Б.Н. Ельцина и начала оппозиционного реванша российские приоритеты в отношении стран Запада могли резко измениться, повлияв на состояние уязвимости последних.

Трудности, вызванные распадом СССР, не помешали его будущей правопреемнице — Российской Федерации — сохранить основные атрибуты великой державы, и прежде всего военно-силовой (в основном ракетно-ядерный) потенциал. Даже после «поражения» (с американской точки зре-

ния) в «холодной войне» она оставалась единственной страной в мире, способной нанести США неприемлемый ущерб в случае гипотетического конфликта [Голдгейер, Макфол 2009].

Во многом по этой причине на протяжении почти всех 1990-х годов американские власти не спешили с отказом от концептуального лексикона взаимно гарантированного уничтожения и стратегической стабильности. Они также избегали демонтажа двусторонних режимов сотрудничества с Москвой, хотя последние не вписывались в новую логику партнёрства и могли рассматриваться как атавизм ушедшей эпохи. Политика, направленная на сохранение таких устаревших механизмов, осуществлялась параллельно усилиям по созданию принципиально новых российско-американских институтов на межгосударственном и неправительственном уровнях, наподобие комиссии Гор — Черномырдин. Через подобные структуры американское руководство предполагало транслировать в российскую политическую культуру заранее заданный набор установок, влияя тем самым на предпочтения российских элит и побуждая их выбирать «правильную», с точки зрения Вашингтона, модель поведения.

В случае успешных усилий по демократизации элит в переходный период можно было ставить вопрос о пересмотре принципов взаимозависимости — от взаимного сдерживания на основе силы к сообществу безопасности на основе широкой экономической и социальной интеграции между странами [Гудби, Бувальда, Тренин 2003]. Со временем, однако, разочарование российских (равно и американских) элит в результатах внедрения новой модели дружеского паритета привело к пониманию невозможности её осуществления на практике. В XXI век обе страны вступили не только с более консервативными лидерами (Россия с В.В. Путиным, а США с Дж. Бушем-младшим), но и с осознанием пределов взаимного партнёрства [Stent 2014, 49–82].

4

Позитивные сдвиги, обозначившиеся на короткое время в российско-американских отношениях в период президентства Д. Медведева и Б. Обамы⁸, сменились очередным витком противоречий, вновь обостривших управление взаимозависимостью между Москвой и Вашингтоном. Взаимность в отношениях в силу разности потенциалов сторон так и осталась нереализованным притязанием. Им не удалось придать партнёрству стабильный характер. Переходное состояние, в котором государства представляли друг перед другом в статусе «полупартнёров-полупротивников», по-прежнему сохранялось. Новая модель российско-американской позитивной взаимозависимости, вопреки надеждам и призывам экспертов [Цыганков 2012; Сулов, Караганов 2011], не сложилась, а на смену затянувшемуся периоду взаимной притирки сторон, вызванному поисками приемлемого формата отношений, пришли отчуждённость и даже враждебность.

Как и в предыдущие времена, подобное состояние отношений обуславливалось как структурными факторами, так и особенностями процесса взаимодействия сторон. Причём в структурном плане перемены были наиболее глубокими вследствие масштабного перераспределения мощи в мировой системе после «холодной войны». Российско-американские отношения утратили статус осевых и системообразующих, состоялся переход системы международных отношений от «плюралистической однопolarityности»⁹ к «незрелой», но всё более выраженной многополярности. Это привело элиты обеих стран к переоценке собственных возможностей и потребностей в области мировой экономики и политики.

К этому времени для них стали очевидны не только выгоды, но и издержки глобализации, с которой связывались перспективы позитивной взаимозависимости. Экономическая конкуренция со стороны растущего числа новых центров силы при-

⁸ В историю двусторонних отношений США и России они вошли под названием «перезагрузка».

⁹ Понятие было введено А.Д. Богатуровым [Богатуров 2002].

вела к смене модели поведения США на менее кооперативную по отношению к внешнему миру. Вашингтон пересмотрел свои приоритеты относительно некогда созданных по его инициативе международных институтов и режимов и, сочтя их излишне дорогостоящими, предпочёл вернуться к более экономным практикам национализма и унилатерализма [Druckman 2019; Koh 2019]. Подобная корректировка интересов привела к сокращению бремени американских международно-договорных обязательств, особенно в период президентства Д. Трампа.

Обозначившийся в 2010-х годах курс США на максимально широкую автономию и даже отстранённость от обсуждения и тем более выработки каких-либо судьбоносных решений, важных с точки зрения укрепления существующего мирового порядка, вызвал и встречные движения со стороны России, устами первых лиц государства квалифицирующей подобные тенденции в американской внешней политике как завершение гегемонии единственной сверхдержавы и западного доминирования в целом¹⁰.

Дополнительным аргументом в пользу подобной переоценки роли США в мировой политике и характера российско-американских отношений послужили и постепенно возросшие экономические и военно-силовые возможности Москвы, вошедшей в полосу подъёма после затяжного внутреннего и международного ослабления конца XX века¹¹. Начиная с середины 2000-х годов активизация её внешней политики на основе более широкой, чем прежде, трактовки национальных интересов

возродила к жизни нивелированные периодом российско-американского партнёрства геополитические факторы конфликтности с США в различных регионах мира — от постсоветского пространства до Ближнего Востока и Латинской Америки. Москва стремилась выровнять сложившиеся за предыдущие полтора десятилетия дисбалансы в отношениях с Западом, и прежде всего с Вашингтоном.

Само по себе это обстоятельство не создавало оснований для возвращения российско-американских отношений к модели негативной взаимозависимости, свойственной временам «холодной войны». На глобальном уровне значимый предмет для масштабного конфликта сторон (как и для их сотрудничества) по-прежнему отсутствовал, а локальные разногласия не ставили под угрозу их национальную безопасность. Однако в систему российско-американского взаимодействия вмешалась новая переменная — третьи силы, которые Р. Аксельрод и Р. Кохейн и считали помехой для развития устойчивых двусторонних отношений, основанных на принципах взаимности [Axelrod, Keohane 1985: 235]. Эти силы представлены разнородными игроками от влиятельных незападных стран (Китая, Ирана) до негосударственных участников (террористических и хакерских групп).

Изменилась и повестка двусторонних отношений, которая стала определяться не свойственными для обеих стран сюжетами: кибератаки, вмешательство во внутренние дела посредством Интернета со стороны неизвестных лиц¹². Уже в силу своей новиз-

¹⁰ Путин заявил об окончании однополярного мира. Интерфакс. 23.05.2014. <https://www.interfax.ru/russia/377686>; Лавров заявил о конце эпохи экономического и политического доминирования Запада. РИА Новости, 24.08.2015. URL: <https://ria.ru/20150824/1204454774.html> (дата обращения: 22.08.2020).

¹¹ Согласно данным Всемирного банка, на 2020 г. Россия занимает шестое место в списке стран по величине валового внутреннего продукта. https://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf. В то же время, по информации Стокгольмского института проблем мира (СИПРИ), в 2020 г. РФ вошла в пятерку стран с крупнейшими военными расходами. <https://www.sipri.org/media/press-release/2020/global-military-expenditure-sees-largest-annual-increase-decade-says-sipri-reaching-1917-billion> (дата обращения: 28.08.2020).

¹² Достаточно сказать, что тема кибербезопасности начала влиять на атмосферу российско-американских отношений, как минимум, с апреля 2007 г., с момента атак на государственные серверы Эстонии, незадолго до этого ставшей членом НАТО.

ны они не вписывались в привычную логику американских и российских политических элит, не создавших для решения подобных проблем каких-либо постоянно действующих институтов и не выработавших соответствующих антикризисных механизмов и норм, регламентирующих поведение сторон по отношению друг к другу, как, например, в случае с такими привычными сферами взаимодействия, как контроль на вооружениях.

И хотя на первых порах обозначенные выше новые проблемы не могли закрыть окно возможностей для двустороннего диалога по вопросам сотрудничества, перечень вопросов, в которых Россия и США могли рассматривать друг друга в качестве незаменимых партнёров, оставался узким. Даже в областях выраженного совпадения интересов (транзит грузов в Афганистан и из него, нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с терроризмом) взаимодействие наталкивалось на значительные препятствия¹³.

Критичной необходимости в партнёрстве, в отсутствие надёжной материальной и организационной базы, по-прежнему не существовало. Стороны не располагали такими активами, обмен которыми мог бы рассматриваться как наилучшая альтернатива всем остальным вариантам, имеющимся в их распоряжении — от опоры на собственные силы до сотрудничества с другими партнёрами и тем более союзниками. Декларируя общность интересов и целей там, где они всё ещё пересекались, российские и американские политико-дипломатические круги по-разному видели пути к их достижению, предпочитая сохранять свободу рук везде, где это представлялось возможным [Иванов 2012].

Вместо развития сотрудничества обе стороны скорректировали внешнеполитические стратегии и военные планы, сделав выбор в пользу менее кооперативных методов борьбы с иррациональными носителями угроз (особенно с террористическими организациями). Противодействие таковым, особенно после терактов в США в 2001 году, тем не менее вышло за пределы применения собственно антитеррористических мер и было перенесено в иные сферы. В частности, с точки зрения истеблишмента Соединённых Штатов, произошла девальвация многих механизмов контроля над вооружениями и стратегической стабильности, так как они были созданы с целью сдерживания крупных стран (России, КНР), а не «безответственных» режимов, потенциально способных разрабатывать ядерное оружие (Иран, КНДР). Поскольку последние обозначались американскими властями в качестве реальной, а не гипотетической (как в случае с Россией) ракетно-ядерной угрозы, цена разрыва договорённостей с Москвой или понижения уровня сотрудничества с ней в области ограничения вооружений уже переставала казаться американским политикам неприемлемой¹⁴.

Война с терроризмом и поддерживающими его «странами-изгоями» стала для США реальным конфликтом, и они задумались уже не о снижении, а о повышении порога чувствительности к борьбе с угрозами любой этиологии, а не только исходящими от конкретной страны-конкурента, в отношении которой могли бы эффективно работать правила взаимного сдерживания. На смену доминировавшей долгое время концепции относительной безопасности пришло стремление к достижению безо-

¹³ Во многом по этой причине оказались несостоятельны проекты совместной с США и НАТО системой ПРО, договора о европейской безопасности, которые были предложены Россией в период перезагрузки. В свою очередь, США, избегая значительных уступок Москве в сферах, представляющих для неё особый интерес, также предпочли не ставить себя в излишнюю зависимость от российских властей в плане дальнейших возможностей по использованию «северного маршрута» транзита военных грузов в Афганистан, сделав в итоге ставку на более короткий и опасный путь через Пакистан.

¹⁴ Буш: Договор о ПРО устарел. Би-би-си, русская служба (дата обращения: 03.09.2020). URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_1306000/1306835.stm

пасности абсолютной (тотального искоренения угроз), требовавшее максимального превосходства над противниками, в том числе посредством их разоружения с использованием военной силы на упреждение [Qingguo 2003: 201–215].

Смещение приоритетов США в области военного строительства потребовало развития не только новых наступательных, но и оборонительных систем вооружений, что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию со стороны России, настаивавшей на сохранении высокой чувствительности к конфликту как гарантии его избегания. В то же время Москва изначально сдержанно отнеслась к одностороннему выходу США из Договора по противоракетной обороне в 2002 году, полагая снять для себя возникавшие в связи с этим риски не политико-дипломатическими, а военно-техническими решениями. Более того, в скором времени позиции российских политических и военных кругов по вопросам сдерживания также претерпели изменения. Как и Вашингтон, Москва (с оговорками) стала демонстрировать приверженность активному типу ядерного сдерживания, допускающему применение оружия массового уничтожения не только в оборонительных, но и в превентивных целях [Косолапов 2008]. Как бы вторя заявлениям и в некотором смысле копируя (пусть и с большей осторожностью) логику своих заокеанских партнёров, российские официальные лица также стали допускать возможность пересмотра важнейших двусторонних и многосторонних соглашений в области контроля над вооружениями (СНВ, РСМД, ДОВСЕ) вплоть до их денонсации¹⁵.

Объяснялось это соображениями региональной безопасности — сферы, в которой

плотность российско-американских связей традиционно была меньшей по сравнению с прочным каркасом взаимозависимых отношений на уровне глобальной безопасности [Шаклеина 2013]. Локализация интересов России после «холодной войны», борьба с такими непосредственными угрозами, как терроризм, сепаратизм, локальные конфликты с соседями, а не с гипотетическими опасностями новой мировой войны повлияли на выбор её стратегий. Москва, будучи стороной, непосредственно вовлечённой в решение значимых постсоветских проблем (Грузия, Украина), не считала их предметом для переговоров с внерегиональной державой — Соединёнными Штатами.

В то же время риск непосредственного военного столкновения между Россией и США полностью не исчез. Многолетние усилия двух государств по сокращению взаимной угрозы дали свои плоды, а их наличествующие потенциалы после серии успешных договорённостей о сокращении вооружений на рубеже 1980-х — 1990-х годов оказались на минимально достаточном уровне. Однако с избыточными потенциалами, делавшими немыслимой саму идею широкомасштабной войны, ушли в прошлое и опасения относительно неприемлемости конфликта. Психологический дискомфорт от мысли о гипотетическом использовании военной силы во взаимных спорах перестал доставлять американским и российским элитам прежние неудобства, о чём свидетельствовала усиленная (начиная с 2000-х годов) акцентуация на ядерном сдерживании и крайне скромные по сравнению с предыдущим десятилетием достижения договорённостей в сфере контроля над вооружениями между ними¹⁶.

¹⁵ Разведка словом — США попросили Россию попридержать ракеты // Коммерсант, 17 февраля 2007 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/743637> (дата обращения: 05.09.2020).

¹⁶ Об этом свидетельствуют в том числе положения российских и американских военных доктрин начиная с 2000-х годов, где ядерному оружию и ядерному сдерживанию в системе военного планирования стала уделяться более важная роль. См.: Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/181993/>; Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97325/; Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 2976 «О Военной доктрине Российской Федерации».

При всех существующих разногласиях между двумя странами их политическое руководство всё чаще демонстрирует удивительное единодушие в оценках стоимости потенциального конфликта. Девальвация режимов контроля над вооружениями, многочисленные словесные интервенции как российских, так и американских должностных лиц, допускавших возможность военного конфликта между двумя странами¹⁷, дали повод усомниться в надёжности порога применения силы в российско-американских отношениях. Обе стороны доктринально нацелились на применение нелетальных (прежде всего информационных)¹⁸ технологий воздействия на потенциального противника, тем самым всё больше допуская «гибридизацию» различных форм противоборства и размывая границы между разновидностями войн как таковых (физическими и виртуальными, ядерными и конвенциональными, оборонительными и наступательными) [Mattis, Hoffmann 2007; Герасимов 2013]. Как следствие, подобная переоценка роли силы, хотя бы и на высоком экспертном уровне, породила тем не менее существенные риски войны для обеих стран, особенно принимая во внимание присущую современным конфликтам склонность к быстрой эскалации в результате расширения набора применяемых средств поражения [Арбатов, Дворкин, Топычканов 2018: 13–52].

Маржинальным фактором, отягчающим российско-американские отношения, выступает и сфера экономики. Она, в отличие, например, от отношений американо-китайских с их взаимным товарооборотом в сотни и взаимными инвестициями на десятки миллиардов долларов ежегодно¹⁹, не способна смягчить остроту политических разногласий России и США. Взаимодополняемость экономик двух стран, по оценкам экспертов, фактически отсутствует [Кузнецова, Подбиралина 2019; Давыдов 2015], динамика их торговых отношений отличается неустойчивостью и подвержена множеству конъюнктурных влияний — от чисто экономических до сугубо политических²⁰. За вычетом узкой группы товаров, включающей изделия стратегического назначения, от которых стороны могут взаимно зависеть (американское нефтегазовое оборудование для России, российский низкообогащённый уран и ракетные двигатели РД-180 для США), масштабы связей в таких важнейших областях, как прямые инвестиции, совместное товарное производство, остаются незначительными, что не позволяет относить их к разряду критичных для национальных экономик. Более того, сама экономическая сфера подвергается всё большей политизации, не только не способствуя нормализации российско-американских связей, но и ухудшая их, примером чему служит политика экономи-

Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/; United States Nuclear Posture Review Report 2002. URL: <https://archive.defense.gov/news/Jan2002/d20020109npr.pdf>; Nuclear Posture Review Final Report, April 2010. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf; Nuclear Posture Review Final Report, February 2018 URL: <https://dod.defense.gov/News/SpecialReports/2018NuclearPostureReview.aspx> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁷ Sanger D., Perleth N. U.S. Escalates Online Attacks on Russia's Power Grid // New York Times. June 15, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/15/us/politics/trump-cyber-russia-grid.html>; Постпред РФ при ООН не исключил возможности войны между Россией и США. DW. 12.04.2018. URL: <https://is.gd/cqHGDc> (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г.; National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 16.09.2020).

¹⁹ На 2019 г. товарооборот между США и КНР, несмотря на торговые разногласия, составил 558 млрд долл., а взаимные прямые инвестиции — более 18 млрд.

²⁰ Доля России в товарообороте США составляет около 1%, среди американских партнёров она стоит на 24-м месте по импорту и на 38-м — по экспорту. Доля США в товарообороте России колеблется в районе 4–5 %, и в списке торговых партнёров они занимают 7-е место.

ческих санкций, налагаемых американской стороной на Кремль. Как показала практика, безуспешные попытки Вашингтона «исправить поведение» Москвы после начала украинского конфликта 2014 г. посредством санкций подтвердили ограниченность эффекта от использования в политических целях мер экономического воздействия. Даже ближайший союзник США — Европейский Союз, с которым у России уровень взаимозависимости в экономике и торговле традиционно высок, оказался не в состоянии переломить ситуацию, присоединившись к американским санкциям [Post-Crimea Shift 2019]. Сами же санкционные методы только ускорили диверсификацию российской внешнеэкономической деятельности, стимулировали различные варианты «импортозамещения»²¹, а Центральный банк и Министерство финансов Российской Федерации зафиксировали в качестве цели дальнейшее сокращение зависимости страны от американского доллара как расчётной и резервной валюты²².

В дополнение к военно-политическим и экономическим причинам, изменившим состояние взаимозависимых отношений России и США, свою лепту в обострение внесли и внутривнутриполитические обстоятельства. После 1991 г. считалось, что динамика изменений в обеих странах будет способствовать нормализации их диалога²³. Новои-спечённые партнёры полагали, что с уходом идеологических различий исчезнет и основа для конфликта. Её сохранение было бы возможным только в результате инер-

ционности сложившихся политических практик, которые должны были вскоре уступить место широкому сотрудничеству благодаря воле и личной дружбе первых лиц государства [Stent 2014, 13–34]. Складывалась ситуация, когда именно национальные лидеры, а не институты закладывали основы интеграции политических и деловых элит двух стран в новый глобальный мир на основе унифицированных интересов и схожих мировоззренческих оценок. Однако последующий отказ политических элит двух стран от неолиберальных сентенций 1990-х годов, всё большее распространение в их политических практиках национализма и единоличных действий затруднили разграничение внутривнутриполитической и внешнеполитической сфер.

В обусловленных внутренними причинами (силы или слабости национальных лидеров, возможностей оппозиции) попытках Москвы и Вашингтона защищать свой суверенитет от внешних посягательств проявилась изменчивость предпочтений политических элит. Проекция внешнеполитических тем на внутривнутриполитические события — будь то протесты в Москве, кибератаки на серверы Демократической партии в США, в которых стороны обвиняли друг друга, стала свидетельством эксплуатации темы чувствительности/уязвимости зачастую в популистских целях²⁴.

При этом на уровне «полуофициального» и экспертного дискурса стороны признают такое положение вещей едва ли не естественным и укладывающимся в рамки так называемой новой нормальности

²¹ Для этой цели в 2015 г. при Правительстве РФ была создана межведомственная комиссия по импортозамещению, ставшая своего рода ответом на введённые против России санкции США и ЕС.

²² См., например: Обзор рисков финансовых рынков № 2 (30). Февраль 2019. С. 10. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/15755/ORFR_2019-02.pdf (дата обращения: 18.09.2020).

²³ Хартия российско-американского партнерства и дружбы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия: В 4 т. Т. IV. Документы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002.

²⁴ РФ сочла публикацию на сайте посольства США призывом на митинг 3 августа. Интерфакс, 09.08.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/672159>; Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump, Washington Post, June 14, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-government-hackers-penetrated-dnc-stole-opposition-research-on-trump/2016/06/14/cf006cb4-316e-11e6-8ff7-7b6c1998b7a0_story.html?hpid=hp_rhp-banner-main_dnc-hackers-1145a-banner%3Ahomepage%2Fstory&utm_term=.e8bf3382d30a (дата обращения: 22.09.2020).

в международных отношениях [Глобальная система... 2016]. Её последствия пока трудно предсказать, однако риски неопределённости, связанные с этим состоянием глобальной системы, не только подрывают устоявшиеся за многие десятилетия традиции российско-американского взаимодействия, но и снижают вероятность выработки новых механизмов управления взаимозависимостью между Москвой и Вашингтоном.

Повышение их толерантности к потенциальному прямому столкновению при одновременном снижении иммунитета к страхам относительно его последствий сужают окно возможностей для нормализации отношений. Выработка новых практик взаимодействия в подобных условиях становится сложной задачей, а воспроизводство старых и проверенных временем принципов сдерживания — привычного и комфортного для политических элит обеих стран формата отношений, также наталкивается на множество препятствий в новом мире. Неопределённость заставляет российские и американские элиты отказываться от «логики соответствия» — создания долговременных институтов, обеспечивающих предсказуемость в отношениях, и переходить к «логике последствий» — сиюминутным решениям, представляющимся сторонам наиболее приемлемыми в текущий момент времени [March, Olsen 2004]. Они начинают мыслить тактически, а действовать ситуативно.

Исследовательский интерес к проблематике взаимозависимости, проявившийся у научного сообщества международников ещё несколько десятилетий назад, не был утрачен и в XXI веке. Тестирование концепций взаимозависимости на конкретных случаях расширяет и обогащает его научно-аналитические возможности в современных условиях, что демонстрирует пример российско-американских отношений. Россия и США вошли в затяжной и опасный период неопределённости с низким уровнем взаимодействия не только по во-

просам, ранее представлявшим взаимный интерес, но и с фактическим отсутствием диалога по новым проблемным полям, где пересечение интересов оказывается ещё менее значимым. Как следствие, обе страны оказались неспособными найти ни оснований для долговременного партнёрства через интеграцию, ни взаимоприемлемой концептуальной основы для контролируемой конфронтации. Постепенный упадок институтов негативной взаимозависимости между бывшими противниками не содействовал зарождению между ними взаимозависимости позитивной, способной превратить их в партнёров. Если в годы «холодной войны» взаимозависимость СССР и США была обусловлена взаимным сдерживанием с элементами нормализации, а после её завершения не меньшим взаимным интересом по «интеграции России в западный мир», то на современном этапе обе эти формулы взаимозависимости утратили для сторон былую ценность. Стороны демонстрируют всё большую самодостаточность в отношениях, хотя на практике не способны игнорировать существование друг друга в силу своего статуса крупнейших мировых держав и значимости двусторонних отношений уже хотя бы в силу этого обстоятельства. Прерывания взаимозависимости как всё ещё во многом сохраняющегося фактического состояния российско-американских отношений не происходит. Вместе с тем наблюдается дефолт его надстройки в виде существовавших долгие годы регуляторных практик — двусторонних режимов, институтов и норм взаимодействия. Их обнуление может сопровождаться болезненными конфликтными отношениями (возможно, даже острыми военно-политическими кризисами). Такой поворот событий может стать реальностью в тот момент, когда потенциальные издержки конфликта покажутся правящим элитам двух стран приемлемыми, а потенциальный выигрыш в виде победы над соперником представится заманчивым.

Предстоящие годы, таким образом, могут стать проверкой степени чувствительности/уязвимости для обеих стран. Каждая

из них будет испытывать на прочность своего оппонента, определяя его болевой порог. Для предотвращения эскалации конфликта до опасных пределов им потребуется пересмотр существующих механизмов и практик взаимодействия, которые если не

снимут противоречия, то, по крайней мере, позволят демаркировать границы конфликтного поля (правил ведения конфликта) с перспективой дальнейшего выхода на новые принципы отношений и их последующей нормализации.

Список литературы

- Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Топычканов П. Переплетение обычных и ядерных вооружений как новая угроза безопасности: российская точка зрения. М.: Московский центр Карнеги, 2018. 108 с.
- Батюк В.И. Режимы в российско-американских отношениях // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 52–66.
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 283–296.
- Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476). 27 февр.
- Гудби Д., Бувальда П., Тренин Д. Стратегия стабильного мира. Навстречу Евроатлантическому сообществу безопасности. М.: Международные отношения, 2003. 206 с.
- Взаимная безопасность: новый подход к советско-американским отношениям / Отв. ред. Р. Смоун, А. В. Кортунов. М.: Международные отношения, 1991. 422 с.
- Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 194 с.
- Громыко Ан. А., Ломейко В. Новое мышление в ядерный век. М.: Международные отношения, 1985. 292 с.
- Голдгейер Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. 519 с.
- Давыдов А.Ю. Проблемы и ограничения российско-американских экономических отношений // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 2. С. 3–16.
- Иванов И.С. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? Российский совет по международным делам. 08.10.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/perezagruzka-v-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniyakh-taktich/>
- Караганов С.А. Предсказуемое будущее? Как самообман подменил серьезный анализ. Россия в глобальной политике. 2019. №2. С. 58–72.
- Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 4. № 3. С. 15–25.
- Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В. Тенденции развития внешней торговли США в 2015–2016 гг. Особенности внешнеторговых связей с Россией // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 3. С. 548–562.
- Отношения с США. Проблемы взаимной и общей безопасности. Отвечая на вызов времени / Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь Мир, 2010. 944 с.
- Суслов Д.В., Караганов С.А. Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России // Россия: стратегия для нового мира: Сб. докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 41–94.
- Цыганков А.П. Россия–США: к новой модели взаимозависимости? Российский совет по международным делам. 07.09.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-k-novoy-modeli-vzaimozavisimosti/> (дата обращения: 12.12.2019).
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002. 442 с.
- Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2(33). С. 6–19.
- Allison G.T. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition // Window of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations / G.T. Allison, W.L. Ury, B.J. Allyn. Cambridge: Ballinger Publications, 1989. P. 9–38.
- Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984. 241 p.
- Axelrod R., Keohane R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // World Politics. 1985. Vol. 38. No. 1. P. 226–254.
- Baldwin D.A. Interdependence and Power: a Conceptual Analysis // International Organization. 1980. Vol. 34. No. 4. P. 471–506.

- Barbieri K.* Economic Interdependence: A Path to Peace or a Source of Interstate Conflict? // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. No. 1. P. 29–49.
- Cichock M.A.* Interdependence and Manipulation in Russia-Baltic Relationship: 1993-97 // *Journal of Baltic Studies* 1999. Vol. 30. No. 2. P. 89–116.
- Clemens W.* Can Russia Change? The USSR Confronts Global Interdependence. London: Routledge, 2011. 241 p.
- Clemens W.* U. S. S. R. and Global Interdependence: Alternative Futures. American Enterprise Institute for Public Policy Research. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1978. 113 p.
- Clemens W.* The Superpowers and Arms Control: From Cold War to Interdependence. Lexington: D. C. Heath and Co., 1973. 180 p.
- Copeland D.C.* Economic Interdependence and War. Princeton: Princeton University Press, 2014. 504 p.
- Druckman D.* Unilateral diplomacy: Trump and the sovereign state // *Negotiation Journal*. 2019. Vol. 35. No. 1. P. 101–105.
- Farrell H., Newman A.L.* Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 1. P. 42–79.
- Gatti T.T.* The UN Rediscovered: Soviet and American Policy in the United Nations of the 1990s // *Soviet-American Relations After the Cold War* / ed. by R. Jervis, S. Bialer. Durham: Duke University Press. P. 197–223.
- Gasiorowski M., Polachek S.* Conflict and interdependence. East-West Trade and Linkages in the Era of Détente // *Journal of Conflict Resolution*. 1982. Vol. 26. No. 4. P. 712–713.
- Glaser Ch. L.* Rational Theory of International Politics: the logic of competition and cooperation. Princeton: Princeton University Press, 2010. 314 p.
- Goldman K., Sjöstedt G. M.* Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence. London: Sage Publications, 1979. 300 p.
- Gottlieb St., Lorber E.* The Dark Side of Interdependence How Global Ties Tied Our Hands in Russia // *Foreign Affairs*. 05.08.2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-08-05/dark-side-interdependence> (дата обращения: 12.12.2019).
- Grais W., Zheng K.* Strategic Interdependence in European East-West Gas Trade: A Hierarchical Stackelberg Game Approach // *The Energy Journal*. 1996. Vol. 17. No. 3. P. 61–84.
- Hardt J.P., Holliday G.D., Kim Y.C.* Western Investment in Communist Economies. A Selected Survey on Economic Interdependence. Prepared for the Subcommittee on Multinational Corporations. Washington: United States Senate, 1974. 83 p.
- Hirshman A.* National Power and the Structure of Foreign Trade. L.A.: University of California Press, 1945. 170 p.
- Jervis R.* Cooperation Under Security Dilemma // *World Politics*. 1978. Vol. 30. No. 2. P. 167–214.
- Johnson J.* Forbidden Fruit: Russia's Uneasy Relationship with the US Dollar // *Review of International Political Economy*. 2008. Vol. 15, No. 3. P. 379–398.
- Keohane R.O.* Reciprocity in International Relations // *International Organization*. 1986. Vol. 40. No. 1. P. 1–27.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence Revisited // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 725–753.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. New York and London: Longman, 1977. 273 p.
- Koh H.H.* Trump Change: Unilateralism and the “Disruption Myth” in International Trade // *Yale Journal of International Law Online*. URL.: https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/campuspress.yale.edu/dist/8/1581/files/2019/02/11_Koh_YJIL-Symposium_Epilogue_Trump-Change_02.05.19-2kfkph2.pdf
- Labarre F.* Self-Interest and Cooperation: The Emergence of Multilateral Interdependence in Post-Conflict Eras // *Connections*. 2007. Vol. 6, No. 4. P. 82–94.
- Lynch A.C.* The Putin Succession and Russian Foreign Policy // *The Brown Journal of World Affairs*. 2007. Vol. 14. No. 1. P. 53–64.
- March J.G., Olsen J.P.* The Logic of Appropriateness // *The Oxford Handbook of Political Science*. Oxford University Press, 2004. P. 478–497.
- Mattis J N., Hoffman F.* Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // *Proceedings Magazine*. 2005. Vol. 132. No. 11. P. 233.
- Miller B.* When Opponents Cooperate: Great Power Conflict and Collaboration in World Politics. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995. 354 p.
- Michalak S.J.* Theoretical Perspectives for Understanding International Interdependence // *World Politics*. 1979. Vol. 32. No. 1. P. 136–150.
- Nye J.R.* Nuclear Learning and U.S. – Soviet Security Regimes // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 371–402.

- Oneal G.R., Oneal F.H., Maoz Z., Russett B.* The Liberal Peace: Interdependence, Democracy and International Conflict 1950-85 // *Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vol. 33. No. 1. P. 11–28.
- Post-Crimea Shift in EU-Russia Relations: From Fostering Interdependence to Managing Vulnerabilities / ed. by Kristi Raik and András Rácz. International Centre for Defence and Security, 2019. 319 p.
- Qingguo J.* In Search of Absolute Security: U.S. Nuclear Policy // *Unilateralism and U.S. Foreign Policy. International Perspectives*. L., 2003. P. 201–215.
- Rana W.* Theory of Complex Interdependence: A Comparative Analysis of Realist and Neoliberal Thoughts // *International Journal of Business and Social Science*. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 290–297.
- Reynolds P.A., McKinlay R.D.* The Concept of Interdependence: Its Uses and Misuses // *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence* / ed. by K. Goldmann, G. Sjostedt. London: Sage, 1979. P. 141–166.
- Rosecrance R., Stein A.* Interdependence: Myth or Reality? // *World Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 1–27.
- Rosenau J.N.* Patterned Chaos in Global Life: Structure and Process in the Two Worlds of World Politics // *International Political Science Review*. 1988. Vol. 9. No. 4. P. 327–364.
- Sectors of Mutual Benefit in U.S.-Soviet Relations / ed. by N. Jamgotch. Durham: Duke University Press, 1985. 254 p.
- Schelling Th.C.* The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 309 p.
- Schelling Th.C., Halperin M.* Strategy and Arms Control. Washington: Pergamon-Brassey's, 1985. 149 p.
- Solomon R., Gault A.* The Interdependence of Nations: An Agenda for Research. A Report to the National Science Foundation. Washington D.C.: Brookings Institution, 1977. 127 p.
- Stent A.E.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2014. 355 p.
- Stein A.* The Politics of Linkage // *World Politics*. 1980. Vol. 33. No. 1. P. 62–81.
- Tucker R.W.* The Inequality of Nations. N.Y.: Basic Books, 1977. 214 p.
- The Cold War as Cooperation. Superpower Cooperation in Regional Conflict Management / ed. by R.E. Kanet, E.A. Kolodziej. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 439 p.
- Van Epps G.* Common Ground: U.S. and NATO Engagement with Russia in the Cyber Domain. // *Connections*. 2013. Vol. 12. No. 4. P. 15–50
- Waltz K.N.* The Structural Realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Willet J.V., Levine H.S.* Economic Interdependence and US-Soviet Relationship. In: Long Range US-USSR Competition – National Security Implications: Proceedings National Security Affairs Conference, July 12–14. Washington: National Defense University, 1976. P. 147–207.

FACETS OF INTERDEPENDENCY IN RUSSIA-US RELATIONS

YURIY NADTOCHEY

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

The appliance of interdependence concepts in the International Relations studies can hardly be regarded as something new. However, slowing down globalization and rising international tensions even among partner or allied states make rethinking of these concepts relevant. The notion that interdependence may ease tensions was put under question and opposed by the idea that interdependence may become a source of conflict. Scholars also missed their focus on conceptualization of interdependence forgetting that it was not a product of globalization, rather a result of the Cold War era. Thus, it can be applied to relations not only between partner countries, but also rivals, as was in the case of the U.S.-Soviet relations. The dense fabric of bilateral agreements, institutions, and regimes in various fields (primarily in security domain) prevented superpowers from a destructive conflict. After the collapse of the bipolar world, both states tried to consolidate the legacy of interdependence by increasing cooperation, transferring relations from mutual

assured destruction to sustainable partnership, from deterrence to security community. However, structural changes in world politics reshaped Russian-American relations. Unlike the Cold War period with its unique U.S.-Soviet interdependence model, which served as a necessary precondition for lasting peace, contemporary Russian, as well as American decision-makers do not tend to estimate cooperation between two countries as critical in terms of national security and conflict prevention. In contrast, they are more likely to treat bilateral relations as too costly and burdening. Moscow and Washington increasingly prefer to be unbound in achieving their short- or long-term political goals and choose the way of unilateral decisions and actions with no corresponding with the counterpart. These risky policies of mutual neglect increase the likelihood of future conflict between the two powers.

Keywords:

U.S.-Russia Relations; interdependence; structure; process; Neorealism; Neoliberalism; International Institutions; Cold War; Deterrence; D tente.

References

- (2010). *Otnosheniya s SSHA. Problemy vzaimnoj i obshchej bezopasnosti. Otvechaya na vyzov vremeni / Vneshnyaya politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisyam besed Gorbacheva s zarubezhnymi deyatelyami i drugim materialam.* [Relations with the USA. Mutual and Common Security issues. Responding to the Challenge of Time. Foreign policy of Perestroika: Documentary Evidence. According to the Records of Gorbachev's Conversations with Foreign Figures and Other Materials]. Moscow, VES MIR. 944 p. Acton J., Arbatov A., Dvorkin V., Topychkanov P., Zhao T., Bin L. (2017). *Entanglement: Chinese and Russian Perspectives on Non-nuclear Weapons and Nuclear Risks.* Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 94 p.
- Allison G. (1989). Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition. In Allison G.T., Ury W., Allyn B. J. (eds.) *Window of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations.* Cambridge: Ballinger Publications. P. 9–38.
- Axelrod R. (1984). *The Evolution of Cooperation.* New York: Basic Books. 241 p.
- Axelrod R., Keohane R. (1985). Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *World Politics.* Vol. 38. No. 1. P. 226–254.
- Baldwin D.A. (1980) Interdependence and Power: a Conceptual Analysis. *International Organization.* Vol. 34. No. 4. P. 471–506.
- Batyuk V.I. (2007). Rezhimy v rossijsko-amerikanskikh otnosheniyakh. [Regimes in Russian-American Relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya.* No 1. P. 52–66.
- Barbieri K. (1996). Economic Interdependence: A Path to Peace or a Source of Interstate Conflict? *Journal of Peace Research* Vol. 33. No. 1. P. 29–49.
- Bogaturov A.D. (2002). Plyuralisticheskaya odnopolyarnost' [Pluralist Unipolarity]. In: *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij.* Moscow: NOFMO. P. 283–296.
- Goodby J. E., Buwalda P., Trenin D. (2002). *A Strategy for Stable Peace: Toward a Euroatlantic Security Community.* Washington: United States Institute of Peace Press. 192 p.
- Cichock M. A. (1999). Interdependence and Manipulation in Russia-Baltic Relationship: 1993-97 // *Journal of Baltic Studies.* Vol. 30. No. 2. P. 89–116.
- Clemens W. (2011). *Can Russia Change? The USSR Confronts Global Interdependence.* London: Routledge. 241 p.
- Clemens W. (1978). *U. S. S. R. and Global Interdependence: Alternative Futures.* Washington: American Enterprise Institute. 113 p.
- Clemens W. (1973). *The Superpowers and Arms Control: From Cold War to Interdependence.* Lexington: D. C. Heath and Co. 180 p.
- Davydov A.Yu. (2015). Problemy i ogranicheniya rossijsko-amerikanskikh ekonomicheskikh otnoshenij [Problems and Limits in Russian-American Economic Relations]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kultura.* No. 2. P. 3–16.
- Dynkin A., Burrows M. (eds.). (2016). *Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal.* Moscow, Primakov IMEMO. 194 p.
- Druckman D. (2019). Unilateral diplomacy: Trump and the sovereign state. *Negotiation Journal.* Vol. 35. Issue 1. P. 101–105.
- Farrell H., Newman A.L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security.* Vol. 44. No. 1. P. 42–79.
- Gatti T. (1991). The UN Rediscovered: Soviet and American Policy in the United Nations of the 1990s. In: Jervis R., Bialer S. (eds) *Soviet-American Relations After the Cold War.* Durham: Duke University Press. P. 197–223.

- Gasiorowski M., Polachek S. (1982). Conflict and Interdependence. East-West Trade and Linkages in the Era of Détente. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 26. No. 4. P. 712–713.
- Gerasimov V. V. (2013). Tsennost' nauki v predvidenii. [The Value of Science in Foresight]. *Voenno-promyshlennyi kur'er*. No. 8. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632>
- Glaser Ch. (2010). *Rational Theory of International Politics: the logic of competition and cooperation*. Princeton: Princeton University Press. 314 p.
- Gottlieb St., Lorber E. (2014). The Dark Side of Interdependence How Global Ties Tied Our Hands in Russia. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-08-05/dark-side-interdependence> (accessed: 12.12.2019).
- Grais W., Zheng K. (1996). Strategic Interdependence in European East-West Gas Trade: A Hierarchical Stackelberg Game Approach. *The Energy Journal*. Vol. 17. No. 3. P. 61–84.
- Gromyko An., Lomejko V. (1985). *Novoe myshlenie v yadernyj vek*. [New Thinking in Nuclear Century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 292 p.
- Goldgeier J. M., McFaul M. (2003). *Power and Purpose: U.S. Policy toward Russia After the Cold War*. Washington: Brookings. 467 p.
- Goldman K., Sjöstedt G. M. (1979). *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence*. London: Sage Publications. 300 p.
- Hardt J.P., Holliday G.D., Kim Y.C. (1974). *Western Investment in Communist Economies. A Selected Survey on Economic Interdependence*. Prepared for the Subcommittee on Multinational Corporations. Washington: United States Senate. 83 p.
- Hirshman A. (1945). *National Power and the Structure of Foreign Trade (The Politics of the International Economy)*. L.A.: University of California Press. 170 p.
- Ivanov I. (2012). «Perezagruzka» v rossijsko-amerikanskikh otnosheniyah: takticheskij shag ili strategicheskij vybor? [Reset in Russia-US Relations: Tactical Step or Strategic Choice] The Russian International Affairs Council (RIAC). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/perezagruzka-v-rossijsko-amerikanskikh-otnosheniyakh-taktich/>
- Jamgotch N. (ed.) (1985). *Sectors of Mutual Benefit in U.S.-Soviet Relations*. Durham, NC: Duke University Press. 254 p.
- Jervis R. (1978). Cooperation Under Security Dilemma. *World Politics*. Vol. 30. No. 2. P. 167–214.
- Johnson J. (2008). Forbidden Fruit: Russia's Uneasy Relationship with the US Dollar. *Review of International Political Economy*. Vol. 15. No. 3. P. 379–398.
- Kanet R.E., Kolodziej E.A. (eds) (1991). *The Cold War as Cooperation. Superpower Cooperation in Regional Conflict Management*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 439 p.
- Karaganov S.A. (2019). Predskazuemoe budushchee? Kak samoobman podmenil ser'eznyj analiz [Predictable Future? How self-deception has replaced serious analysis]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 2. P. 58–72.
- Keohane R. O. (1986). Reciprocity in International Relations. *International Organization*. Vol. 40. No. 1. P. 1–27.
- Keohane R.O., Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. New York and London: Longman. 273 p.
- Keohane R. O., Nye J. S. (1987). Power and Interdependence Revisited. *International Organization*. Vol. 41. No. 4. P. 725–753.
- Koh H. H. (2019). Trump Change: Unilateralism and the “Disruption Myth” in International Trade. *Yale Journal of International Law Online*. URL: https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/campuspress.yale.edu/dist/8/1581/files/2019/02/11_Koh_YJIL-Symposium_Epilogue_Trump-Change_02.05.19-2kfkph2.pdf
- Kosolapov N.A. (2008). Porogovyj uroven' i veroyatnost' konflikta SSHA s Rossiej [Threshold and the probability of conflict of the U.S. with Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 15–25.
- Kuznetsova G.V., Podbiralina G.V. (2017). Tendentsii razvitiya vneshnej trgovli SSHA v 2015–2016 gody. Osobennosti vneshnetorgovykh svyazej s Rossiej [US Foreign Trade Trends in 2015–2016 Features of foreign trade relations with Russia]. *Nacionalnye interesy: priority i bezopasnost'*. Vol. 13. No. 3. P. 548–562.
- Labarre F. (2007). Self-Interest and Cooperation: The Emergence of Multilateral Interdependence in Post-Conflict Eras. *Connections*. Vol. 6. No. 4. P. 82–94.
- Lynch A. C. (2007) The Putin Succession and Russian Foreign Policy. *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 14. No. 1. P. 53–64.
- March J.M., Olsen J.P. (2004). The logic of Appropriateness. In: *The Oxford Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press. P. 478–497.
- Miller B. (1995). *When Opponents Cooperate: Great Power Conflict and Collaboration in World Politics*. The University of Michigan Press. 354 p.
- Michalak S. J. (1979). Theoretical Perspectives for Understanding International Interdependence. *World Politics*. Vol. 32. No. 1. P. 136–150.

- Nye J.R. (1987). Nuclear Learning and U.S. – Soviet Security Regimes. *International Organization*. Vol. 41. No. 3. P. 371–402.
- Oneal G.R., Oneal F.H., Maoz Z., Russett B. (1996). The Liberal Peace: Interdependence, Democracy and International Conflict 1950–85. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 33. No. 1. P. 11–28.
- Qingguo J. (2003). In Search of Absolute Security: U.S. Nuclear Policy. In: *Unilateralism and U.S. Foreign Policy*. London: International Perspectives. P. 201–215.
- Rana W. (2015). Theory of Complex Interdependence: A Comparative Analysis of Realist and Neoliberal Thoughts. *International Journal of Business and Social Science*. Vol. 6. No. 2. P. 290–297.
- Raik K., Rácz A. (eds.) (2019). *Post-Crimea Shift in EU-Russia Relations: From Fostering Interdependence to Managing Vulnerabilities*. International Centre for Defence and Security. 319 p.
- Reynolds P. A., McKinlay R. D. (1979). The Concept of Interdependence: Its Uses and Misuses. In: Goldmann K., Sjostedt G. (eds.) *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence*. London: Sage. P. 141–166.
- Rosecrance R., Stein A. (1973). Interdependence: Myth or Reality? *World Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 1–27.
- Rosenau J.N. (1988). Patterned Chaos in Global Life: Structure and Process in the Two Worlds of World Politics. *International Political Science Review*. Vol. 9. No. 4. P. 327–364.
- Suslov D.V., Karaganov S.A. (2011). Otnosheniya Rossiya – SSHA posle "perezagruzki": na puti k novoj povestke dnya. Vzgljad iz Rossii [US-Russia Relations – USA after "Reset" Towards New Agenda]. In: Rossiya: *strategiya dlya novogo mira. Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj"*. Moscow: HSE. P. 41–94.
- Shakleina T.A. (2002). *Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke* [Russia and USA in the New World Order]. Moscow: ISKRAN. 442 p.
- Shakleina T.A. (2013). Obshchnost' i razlichiya v strategiyah Rossii i SSHA [Commonalities and Divergences in Russian-American Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 11. No. 2 (33). P. 6–19.
- Schelling Th. C. (1960). *The Strategy of Conflict*. Harvard University Press. 309 p.
- Schelling Th. C. Halperin M. (1985). *Strategy and Arms Control*. Washington: Pergamon-Brassey's. 149 p.
- Smoun R., Kortunov A. (eds) (1991). *Vzaimnaya bezopasnost': novyj podkhod k sovetsko-amerikanskim otnosheniyam* [Mutual Security: New Approach to Soviet-American Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 422 p.
- Solomon R., Gault A. (1977). *The Interdependence of Nations: An Agenda for Research*. A Report to the National Science Foundation. Washington D.C.: Brookings Institution. 127 p.
- Stein A. (1980). The Politics of Linkage. *World Politics*. Vol. 33. No.1. P. 62–81.
- Stent A E. (2014). *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press. 355 p.
- Tsygankov A.P. (2012). *Russia-USA: on the way to a new model of interdependence*. Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-usa-on-the-way-to-a-new-model-of-interdependence/>
- Tucker R.W. (1977). *The Inequality of Nations*. N.Y.: Basic Books. 214 p.
- Van Epps G. (2013). Common Ground: U.S. and NATO Engagement with Russia in the Cyber Domain. *Connections*. Vol. 12. No. 4. P. 15–50.
- Waltz K.N. (2000). The Structural Realism after the Cold War. *International Security*. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Willet J.V. Levine H.S. (1976). *Economic Interdependence and US-Soviet Relationship*. In: *Long Range US-USSR Competition – National Security Implications*: Proceedings National Security Affairs Conference, July 12–14, Washington: National Defense University. P. 147–207.

ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССАХ «ПОСТ-COVID-19»

ИРИНА КОБРИНСКАЯ
БОРИС ФРУМКИН

Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

Авторы выдвигают гипотезу о переходе международных процессов от этапа неопределённости к стадии негативной определённости, которая характеризуется нарастанием и синергией воздействия негативных факторов в эколого-климатической, эпидемиологической, социально-экономической, технологической сферах и в области безопасности. На основании этой гипотезы в статье рассматривается социально-экономическое и политическое развитие региона Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), роль которого в изменениях миропорядка (прежде всего на европейском направлении) в периоды острых кризисов возрастает. Укрепив после периода адаптации к политикам и нормам ЕС свои позиции в Европейском Союзе, к середине 2010-х годов страны ЦВЕ начали проводить всё более самостоятельный курс. К 2020 г. их политика стала одним из факторов, тормозящих дальнейшее углубление интеграции ЕС, прежде всего во внешнеполитической сфере, и процесс федерализации объединения. Проведённый в статье анализ общественного мнения свидетельствует о дуализме восприятия гражданами стран ЦВЕ членства в ЕС. Высокая поддержка ЕС сочетается с разочарованием в частичной потере национального суверенитета, чем активно пользуются правонационалистические силы. «Коронакризис», который страны региона встретили лучше, чем ЕС в целом, создал серьёзные предпосылки для реформирования позиции стран ЦВЕ в интеграционном объединении. Колоссальные ресурсы, предоставляемые Брюсселем региону для преодоления кризиса и перехода к устойчивому развитию, с высокой вероятностью послужат инструментом ещё более глубокой экономической и политической интеграции стран ЦВЕ в Европейский Союз. Обусловленность поддержки реализацией стратегий ЕС («зелёной», «цифровизации») может оказать на страны ЦВЕ воздействие, во многом схожее с периодом их вступления в ЕС, и привести к очередному этапу десоверенизации. В то же время интеграционному объединению более тесная привязка стран ЦВЕ позволяет не только сделать очередной шаг к федерализации, но и укрепить свою субъектность в мировой политике и глобальной экономике.

Ключевые слова:

Центрально-Восточная Европа; Европейский Союз; кризис COVID-19; негативная определённость; суверенитет; интеграция; национализация; консолидация; фрагментация.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2020

Дата принятия к публикации: 14.09.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: Irina.kobrinskaya@gmail.com

Кризис COVID-19, первый *идеальный шторм* XXI века, послужил своего рода линзой, выпукло отразившей специфику, состояние и уровень стрессоустойчивости социально-экономической, финансовой, общественно-политической, управленческой сфер государств и их объединений. В Европейском Союзе внимания заслуживает регион Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), вышедший из весенней фазы эпидемии со сравнительно скромными, по меркам ЕС, потерями¹. Тем не менее преодоление социально-экономических и финансовых последствий кризиса с высокой вероятностью потребует от стран ЦВЕ корректировки позиций не только по отношению к ЕС, но и по всему спектру внешнеполитических и внутриполитических сюжетов, что повлияет на развитие международных процессов в мире пост-COVID-19. Тема обуславливает комплексную методiku исследования, включающую социально-экономический и политологический анализ региона в общеевропейском контексте на фоне изменений миропорядка с применением метода ситуационного анализа, позволяющего наиболее полно учесть многофакторность воздействия в острокризисной ситуации, вызванной пандемией [Барановский, Кобринская, Уткин, Фрумкин 2019].

1

«Коронакризис-2020» подтверждает прогноз о формировании новой «сетки» глобальных, региональных и национальных угроз и вызовов [Россия и мир: 2020... 2019]. На смену *неопределённости* мировой политики 2010-х годов пришла *негативная определённость*, специфика которой заключается в её *объективно негативной сути*, являющейся продуктом глобальных процессов развития². *Экзистенциальный характер* новых угроз, казалось бы, требует консолидированных, долгосрочных, ответственных и даже альтруистических решений, самоограничения населения, бизнеса, правительств — от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства ведущих мировых держав³. Однако развитие событий уже в первой половине 2020 г. свидетельствовало, что мировое сообщество к действиям по этому сценарию не готово. Несмотря на очевидно острую потребность в консолидации усилий ведущих игроков, укреплении роли международных организаций и финансовых институтов, в мире происходит ровно обратное: не ослабевают торговые войны и санкционные режимы, геополитические разногласия не смягчаются, а конфликты, прежде всего на Ближнем Востоке, даже усугубляются⁴.

Парадокс текущей ситуации состоит в том, что, поскольку вся тяжесть борьбы с COVID-19 легла на государства, *национали-*

¹ В данной работе, как и в ряде других исследований, регион Центрально-Восточной Европы рассматривается в составе 16 государств (без учёта международно непризнанного Косово). Целеполагание объединения в регионе менялось, как и его состав. Истории региона (особенно наиболее активной внутри него «Вишеградской группы») и различным аспектам процесса его «постсоциалистической» трансформации посвящены большое число научных публикаций, в том числе [Кобринская 1997: 50–73, 188–196; Мир 2020; Младек 2020; Орлик 2020; Расширение Европейского Союза и Россия 2006: 11–42, 367–407; Страны Центральной и Восточной Европы... 2010: 9–34, 129–166; Russia and Central Europe... 2015].

² Термин И.Я. Кобринской впервые использован в: «Россия и мир: экономика и внешняя политика 2020».

³ Как считает Г. Киссинджер, США обязаны, извлекая уроки из Плана Маршалла и Манхэттенского проекта: во-первых, укрепить устойчивость мира к инфекционным заболеваниям; во-вторых, «вылечить» мировую экономику; в-третьих, защитить принципы либерального мирового порядка (см.: Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. Wall Street Journal. 03.04.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (дата обращения: 29.05.2020)).

⁴ Geopolitics after Covid-19: is the pandemic a turning point? A report by The Economist Intelligence Unit 11.05.2020. URL: <https://geopolitics-after-covid19%2015%2005%2020.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).

зация, нативизм, «отгораживание», в утрированном виде «трампизм» из растущего антиглобалистского тренда последних лет на фоне коронакризиса превратились в основное требование выживания. Национальный опыт при выстраивании приоритетов в борьбе с пандемией и выборе инструментов смягчения социально-экономических шоков для граждан и экономики, внутриполитические процессы и изменения во внешней политике государств на фоне COVID-19 — всё это стало предметом пристального внимания и анализа, причём не столько в научных, сколько в практических целях. Эпидемиологические и схожие с ними угрозы, в частности вызванные климатическими изменениями, — новая негативная определённая, со всей очевидностью требующая пересмотра стратегий на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Масштаб новых угроз и задач по их предотвращению и преодолению требует колоссальных ресурсов — научных, технологических, финансовых, гуманитарных. Обладают ими лишь немногие государства. Специфика новых угроз в том, что, даже совладав с ними, государство не в состоянии обеспечить национальную безопасность — ни финансово-экономическую, ни тем более эпидемиологическую и климатическую. Для этого требуется «пересборка» сложившихся глобальных и региональных форматов. *Нужен более прочный баланс между глобализацией и самодостаточностью*⁵.

Уже на текущем этапе намечились разработки в развитии международных процессов.

Первая дилемма — структура миропорядка: консолидация/«разумная» глобализация/интеграция *versus* фрагментация/национализация, «капсулирование» внешних очагов угроз (эпидемий, миграций, кон-

фликтов)/доминанта национальных политических и экономических интересов без учёта общемировых (или в ущерб им).

Вторая развилка — идеологическая: поиск оптимального баланса между необходимым (особенно в момент кризисов) управлением и контролем, с одной стороны, и демократическими свободами — с другой. Озабоченность обществ и на Западе, и в России вызывает к жизни практики большего контроля за гражданами и пугает перспективой его сохранения после завершения кризиса. Проблема Оруэлловского «большого брата». «Искушение велико, мы можем прийти к цифровой форме авторитаризма, что уже, очевидно, делают некоторые страны. Это то, что произошло после 11 сентября 2001 года, когда война с терроризмом привела к эрозии личных свобод. Мы зашли уже дальше Оруэлла», — писал Ж. Боррель, Высокий представитель ЕС по внешней и оборонной политике⁶. Активно такими кризисными инструментами пользуются, в частности, страны ЦВЕ — Венгрия и Польша.

Третья развилка — социальная и финансово-экономическая. И здесь наряду с глобальными, в идеале — консолидированными решениями ключевую роль будут играть стратегии национальных государств и интеграционных объединений (прежде всего ЕС) по выходу из кризиса и формированию нового общественного договора, учитывающего новые посткризисные, как, впрочем, и докризисные реалии. Ведь шок COVID-19 привёл к своего рода кульминации кризиса модели и нарратива неолиберализма [Стиглиц 2019], следствиями которого уже с середины 2010-х годов стали: углубление социального неравенства, отрыв элит от общества, нарастание протестных настроений. Уже очевидно, что поиск новых стратегий и балансов будет

⁵ Allen J., Burns N., Garrett L., Haass R.N., Ikenberry G.J., Mahbubani K., Menon S., Niblett R., Nye Jr. J. S., O'Neil S. K., Schake K., Walt S. M. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. Foreign policy. 20.03.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (accessed: 25.05.2020).

⁶ Borrell J. The post coronavirus world is already here. European Council on Foreign Affairs. 30.04.2020. URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_post_coronavirus_world_is_already_here (accessed: 30.06.2020).

идти на фоне обострения традиционных проблем глобальной повестки дня — эколого-климатической, энергетической, продовольственной, противостояния США и Китая, кризиса системы контроля над вооружениями, ядерной проблемы Ирана, ближневосточных конфликтов, отношений Россия—ЕС. Как верно отмечает Ж. Боррель, «пандемия, вероятно, усилит существующую геополитическую динамику»⁷.

На этом фоне весьма вероятно подвергнется трансформации феномен последних десятилетий, особенно характерный для постсоветского и постсоциалистического пространства, когда национальные государства — игроки второй и даже третьей лиги — использовали разногласия и различия в мировоззрении между странами-лидерами для реализации партикулярных интересов, нередко вопреки логике и требованиям международной стабильности и безопасности, устойчивого мирового экономического развития. Классическим примером такой политики был курс государств ЦВЕ, прежде всего Польши, в 1990-х и 2000-х годах, когда, добиваясь вступления в НАТО и Европейский Союз, они педалировали тему российской угрозы, что препятствовало нормализации и развитию отношений России с Западом [Кобринская, 1997; Россия 2020... 2011; Мир 2020... 2010]. Какова будет роль стран ЦВЕ на новом пост-COVID-19 этапе?

2

За три десятилетия со времени «бархатных» революций страны ЦВЕ прошли через глубокую и нередко болезненную социально-экономическую, политическую и идеологическую трансформацию, существенно изменились их идентичность и самовосприятие. *И всё же, как показывают социологические исследования, «индекс счастья» в странах ЦВЕ в среднем превышал показатели по ЕС. Для стран ЦВЕ это была «прекрасная эпоха».*

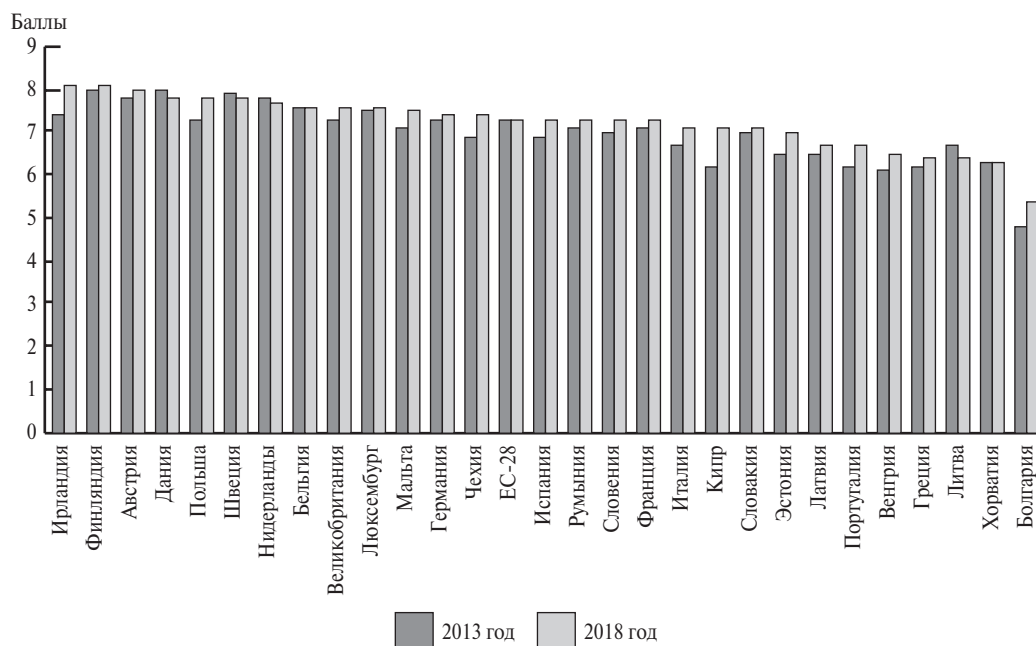
Предшествовавший пандемии 2019 г. был весьма успешным и символичным для современной истории стран ЦВЕ. Двенадцать из них отмечали 10–20 лет членства в НАТО (Черногория — 2 года), десять стран — 12–15 лет членства в Евросоюзе (Хорватия — 6 лет). Остальные государства находились на заключительных стадиях подготовки к вступлению в эти организации (кроме деклариовавшей внеблоковый статус в отношении НАТО Сербии). Граждане 11 стран ЦВЕ—членов ЕС, особенно «Вишеградской группы», в целом освоились с таким положением, считая его экономически и политически благоприятным. Это следует из замеров Евростата (рис. 1).

Как видно по диаграмме, к началу 2019 г. по степени удовлетворённости граждан жизнью «политически евроскептическая» Польша и «экономически евроскептическая» Чехия превосходили средний показатель ЕС-28. Польша уступала только Австрии, Дании, Ирландии и Финляндии, опережая все остальные «старые» государства-члены, а Чехия — ряд ключевых стран, включая Францию, Италию и Испанию. Показатели Румынии, Словении, Словакии и Эстонии были равны или близки к среднему по ЕС-28 и выше, чем, например, в Греции и Португалии. Только Болгария и Хорватия заметно отставали от среднего уровня, образуя группу самых несчастливых стран.

По степени удовлетворённости финансовой ситуацией выше средней по ЕС-28 была только Чехия. При этом Чехия и Польша опережали, например, Италию, Испанию, Португалию и Грецию. Самые «финансово несчастливые» граждане жили в Болгарии, Литве и Хорватии. Однако за 2013–2018 годы доля «полностью финансово довольных» в Болгарии и Хорватии выросла, снизившись лишь в Литве. Надежда на вхождение в ЕС повышала эти показатели и в западнобалканских странах-кандидатах, например в Сербии [Россия и

⁷ Borrell J. The post coronavirus world is already here. European Council on Foreign Affairs. 30.04.2020. URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/the_post_coronavirus_world_is_already_here (accessed: 30.06.2020).

Рисунок 1
Уровень удовлетворённости жизнью в государствах—членах ЕС в 2013 и 2018 годах

В баллах от 0 — «полностью не удовлетворён» до 10 — «полностью удовлетворён».

Источник: по данным Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_PW01__custom_220196/default/table?lang=en

мир: 2024... 2019: 128]. Тем не менее у многих граждан региона остаётся ощущение «европейцев второго сорта», а неравномерное распределение социально-экономических эффектов членства в ЕС вызывает разочарование. По опросам *Pew Research Center*, хотя в 2019 г. в странах ЦВЕ доля имеющих благоприятное мнение о ЕС была выше, чем в ряде «старых» стран, однако по сравнению с первыми годами членства (например, с 2007) эта доля практически не возросла (в Польше) или даже снизилась (в Болгарии, Словакии, Чехии) [Wike, Poushter et al. 2019].

Освободившись от советского влияния в начале 1990-х годов, государства ЦВЕ без промедления начали предпринимать попытки встроиться в трансатлантические (НАТО) и западноевропейские (ЕС) институты — то есть в объединения, требующие передачи части национальных полномочий

на наднациональный уровень. Если участие в НАТО лишь укрепило их ощущение безопасности и мало отражалось на национальной самоидентификации, то, добившись членства в ЕС, государства ЦВЕ сразу почувствовали ограничения национального суверенитета.

На этапах подготовки к вступлению в ЕС, когда страны «вписывались» в его систему, акцент делался на адаптации национальных практик к общим политикам, правилам и механизмам сообщества. После присоединения к интеграционной группировке вопрос об ограничении государственного суверенитета и передаче её институтам части полномочий национальных правительств занял одно из важных мест во внутривнутриполитической повестке стран ЦВЕ. Значительная часть общества, в отличие от национальных элит и правительственных чиновников, находила соразмерную пере-

дачу полномочий наднациональным органам ЕС естественным и необходимым следствием развития европейской интеграции, приносящей экономике и населению ощутимые преимущества.

Показателен в этом контексте *пример Польши*. Как самая большая страна ЦВЕ и «Вишеградской группы», Польша претендует на экономическое и политическое лидерство в регионе. Выход Великобритании из ЕС усилил польские амбиции и по участию в определении и реализации стратегии восстановления и «посткоронавирусного» развития всего интеграционного объединения. В ЕС-27 Польша вышла на 5-е место по населению и военному потенциалу и на 6-е по объёму ВВП. При этом в недавнем прошлом граждане этой страны отнеслись к присоединению к ЕС скептически всех своих соседей. В этой связи анализ польского общественного мнения об отношении к ЕС представляет особый интерес⁸.

В целом, по мнению поляков, пребывание Польши в интеграционном объединении оправдало (а в ряде случаев и превзошло) надежды. От членства в ЕС граждане страны видят в первую очередь экономические выгоды, связанные с функционированием единого рынка, а также с привлечением и использованием средств ЕС (78% респондентов). Подавляющее большинство (74%) посчитали, что вне интеграционного объединения Польша развивалась бы хуже. К безусловным плюсам членства жители страны отнесли открытые границы и свободу передвижения, улучшение состояния дорог и инфраструктуры (90%), благоприятное влияние на состояние природной среды (66%) и на соблюдение законов (48%). По мнению 75% респондентов, членство в ЕС повысило безопасность Польши, 77% — усилило её позиции в Европе, 57% — укрепило самооценку поляков.

Позитивные оценки последствий интеграции коррелируют с высокой (более 90%) долей сторонников членства Польши в ЕС. Впервые в исследованиях Центра изучения общественного мнения CBOS 56% респондентов заявили, что чувствуют себя европейцами, причём без ослабления первичной национальной идентичности (52%). Более того, поляки замечают скорее усиление, чем ослабление патриотических установок. Основными недостатками членства в ЕС они считали ограничение польского суверенитета, усиление бюрократии и падение нравов. Вместе с тем 55% граждан не ощущают, что членство в ЕС чрезмерно ограничивает суверенитет страны, 52% даже считают, что Польша должна учитывать рекомендации институтов ЕС по судебной реформе.

Реконструируя мышление поляков, социологи полагают, что это можно считать ценой, которую стоит платить, поскольку преимущества присутствия в ЕС определённо перевешивают связанные с этим потери. В феврале 2020 г. 61% поляков в целом высоко оценивали деятельность Европарламента (ЕП), 59% — Еврокомиссии (ЕК) и 56% — Суда ЕС, хотя польские власти критиковали эти структуры как наднациональную бюрократию, недостаточно учитывающую польские интересы⁹. В то же время 55% поляков выражали опасения по поводу введения институтами ЕС санкций против Польши за несоблюдение принципов и ценностей объединения.

В отношении дальнейшего углубления европейской интеграции поляки проявляют заметную сдержанность. В 2019 г. в пользу такого развития высказывалось около 50% участников опросов. Эти настроения реализовались на президентских выборах в июле 2020, на которых «проевропейский», а точнее «проезовский», Р. Тшасковский полу-

⁸ В отличие от большинства стран ЦВЕ, в Польше имеется репрезентативная и сопоставимая информация, которую в течение нескольких десятилетий обеспечивает Центр изучения общественного мнения (CBOS). Основные тренды динамики польского общественного мнения за 15 лет членства в ЕС показаны в специальном исследовании CBOS.

⁹ По материалам исследования Центра исследований общественного мнения Польши. «Восприятие Европейского Союза и его институтов» (Postrzeganie Unii Europejskiej i jej instytucji). CBOS, Nr 32/2020, Marzec 2020. https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2020/K_032_20.PDF

чил 49% голосов. Между тем «евроинтеграционную» перспективу поддерживают самые социально-политически активные слои и группы – молодёжь, лица с высшим образованием, жители крупных городов и экономически развитых регионов¹⁰.

Сочетание недовольства ограничением национального суверенитета, с одной стороны, и удовлетворённости от членства в ЕС – с другой, отражает традиционное для региона транзитное состояние мышления элит и обществ. При этом страны ЦВЕ довольно жёстко отстаивают свои интересы в пику грандам ЕС, что остро проявилось в период миграционного кризиса середины 2010-х годов.

Учитывая, а нередко и подпитывая эти настроения, власти стран ЦВЕ опирались на них в проведении внутренней, а частично и внешней политики, в том числе в отношениях с Брюсселем, Берлином и Парижем, пытаясь одновременно *ресуверенизировать эту политику в желаемых областях функционирования ЕС*. В этом – коренное отличие курса нынешних политических элит стран ЦВЕ от линии их предшественников. От курса на адаптацию они перешли к стратегии, направленной на сохранение и даже усиление самостоятельности своих государств в экономике, политике, правовой системе и идеологии при фактическом ослаблении гармонизации и наднационального регулирования в этих областях. Прежнюю схему «ученик–учитель» в отношении со «старыми» странами ЕС страны ЦВЕ со второй половины 2010-х годов исподволь пытаются заменить на «партнёрство равных», сохраняющее преимущества членства в ЕС при минимизации собственных обязательств перед Брюсселем [Реструктуризация политического ландшафта... 2017: 44–45].

Позитивные в целом настроения граждан были связаны с *реальным улучшением экономических и политических позиций стран ЦВЕ в ЕС*. В 2019 г. реальный ВВП стран региона, входящих в интеграционное объединение (без Хорватии), вырос на 2,2–4,9% (в том числе стран «Вишеградской группы» – на 2,3–4,9%) – намного больше среднего показателя для ЕС-27 (без Британии) 1,5 и 1,2% для включающей в основном «старые» государства–члены зоны евро. При этом уровень безработицы в странах ЦВЕ (2,0–6,3%, в том числе у «вишеградцев» – 2,0–5,8%) был ниже, чем в среднем по ЕС (6,7%) и еврозоне (7,5%), отрицательный баланс госбюджета в Эстонии, Латвии и Польше (от -0,2 до -0,7%) был ниже или на уровне среднего по ЕС и еврозоне (-0,6%), а в Болгарии, Литве, Словении и Чехии этот показатель оставался даже положительным (0,3–2,1%). Хуже средней по ЕС и еврозоне у стран ЦВЕ была только инфляция¹¹.

Во многом эти достижения обеспечивались доступом на широкий рынок товаров, услуг, инвестиций и труда ЕС, а также финансовой поддержкой из его фондов, прежде всего в рамках политики сплочения. По оценкам польских экспертов, в 2015–2017 годах она добавляла к годовому совокупному ВВП стран «Вишеградской группы» 4,6–5,8%, благодаря чему за 2004–2014 годы число регионов в этих четырёх государствах с ВВП на душу выше 75% среднего по ЕС возросло в 3,5 раза до 40%¹².

По тем же оценкам, финансовый вклад «старых» государств–членов ЕС в политику сплочения на 80% компенсировался прямыми и косвенными экспортными и инвестиционными выигрышами и другими положительными эффектами от развития стран «Вишеградской группы».

¹⁰ Trzaskowski wygrywa wśród młodych. Jak głosowali Polacy wg zamieszkania, wieku, wykształcenia. 12.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://oko.press/trzaskowski-wygrywa-wsrod-młodych-jak-głosowali-polacy-wg-zamieszkania-wieku-edukacji>.

¹¹ European Economic Forecast. Spring 2020. European Economy Institutional Paper 125. May 2020. P. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip125_en.pdf.

¹² Impact and results of Cohesion policy benefits from V4 Cohesion policy to the EU 15 and project examples from V4+. P. 8–9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eu-skladi.si/sl/dokumenti/publikacije/brochure-for-electronic-use-smaller-file-15-03-2017.pdf>.

Таблица 1
Сравнение текущей (2019) и предноябрьской (1989) ситуации в разных сферах жизни Чехии и Словакии (%)

	Чешская Республика			Словацкая Республика		
	Намного и немного лучше	Примерно так же	Намного и немного хуже	Намного и немного лучше	Примерно так же	Намного и немного хуже
Здравоохранение	55	24	18	34	21	44
Возможности трудоустройства	51	18	27	47	15	37

Источник: *Sametovárevoluce a polistopadový vývoj očima občanů ČR a SR*. URL: https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form-2content/documents/c6/a5024/f77/pd191029a.pdf.

Вместе с тем страны-доноры не слишком оптимистичны в оценке своих и «обще-евросовских» выгод от политики сплочения. Они считают, что эта политика в основном выполнила свои задачи, и уже при подготовке бюджета ЕС на 2014–2020 выступили за перенаправление части средств на другие программы, лучше стимулирующие экономический рост и инновационное развитие интеграционного объединения.

Разногласия возникли и по финансированию Общей сельскохозяйственной политики ЕС, в которой особенно заинтересованы аграрии стран ЦВЕ. При подготовке бюджета на 2021–2027 они обострились в связи с выходом Великобритании из числа доноров и необходимостью адаптации общих финансовых ресурсов ЕС к новым задачам, прежде всего вытекающим из «Зелёного курса» — амбициозного плана превращения Европы до 2050 г. в первый климатически нейтральный регион мира.

В экономическом измерении ЦВЕ, включая «Вишеградскую группу», пока остаются догоняющей периферией ЕС. В 2019 г. при долях в населении ЕС-27 соответственно 22,4 и 14,3%, их участие в создании ВВП сообщества составляло всего 10,5 и 7,1%, в экспорте товаров за пределы ЕС — 9,2 и 5,8%. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в ЦВЕ равнялся 53% (Болгария) —

92% (Чехия) от среднего по ЕС-27, и даже в «Вишеградской группе» — 73% (Венгрия и Польша) — 92% (Чехия).

Периферийность ЦВЕ сохраняется также в глобализационном и инновационном измерениях. По индексу глобализации за 2017 г. наиболее активные страны ЦВЕ (Венгрия и Чехия), опережая ФРГ, Испанию и Италию, занимали соответственно 8-е и 12-е места в ЕС-27, Словакия — 15-е, Польша — 19-е. Остальные страны ЦВЕ находились на более низких позициях. По глобальному индексу инноваций в 2019 г. наиболее «продвинутые» страны ЦВЕ Эстония и Чехия занимали в ЕС соответственно 11-е и 12-е места (опережая Испанию и Италию), Венгрия — 19-е, Словакия — 21-е, Польша — 23-е¹³.

У стран региона остаются проблемы в социально-экономической сфере. Об этом свидетельствуют, в частности, опросы, проводившиеся в связи с 30-летием «бархатной» революции в бывшей Чехословакии (табл. 1).

В то же время в области политики странам ЦВЕ к концу 2010-х годов во многом удалось преодолеть восприятие их в ЕС и самовосприятие как периферии. Политическая периферийность жителей региона сглаживается быстрее социально-экономической, тем более что благодаря успешному встраиванию в институционально-правовую систему интеграционного объединения и эффективному использованию

¹³ KOF Swiss Economic Institute: The Index of Globalization 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/kof-globalization-index/info>; The Global Innovation Index (GII) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report>.

её механизмов видная роль этих государств в принятии наднациональных решений не подлежит сомнению. Страны ЦВЕ стремятся консолидировать усилия по сохранению поддержки своего социально-экономического развития из бюджета ЕС, «монетизируя» свой политический вес, который заметно вырос после майских (2019) выборов в Европарламент¹⁴. *Лоббирование групповых (прежде всего экономических) интересов стран «Вишеградской группы» и «евросоюзного региона» ЦВЕ в целом превратилось в отработанную систему, по масштабу и эффективности превосходящую региональные объединения старых стран (например, Бенилюкс).*

В стратегическом аспекте этот механизм уже влияет на формулирование (или существенную корректировку) долговременных направлений развития ЕС. В частности, принятая в мае 2019 г. десятью странами ЦВЕ, Кипром и Мальтой Варшавская декларация о воссоединении Европы акцентировала внимание на интересах этих стран, обходя долговременные приоритеты франко-германского интеграционного ядра и большинства «старых» государств-членов ЕС. Прежде всего это вопросы развития экономического и валютного союза (банковского союза, союза рынков капитала) и распределения по странам прибывших в ЕС мигрантов, модернизации бюджета интеграционного объединения (особенно в части сокращения расходов на фонды сплочения и сельского хозяйства). В политической части акцентировались евроинтеграция стран Западных Балкан и связи в рамках «Восточного партнёрства»,

а также кооперация с НАТО в противовес идее создания «европейской армии».

В тактическом плане лоббирование, основанное на создании временных ситуативных коалиций с заинтересованными «старыми» странами, даёт практические результаты. Например, в 2012–2013 годах созданная при активном участии «Вишеградской группы» и фактически ею возглавляемая неформальная группа «Друзей политики сплочения», состоящая из семнадцати государств (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Хорватия, а также Кипр, Мальта, Греция, Испания, Италия) предотвратила сокращение расходов ЕС на эту политику в 2014–2020, причём доля ЦВЕ в получении средств из Фонда сплочения даже возросла. В ноябре 2019 г. группа потребовала не сокращать в 2021–2027 годах расходы ЕС на Политику сплочения и Общую аграрную политику, а все новации в направлениях и инструментах евроинтеграции финансировать из дополнительных источников¹⁵. В 2019 г. Венгрия, Словакия и Чехия (в союзе с Францией) согласились на принятие общей цели достижения «климатической нейтральности» ЕС к 2050 г. только при условии сохранения атомной энергетики в национальных энергобалансах, а Польша даже получила отсрочку. В том же году страны «Вишеградской группы» сыграли активную роль в замене не устраивавшей их прежней модели предложения кандидатов на ключевые посты в интеграционном объединении и заблокировали выдвижение на пост Председателя Европейской комиссии неудобного для

¹⁴ Представители этих стран составили более 26% корпуса евродепутатов, в том числе координирующих свою политику стран «Вишеградской группы» — 14%. Депутаты из ЦВЕ возглавили первую и третью по величине фракции Европарламента, а также стали главами или заместителями глав более 80% его комитетов, в том числе ведущих — по иностранным делам, международной торговле, бюджетам, обороне и безопасности, промышленности, энергетике и сельскому хозяйству. В новой Еврокомиссии страны ЦВЕ получили более 40% портфелей, в том числе по европейским ценностям, добрососедству и расширению ЕС, инновациям, сельскому хозяйству, транспорту, энергетике и окружающей среде.

¹⁵ Friends of Cohesion JOINT DECLARATION on the Multiannual Financial Framework 2014–2020. URL: <https://www.vlada.gov.sk/friends-of-cohesion-joint-declaration-on-the-multiannual-financial-framework-2014-2020>; Friends of Cohesion: Joint Declaration on the Multiannual Financial Framework 2021–2027 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/friends-of-cohesion-joint-declaration-on-the-multiannual-financial-framework-2021-2027-177497/>.

них представителя Нидерландов Ф. Тиммерманса [Россия и мир: 2020...2019: 26; Фрумкин 2019: 8].

В период, предшествовавший кризису COVID-19, по мере экономического и политического укрепления стран ЦВЕ оформилась тенденция к сокращению их поддержки со стороны ЕС. Польша, например, могла превратиться в потенциально чистого донора бюджета интеграционного объединения. В этой ситуации правительства стран ЦВЕ всё сильнее склонялись к «*экономическому патриотизму*», то есть сохранению льготных по отношению к западным странам ЕС систем регулирования рынка труда, сферы бюджета, налогов, социального обеспечения, экологических и энергетических стандартов и др. Страны ЦВЕ также пытались реанимировать идею децентрализованной «Европы отечеств», предполагающей ограничение наднациональных компетенций и акцент не на имплементации общих норм ЕС, а на большей свободе стран в принятии собственных законов, регулирующих судебно-правовую, информационную, миграционную и другие сферы. Иными словами — на противодействие дальнейшей федерализации ЕС.

В этом смысле групповая политика стран ЦВЕ (особенно «Вишеградской группы») в рамках ЕС послужила фактором замедления интеграционных и усиления нелиберальных, национал-популистских, фрагментационных трендов в интеграционном объединении. Она *во многом отражает тенденции их внутривнутриполитического развития*, усиление массовых протестных движений, не имеющих чёткой политической идентичности, своего рода *общественного импичмента* политических сил, обеспечивших вхождение и закрепление стран ЦВЕ в ЕС и НАТО.

Голоса избирателей стран ЦВЕ в значительной мере определили нынешнюю политическую пестроту корпуса евродепутатов, в том числе прорыв зелёных и левых, что уже начало сказываться на изменении политики на уровне ЕС, прежде всего в виде провозглашения в сентябре 2019 г. «Нового зелёного и справедливого курса» Евросоюза. В то же время как представители национальных интересов депутаты от стран ЦВЕ из разных фракций Европарламента иногда занимают общую позицию.

З

Страны ЦВЕ, особенно входящие в «Вишеградскую группу», оказались более устойчивыми к пандемии коронавируса. В мае 2020 г. их доли в общем числе подтверждённых случаев заражения в ЕС (5,4% по ЦВЕ и 3,1% в «Вишеградской группе») были меньше, чем в населении сообщества, соответственно в 4,1 и 4,6 раза¹⁶. Во многом это связано с объективными факторами — более низким уровнем глобализации и относительной экономической и пространственно-демографической периферийностью региона. Страны ЦВЕ слабее интегрированы в международные торгово-производственные цепочки вне рамок ЕС, имеют меньше прямых экономических связей с Китаем (где вспыхнула эпидемия), ограниченно включены в глобальные системы путешествий (небольшое число и размеры имеющихся международных аэропортов). Структура их экономик (в том числе рынка труда и социальных сетей) проще, она меньше ориентирована на сектор услуг, доля пожилых возрастов в населении, как правило, ниже средней по ЕС, плотность населения в целом умеренная, преобладают легче контролируемые средние и малые города¹⁷. Возможно, сы-

¹⁶ Рассчитано авторами по данным Johns Hopkins University COVID-19 Map — Johns Hopkins Coronavirus Resource Center. [Coronavirus.jhu.edu/map.html](https://coronavirus.jhu.edu/map.html) Johns Hopkins 21/05/20.

¹⁷ Подробнее см.: Török Z., Horska H., Lörcz T., Deuber G. COVID-19: No large-scale spreading in Central Europe — contextual information and economic implications. 07.05.2020. URL: <http://www.discover-cee.com/covid-19-no-large-scale-spreading-in-central-europe-contextual-information-and-economic-implications>; Central and Eastern Europeans in the Avant-garde of Tackling the COVID-19 Pandemic [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globsec.org/2020/05/19/central-and-eastern-europeans-in-the-avant-garde-of-tackling-the-covid-19-pandemic>.

грали свою роль и социально-политические и психологические особенности — привычка населения ответственно относиться к исполнению решений властей, остаточные эффекты прежней централизованной системы здравоохранения. Важную роль сыграли своевременные и решительные действия властей по введению карантина и других ограничений общественной и экономической активности, компенсировавшие недостаточный потенциал национальных систем здравоохранения. Меры правительств по борьбе с коронавирусом поддерживали от 55% (в Болгарии) до 72% (в Венгрии), а, например, во Франции — менее 40% населения.

Власти стран ЦВЕ действовали на опережение, не дожидаясь распространения инфекции, и начали вводить ограничительные меры (вплоть до чрезвычайного положения и закрытия границ) в основном прежде, чем Всемирная организация здравоохранения объявила Европу новым центром пандемии, а ЕС решил закрыть свои внешние границы. Литва первой в интеграционном объединении ввела защитные меры уже в конце февраля, когда в стране даже не были выявлены случаи заражения. В результате в большинстве стран ЦВЕ эпидемию удалось подавить к концу апреля, а с середины мая в регионе (прежде всего в Словении и Чехии) начали снимать ограничения на передвижение граждан по своей территории и постепенно открывать границы для соседей по ЕС. Страны Балтии фактически создали «мини-Шенген», введен с 15 мая свободное передвижение граждан по территории трёх соседних стран.

Здравоохранение не входит в компетенцию ЕС, поэтому страны ЦВЕ, как и другие государства-члены, действовали (особенно на первом этапе), исходя из национальных

интересов и возможностей, однако проявляли солидарность с партнёрами на уровне ЕС и на двусторонней основе. Часть оперативно созданного Европейской комиссией стратегического резерва масок и других материалов для борьбы с эпидемией была размещена на складе в Румынии, а поставки с него пошли как в 17 стран ЕС (в том числе Литву и Хорватию), так и в западнобалканские страны-кандидаты. В Болгарии, Литве, Польше, Румынии оперативно наладили выпуск масок и других средств индивидуальной защиты (СИЗ), дезинфекторов и даже аппаратов искусственной вентиляции лёгких, в том числе для поставок партнёрам по ЕС. Словакия и Чехия поставили маски и защитные костюмы в Италию и Испанию, Венгрия — в Италию, Словению и Хорватию, Латвия — в Литву и Эстонию. Поставки СИЗ из стран ЦВЕ шли даже в Украину и Грузию. Польша и Румыния направили своих медиков в Италию. Венгрия, Латвия, Литва, Хорватия вывели своими авиарейсами граждан 4–8 государств-членов ЕС, Польша — 18 стран, а Чехия — 22, немногим меньше, чем Франция.

В то же время сами страны ЦВЕ (особенно на втором этапе борьбы с эпидемией) стали получать значительную финансовую поддержку по линии ЕС. Из почти 37 млрд евро, выделенных интеграционным объединением в рамках Инвестиционной инициативы по ответу на коронавирус (CRII), почти 68% предназначались странам ЦВЕ, в том числе странам «Вишеградской группы» — 45%. Только Венгрии и Польше (странам-нарушителям правил ЕС, по оценке его институтов) были выделены 13 млрд евро — в 1,4 раза больше, чем наиболее пострадавшим «старым» странам (Италии, Испании, Португалии, Франции — около 9 млрд евро)¹⁸.

¹⁸ Coronavirus Response Investment Initiative Gert Jan Koopman Director-General of DG BUDGET Technical briefing 13 March 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/about_the_european_commission/eu_budget/13032020_-_coronavirus_response_investment_initiative_final_v2_0.pdf; Report on the comprehensive economic policy response to the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/04/09/report-on-the-comprehensive-economic-policy-response-to-the-covid-19-pandemic>. A Perfect Storm.15.04.20 [Электронный ресурс]. URL: <https://visegradinsight.eu/perfect-storm-covid19-euroseptic-poland-hungary>.

Таблица 2
Прогноз экономического развития стран ЕС на 2020–2021, %

	Реальный ВВП		Инфляция		Уровень безработицы		Баланс бюджета	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
ЕС-27	- 7,4	6,1	0,6	1,3	9,0	7,9	-8,3	-3,6
Зона евро	-7,7	6,3	0,2	1,1	9,6	8,6	-8,5	- 3,5
Страны ЦВЕ – члены ЕС (без Хорватии)	(-4,3) – (-7,9)	4,1- 7,4	0,2 – 3,0	1,1-3,1	5,0-9,7	4,2-7,9	(-2,8) – (-9,5)	(-1,8) – (-11,4)
Страны «Вишеградской группы»	(-4,3) – (-7,0)	4,1-6,0	1,9-3,0	1,1- 2,8	5,0-7,5	4,2-7,1	(-5,2) – (-9,5)	(-3,8) – (- 4,2)

Источник: Еврокомиссия, май 2020 г.

Успешное решение медицинских проблем позволило странам ЦВЕ быстрее многих других государств–членов ЕС приступить к восстановлению экономической активности, включая ключевые отрасли. В Словакии и Чехии, например, уже в конце апреля возобновило работу автомобилестроение. Можно предположить, что это позволит странам ЦВЕ в основном сохранить более динамичное экономическое развитие и в послекризисный период (табл. 2).

Как видно из таблицы, для ряда стран ЦВЕ, прежде всего для «вишеградцев», Европейская комиссия прогнозировала на 2020 г. меньшее падение ВВП, более низкую безработицу и даже более умеренный дефицит бюджета по сравнению со средними показателями по ЕС-27 и еврозоне при более высокой инфляции.

Однако кризис нанёс болезненный удар по экономике стран ЦВЕ. По опросам, к маю 2020 г. в Польше из-за эпидемии потеряли работу или бизнес 25% респондентов, в Венгрии работы лишились 10%. В большинстве стран ЦВЕ снижение доходов отмечают около 50% домохозяйств. Кроме того, бюджетно-налоговая антикризисная поддержка бизнеса и населения, по разным оценкам, поглощает около 3–6% ВВП стран ЦВЕ, а внешние финансовые источники, как внутри, так и вне ЕС, доступнее «старым» государствам-членам. В 2021 г. более масштабный инвестиционно-экономический и научно-производственный потенци-

ал «старых» стран ЕС обусловит сближение их темпов роста ВВП и уровней безработицы со странами ЦВЕ, при более высокой инфляции и дефицитности бюджета в последних. Однако прогнозы ухудшились. Уже в июле Европейская комиссия оценивала спад ВВП по ЕС-27 в 2020 г. в 8,3%, по еврозоне – в 8,7%, а его восстановление в 2021 г. соответственно в 5,8 и 6,1%¹⁹.

4

Не вызывает сомнений, что без поддержки ЕС в рамках временных антикризисных программ (CRII, SURE и др.) странам ЦВЕ не удастся выйти из кризиса, а для обеспечения устойчивого восстановительного роста им понадобится долговременная масштабная финансовая поддержка Брюсселя.

В мае 2020 г. Европейская комиссия подготовила всеобъемлющий пакет мер, комбинирующий долгосрочный подход в рамках традиционного Многолетнего финансового плана (бюджета) ЕС на 2021–2027 годы и краткосрочные чрезвычайные меры на 2021–2023 годы по восстановлению экономики в рамках нового инструмента «ЕС следующего поколения» (Next Generation EU). Пакет призван покрыть прямой экономический и социальный ущерб от пандемии, дать толчок восстановлению, делая акцент на инвестировании в переход к «зелёной» и цифровой экономике. В июле Пакет был согласован лиде-

¹⁹ Спад ВВП государств Еврозоны в 2020 году, по прогнозу, составит 8,7% из-за пандемии. 07.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8901429>.

рами государств-членов. Он беспрецедентен в истории Европейского Союза как по размеру (более 1,824 трлн евро в ценах 2018 года, или примерно 14% ВВП ЕС-27 в 2019), так и по структуре (30% расходов приходится на проекты, связанные с изменениями климата).

Бюджет ЕС-27 до 2027 г. в размере около 1,074 трлн евро обеспечивает преемственность действующих с 1988 г. основных направлений бюджетной политики на долгосрочную перспективу с учётом преодоления социально-экономических последствий пандемии. Предусмотрены расходы в следующих сферах: единый рынок, инновации и цифровые технологии; сплочение, устойчивость и ценности; природные ресурсы и окружающая среда; миграция и управление границами; безопасность и оборона; регион Европейского соседства и мир; административные органы ЕС.

Инструмент «ЕС следующего поколения» в размере 750 млрд евро, дополняющий бюджет, нацелен на быстрый ответ на «временные, но экстремальные» вызовы, связанные с пандемией. Доступные средства будут распределены на 7 программ²⁰, важнейшей из которых является Фонд восстановления (RRF) в размере около 673 млрд евро, включая 360 млрд евро в виде кредитов и около 313 млрд евро в виде безвозвратных грантов. С учётом субсидирования по остальным программам общий размер грантовой поддержки составит 390 млрд евро, причём 70% RRF будут реализованы в 2021–2022 годах. Необходимые для этого фонда ресурсы Европейская комиссия сможет занять на финансовых рынках, впервые в истории ЕС обобществляя долг интеграционного объединения. Погашение совместного долга намечено на 2028–2058 годы и потребует уже

в 2021–2023 годах введения новых общих налогов ЕС, в том числе на пластик, выбросы углерода, цифрового, возможно, налога на финансовые транзакции²¹.

Пакет избавляет страны ЦВЕ от обременительных (и, как правило, невыгодных по условиям) национальных внешних заимствований, учитывая их основные пожелания по финансированию перспективного развития ЕС: сохранение значительных расходов на Политику сплочения и Общую сельскохозяйственную политику, а также наднациональную массивную восстановительную поддержку в виде невозвратных грантов и льготных займов.

В согласованном варианте Фонда суммы грантовой и кредитной поддержки практически выравнены, в отличие от исходного проекта, где размер грантов (500 млрд евро) вдвое превышал сумму займов. Тем не менее *большинство стран ЦВЕ приняли эти изменения, рассчитывая стать заметными бенефициарами, но скромными вкладчиками в Фонд*. По предварительным оценкам, Польша могла бы рассчитывать на 64 млрд евро помощи (в том числе 59% в виде грантов), то есть на третье-четвёртое место в ЕС, Чехия — на 19 (45%), Литва — 6 млрд евро (62%). Для ряда стран эта помощь эквивалентна 8% (Словакия) — 20% (Болгария) годового ВВП²². В ответ инициаторы и главные спонсоры плана — Германия и Франция ждали от стран ЦВЕ тактической поддержки в институтах ЕС, а также *чётких стратегических обязательств «следовать разумной экономической политике и амбициозной программе реформ» и сделать экономику более «зелёной» и цифровой*.

Формально главную роль в решении о расходовании полученных от ЕС средств будут играть национальные правительства.

²⁰ Это Фонд восстановления и обеспечения устойчивости (RRF); Инструмент ReactEU; Рамочная программа по исследованиям и инновациям «Горизонт Европа»; Программа InvestEU; Фонд поддержки развития сельских регионов; Фонд обеспечения справедливого перехода к зелёной экономике; Программа RescEU.

²¹ Special meeting of the European Council (17, 18, 19, 20 and 21 July 2020) — Brussels, 21 July 2020. Conclusions [Электронный ресурс]. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10-2020-INIT/en/pdf>.

²² EU Recovery Plan Splits CEE, Raises Absorption Capacity [Электронный ресурс]. URL: <https://balkaninsight.com/2020/06/10/eu-recovery-plan-splits-cee-raises-absorption-capacity-questions/>

Фактически предлагаемая система финансовой поддержки тесно привязывает страны ЦВЕ к общей стратегии развития интеграционного объединения и повышает уровень наднационального регулирования восстановления и преобразования национальных экономик. Согласованные полномочия Европейской комиссии по совместному долгу «ясно ограничены по размеру, сроку и рамкам», но практически облигации становятся обязательствами всего ЕС. Это может стать предпосылкой для будущего фискального союза и в конечном счёте дальнейшей экономической и политической федерализации интеграционного объединения. По существу, речь идёт об ослаблении национальных суверенитетов в налогово-финансовой сфере, так как ЕС берёт на себя общий долг государств-членов, не обладая атрибутами государства или высшего финансового органа. Это соответствует франко-германской стратегии углубления европейской интеграции как гарантии укрепления позиций ЕС в «посткоронакризисном мире», в котором, как считает немецкий канцлер А. Меркель, «национальное государство само по себе не имеет будущего»²³.

Правительства стран могут получить доступ к средствам Фонда при условии предоставления планов инвестиций и структурных реформ для восстановления и повышения устойчивости экономик. Эти документы должны соответствовать «Зелёному курсу», Стратегии цифровых преобразований ЕС и принципу верховенства права, а предложения по реформам — конкретизированным для каждой страны рекомендациям Европейской комиссии. Кроме того, национальным планам предстоит пройти процедуру комитологии, убедив остальные страны объединения в том, что Брюссель финансирует «правильные приоритеты». Наконец, национальные планы должны быть одобрены квалифицированным большинством государств-членов (не менее 15 государств, представляющих

65% населения ЕС). Большое значение имеет согласованная главами стран ЕС-27 (хотя и в относительно мягких формулировках) кондициональность финансирования в рамках бюджета и «ЕС следующего поколения»: «защита финансовых интересов» ЕС увязана с общими принципами его договоров, включая разработку ЕК утверждаемых квалифицированным большинством в Европейском совете мер воздействия на страны, нарушающие принцип верховенства закона. Это положение было принято вопреки упорному сопротивлению Венгрии и Польши, которые, по сути, теряют право вето на введение против них «внутриевропейских» санкций.

Всё это даёт другим государствам-членам и институтам ЕС реальные возможности влиять не только на экономику, но и на внутреннюю политику стран ЦВЕ. И наоборот, страны ЦВЕ получают роль противовеса «бережливой четвёрке» (Австрия, Дания, Нидерланды, Швеция) и тяготеющей к ним Финляндии, считающих уступки наиболее пострадавшим от коронакризиса участникам (в том числе с наибольшим спадом ВВП и ростом безработицы) чрезмерными и неоправданными, облегчая тем самым франко-немецкому ядру и двигателю интеграционного процесса в ЕС достижение приемлемых для него компромиссов. В июле лидеры стран ЦВЕ уже начали выполнять эту роль, заблокировав предложения «четвёрки» по резкому сокращению суммы грантов и пересмотру структуры расходов Фонда восстановления, обеспечив принятие нужных франко-германскому тандему решений.

Взамен ряд стран ЦВЕ получили не только крупные субсидии из Фонда восстановления, но и дополнительные бонусы. Например, Польше разрешено использовать до 50% средств Фонда без жёстких обязательств по климату и дополнительно 0,6 млрд евро на региональное развитие; скептически настроенной Чехии выделено

²³ James H. The Prehistory of Merkel's Latest Coup. Project Syndicate. 01.06.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-merkel-germany-for-closer-european-integration-by-harold-james-2020-06?barrier=accesspaylog> (accessed: 30.06.2020).

дополнительно более 1,5 млрд евро на развитие регионов. Между тем ползучая увязка финансирования из бюджета ЕС с соблюдением его ценностей и правил уже идёт. В частности, в июле Европейская комиссия отказала в финансовой поддержке 6 польским городам, власти которых объявили их «территориями свободными от ЛГБТ», сославшись на то, что ЕС выступает за равенство всех граждан.

Внутриполитические последствия наблюдаемых изменений уже начали проявляться. С одной стороны, некоторая растерянность институтов ЕС на первом этапе пандемии пошатнула доверие к ним со стороны населения, повысив роль правительств стран ЦВЕ, а в Венгрии и Польше даже усилив националистско-авторитарные тенденции. Тем не менее это усиление не обеспечило лучшего антикризисного управления по сравнению с «неавторитарными» режимами (например, в Чехии и Словакии) и к концу мая было фактически свёрнуто под влиянием внутренней демократической оппозиции и давления со стороны старых стран-членов и институтов ЕС. Более того, премьер-министры Польши, Болгарии, Румынии и Чехии подвергались публичной критике за персональные нарушения ими же установленных мер противодействия пандемии.

С другой стороны, граждане стран ЦВЕ осознают невозможность успешного посткризисного развития без поддержки ЕС, которая во многом превращает национальные правительства в распорядителей средств, выделяемых и контролируемых интеграционным объединением. Евроскептический нарратив венгерских и польских властей, судя по опросам, не изменил проевровских настроений большинства граждан. Эти настроения объективно могут меняться в зависимости от успехов реализации общей стратегии восстановления ЕС.

Вместе с тем, как верно заметил известный политолог И. Крастев, «дезинтеграция никогда не происходит на периферии».

5

Посткризисное восстановление глубоко встроенного в глобализацию ЕС во многом будет зависеть от динамики международных процессов. В этом плане позиция стран ЦВЕ также заслуживает внимания. В середине 2010-х годов, в существенной мере в связи с миграционным кризисом в Европе, изменились функции и позиционирование стран ЦВЕ в интеграционном объединении.

Страны ЦВЕ *вышли из категории «лимитрофов»*, которых применительно к региону В.Л. Цымбурский определял как геополитически нестабильные пространства между цивилизационными платформами [Цымбурский 1999]. «Великий лимитроф» сместился на восток, к постсоветским государствам Восточного партнёрства ЕС [Мир 2020 ... 2010: 40–43]²⁴. В этой программе страны ЦВЕ (прежде всего Польша) принимают самое активное участие.

В международной политике внутри и вне ЕС страны ЦВЕ в последние годы претендовали на автономию (иногда достаточно заметную), пытаясь «монетизировать» своё геостратегическое положение. До коронакризиса они действовали по инерции, по сути уклоняясь от инициатив по углублению интеграционного процесса в экономическом (завершение строительства банковского союза, союза рынков капиталов с перспективой перехода к бюджетному и трансфертному союзу) и политическом (федерализация политического и оборонного устройства) измерениях и тем самым способствуя возвращению Европейского Союза, по выражению Н. Рубини, «к некой форме конфедерации с ограниченным общим суверенитетом»²⁵,

²⁴ См. также: Богатуров А.Д. Испытание Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета, 22 мая 2006 г.

²⁵ Roubini N., Rosa B. Europe's Non-Hamiltonian Muddle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-covid-recovery-fund-not-hamiltonian-debt-mutualization-by-nouriel-roubini-and-brunello-rosa-2020-06>

резистентность которой к новым глобальным кризисам масштаба COVID-19, а тем более устойчивость восстановительного роста не может соответствовать грядущим вызовам.

*Общая стратегия посткризисного развития ЕС с высокой вероятностью будет заметнее влиять и на политические и экономические связи стран ЦВЕ за пределами интеграционного сообщества. Прежде всего это коснётся двух масштабных региональных проектов: «Инициативы трёх морей» (Троеморье) и формата «16+1», связанного с китайской инициативой «Пояса и пути». К ним примыкают субрегиональные проекты, прежде всего автострада *Via Baltica* (через страны Балтии и Польшу с выходом в Финляндию и Чехию) и железная дорога *Rail Baltica* (через страны Балтии и Польшу с выходом в Финляндию и ФРГ). Участвующие в инициативе «Троеморье» 11 центральноевропейских государств—членов ЕС и Австрия в конце 2019 г. подтвердили ориентацию на проекты, приоритетные с точки зрения выравнивания уровня экономического развития региона со стандартами «старых» стран интеграционного объединения.*

В секторе новых технологий это «Цифровая автострада Троеморья», то есть создание трансграничной цифровой инфраструктуры для безопасной передачи данных с севера на юг региона с применением технологии 5G. В сфере транспорта — строительство дороги *Via Carpatia*, проходящей с севера на юг через Литву, Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Грецию, соединяющей литовский порт Клайпеду с румынским Констанцей и греческим Салоники и претендующей на роль одного из основных транспортных коридоров ЕС. В энергетическом секторе — создание газового коридора «Север—Юг», соединяющего газопорты в Польше и Хорватии.

Эти проекты требуют масштабных инвестиций (по минимальным оценкам, 50 млрд евро только на инфраструктуру), тогда как созданный в 2019 г. Фонд инвестиций «Троеморья» рассчитан на

3–5 млрд евро взносов стран-участниц, а фактически располагает лишь 0,5 млрд евро. Кроме того, между участниками есть существенные разногласия, в том числе по газовому проекту. Финансирование названных проектов из европейского бюджета пока невелико, поскольку они не считаются приоритетными для ЕС в целом (все страны «Троеморья» дают около 13% ВВП сообщества) и есть сомнения в их экономической эффективности, особенно в новой ситуации на газовых рынках, сформировавшейся под влиянием снижения цен на энергоносители. Декларированное в феврале 2020 г. намерение США (заинтересованных в поставках сжиженного газа в ЕС через польский и хорватский газопорты) выделить на развитие энергоинфраструктуры в рамках «Троеморья» 1 млрд долл. не решит проблемы финансирования и не конкретизировано. Оно может даже ухудшить и без того сдержанное отношение «старых» стран ЕС к этой инициативе и вряд ли облегчит включение проектов «Троеморья» (кроме цифровой инфраструктуры) в приоритеты восстановления ЕС.

Сходные проблемы могут возникнуть и для перспектив сотрудничества стран ЦВЕ с Китаем [Китай и Восточная Европа 2016]. За прошедшее десятилетие для КНР формат «16+1» не стал приоритетным: на него приходится менее 1% китайских зарубежных инвестиций и около 3% экспорта. Доля Китая за это время выросла лишь до 2% регионального экспорта и 9% регионального импорта ЦВЕ. Китайские вложения в регион составляют около 1% общего объёма региональных прямых иностранных инвестиций. Реализация ключевых проектов, например железнодорожной магистрали, дорожает и затягивается. При этом значение инвестиций Пекина намного меньше, чем финансовых вливаний ЕС. Самый крупный из предоставленных странам региона заём Китай выделил Венгрии — 1,9 млрд долларов на двадцать лет под 2,5% годовых. Из Фонда восстановления ЕС она могла бы получить 15 млрд евро, в том числе 8,1 млрд

евро как безвозвратный грант [Turcsányi 2020: 69]²⁶. После присоединения Греции в 2019 г. и переформатирования сотрудничества в «17+1» в «старых» государствах-членах и руководстве ЕС усилилось ощущение, что Пекин создаёт группу евро-скептических и «китае-ориентированных» государств. Новая стратегия отношений ЕС–КНР призвана дать единый ответ на стремление Китая расширить своё влияние в Европе.

На пике коронакризиса «масочная дипломатия» Пекина (поставки в страны ЕС масок, СИЗ, лабораторных тестов и др.) не изменила этих намерений, тем более что медики Словакии и Чехии сочли китайские тесты ненадёжными. Кроме того, на связях ЦВЕ с КНР, прежде всего в том, что касается использования технологий 5G и атомной энергетики, всё сильнее отражается американо-китайское противостояние. Румыния уже прекратила сотрудничество с китайской компанией по строительству новых энергоблоков на своей АЭС, её примеру могут последовать Болгария и Чехия. В случае реализации ЕС планов повысить самообеспеченность необходимыми лекарствами, лабораторными препаратами, СИЗ, аппаратами искусственной вентиляции лёгких и другим медоборудованием их импорт из КНР может быть замещён развитием соответствующих отраслей в странах ЦВЕ в интересах всего интеграционного объединения.

В этих условиях страны ЦВЕ пытаются сместить акценты на военно-политические аспекты данных проектов (прежде всего *Rail Baltica* и *Via Carpatia*), представить их как элемент обеспечения своей национальной безопасности и инфраструктурного обеспечения «восточного и южного флангов» НАТО в Европе.

В отношении НАТО страны региона в целом лояльнее своих западных соседей по ЕС. В декабре 2019 г. на саммите Североатлантического альянса отмечалось, что

из девяти стран, достигших согласованного уровня расходов на оборону в 2% ВВП, шесть относились к ЦВЕ (Болгария, Латвия, Литва, Польша, Румыния и Эстония). В связи с этим был одобрен план НАТО по обороне Польши и стран Балтии, которого они добивались с 2015 г. В преддверии саммита большинство стран альянса ратифицировали протокол о принятии в блок Северной Македонии. Активизация усилий стран ЦВЕ в этой области, вероятно, уже с 2020 г. приведёт к дополнительной нагрузке на их экономику и, как минимум, не улучшит их отношения с Россией. Планы США по сокращению воинского контингента в Германии, особенно намеченная передислокация его части в Польшу, создают во взаимоотношениях европейских стран–членов НАТО новые проблемы.

В рамках военно-политического и оборонного сотрудничества страны ЦВЕ с учётом восстановительного преобразования своих экономик могут активизировать как участие в НАТО, так и координацию в рамках ЕС в разработке и производстве новых видов вооружений для национальных армий, а в перспективе и для «европейской армии». Представители этих стран уже занимают высокие посты в общих органах: представитель Румынии с конца 2019 г. находится на посту заместителя Генерального секретаря НАТО, представитель Чехии в мае 2020 г. возглавил Европейское оборонное агентство.

В отношениях с Россией, особенно на фоне постепенно ослабевающей энергозависимости, страны ЦВЕ с высокой вероятностью будут продолжать линию на дальнейшее «отгораживание» ЕС от Москвы. В отличие от середины 2000-х годов сейчас страны ЦВЕ по подходу к отношениям с Россией (согласно классификации Европейского совета по международным отношениям) [Россия и мир ... 2007: 103–104] в лучшем случае можно отнести к катего-

²⁶ Simon Z. Hungary's Orban Says He Reluctantly Backs EU Recovery Fund. 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-06-12/hungary-s-orban-says-he-reluctantly-backs-eu-recovery-fund> (accessed: 30.06.2020).

рии «сдержанных прагматиков» (Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Болгария), а значительную их часть — к группе «поборников новой холодной войны» (Польша, страны Балтии, Румыния). Активное использование нарратива «российской угрозы» остаётся актуальным инструментом внутренней, внешней и оборонной политики стран ЦВЕ. В Польше в разгар коронакризиса весной 2020 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности, в которой, в отличие от предыдущего документа 2014 г., главной угрозой названа Россия и её «неоимперская политика». На практике в противостоянии «российской угрозе» Варшава планирует и дальше опираться на сотрудничество с США, включая закупку вооружений, а также на взаимодействие в формате «Троеморья»²⁷. В Румынии, ссылаясь на наращивание военного потенциала России в Крыму и проведение военных учений, также в ситуации коронакризиса обсуждается проект национальной стратегии обороны, в котором, в случае одобрения обеими палатами парламента, Россия может быть признана враждебным государством.

Почти изжившие постсоветский синдром страны ЦВЕ (особенно Польша) активно продолжают пользоваться *нарративом «исторической памяти»* как мобилизующим и консолидирующим их общества инструментом. Причём с уходом старшего поколения манипулирование историей становится проще и примитивнее. Нормализации и развитию отношений по-прежнему препятствует неурегулированный конфликт на Украине. Вместе с тем в обозримой перспективе, когда все усилия будут направлены на преодоление и выход из кризиса, внимание ЕС за его пределами будет сосредоточено на ключевых проблемах мировой политики — трансатлантических отношениях, противостоянии США и Китая и стратегии Пекина в мире пост-COVID-19. Отношения интеграционного

объединения с Москвой отчасти, видимо, будут зависеть от двух последних.

В то же время полем активного взаимодействия России с ЕС останутся набирающие остроту проблемы, связанные с изменениями климата, не исключено, с новыми эпидемиологическими угрозами, урегулированием конфликтов, ядерной проблемой Ирана, контролем над вооружениями. Нейтрализующим негативные тенденции в политике стран ЦВЕ в отношении Москвы может оказаться вовлечение, особенно по инициативе европейских лидеров — Германии и Франции, стран ЦВЕ в различные переговорные форматы Россия—ЕС.

* * *

Негативная определённость — нарастание и синергия воздействия негативных факторов в эколого-климатической, эпидемиологической, социально-экономической, технологической сферах — на фоне обострения геополитических противоречий в условиях выхода из коронакризиса и в среднесрочной перспективе будет определять амбивалентный характер роли Центрально-Восточной Европы в международных процессах.

Предоставляемые Брюсселем Центрально-Восточной Европе колоссальные ресурсы на преодоление кризиса и переход к устойчивому развитию с высокой вероятностью послужат инструментом более глубокой экономической и политической интеграции стран ЦВЕ в Европейский Союз. Обусловленность поддержки реализацией стратегий ЕС («зелёной», «цифровизации») может оказать на страны ЦВЕ воздействие, во многом схожее с периодом их вступления в интеграционное объединение, и привести к очередному этапу десоверенизации. В то же время Евросоюзу, особенно после травмы Брексита, более тесная привязка стран ЦВЕ позволяет не только сделать очередной шаг к федерализации, но и укрепить свою субъектность в мировой политике и глобальной экономике.

²⁷ Żurawski vel Grajewski: Polska wykuwa Trójomorze za wsparciem USA. 14.05.2020. URL: <https://biznesalert.pl/rosja-polska-usa-trojmorze-ropa-gaz-energetyka-bezpieczenstwo/>

Список литературы

- Барановский В.Г., Кобринская И.Я., Уткин С.В., Фрумкин Б.Е. Метод ситуационного анализа как инструмент актуального прогнозирования в условиях трансформации миропорядка // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 7–23.
- Кобринская И.Я. Россия и Центральная Восточная Европа после «холодной войны» // М.: Московский центр Карнеги, 1997. 198 с.
- Китай и Восточная Европа: звенья нового Шёлкового пути / Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 70 с.
- Мир 2020: российская и центрально-восточноевропейская перспективы / Науч. ред. В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 195 с.
- Младек Я. 30 лет спустя: как Вишеградская четверка преуспела в постсоциалистическом транзите // Мир перемен. 2020. № 2. С. 157–170.
- Орлик И.И. Центральная-Восточная Европа: завершение постсоциалистической трансформации // Мир перемен. 2020. № 2. С. 66–80.
- Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. М.: Деловая литература, 2006. 567 с.
- Реструктуризация политического ландшафта европейских государств / Под ред. В.Г. Барановского, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 69 с.
- Россия и мир: 2008. Экономика и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 147 с.
- Россия и мир: 2020. Экономика и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 172 с.
- Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 42 с.
- Страны Центральной и Восточной Европы — новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010. 495 с.
- Стиглиц Дж. Садись, два. IPG. 19.11.2019. URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/mir/statja/show/sadis-dva-933/> (дата обращения: апрель 2020).
- Фрумкин Б.Е. Заседания Европейского совета (саммиты), июнь — август 2019 г. // Бюллетень «Европейский союз: факты и комментарии». 2019. Вып. 97. С. 5–9.
- Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и её геополитика. М.: УРСС, 1999. 141 с.
- Russia and Central Europe After the Cold War. A Fundamentally Transformed Relationship / ed. by A. Zagorski. IMEMO-Friedrich-Ebert-Stiftung- Human Rights Publishers. Prague, 2015. 427 p.
- Turcsányi R.Q. China and the Frustrated Region: Central and Eastern Europe's Repeating Troubles with Great Power // China Report. 2020. Vol. 56. No. 1. P. 60–77. DOI: 10.1177/0009445519895626
- Wike R., Poushter J. et al. European public opinion three decades after the fall of communism. 4. The European Union. Pew Research Center. 14.10.2019. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/14/the-european-union/> (дата обращения: 30.05.2020).

CENTRAL-EASTERN EUROPE IN POST-COVID-19 INTERNATIONAL POLITICS

IRINA KOBRINSKAYA

BORIS FRUMKIN

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Moscow 117997,
Russian Federation

Abstract

The article is based on the hypothesis about the transition of the development of international processes from the stage of uncertainty to the stage of the negative certainty — the increase and synergy of the impact

of negative factors in the environmental, climatic, epidemiological, socio-economic, technological, and security spheres against the background of worsening geopolitical contradictions and confirmed by the crisis caused by the COVID19 pandemic. The article examines the dynamics of socio-economic and political development and the changing role of the Central-Eastern European region. Having strengthened their positions in the European Union through adaptation to EU policies and norms, by the mid-2010s the CEE countries began to pursue an increasingly independent course. By 2020 their policy became one of the factors hindering the further deepening of the EU integration, primarily in the foreign policy sphere, and the process of federalization of the Union. The analysis of the state of public opinion conducted in the article testifies to the dualism of the perception of citizens of the CEE countries of the EU membership. High support for the EU is combined with frustration at the partial loss of national sovereignty, which is actively used by nationalist political forces in the region. During the early months of COVID-19 pandemics the countries of the region performed better than the EU as a whole, which created prerequisites for reformatting the position of the CEE countries in the EU. The enormous resources provided by the EU to Central-Eastern Europe to overcome the crisis and move towards sustainable development serve as a tool for even deeper economic and political integration of the CEE into the EU. Conditionality of support for the implementation of the EU strategies could have an impact on the CEE countries that is very similar to the period of their accession to the integration grouping and lead to the next stage of desovereignization. Meanwhile, for the European Union closer binding of the CEE countries allows not only to take another step towards federalization, but also to strengthen its actorness in world politics and the global economy.

Keywords:

Central-Eastern Europe; European Union; COVID-19; negative certainty; sovereignty; integration; nationalization; consolidation; fragmentation; balance.

References

- (2007). *Rossiya i mir: 2008. Ekonomika i vneshnyaya politika* [Russia and the World: 2008. Economy and Foreign Policy]. Moscow: IMEMO RAN. 147 p.
- (2019). *Rossiya i mir: 2020. Ekonomika i vneshnyaya politika* [Russia and the World: 2020. Economy and Foreign Policy]. Moscow: IMEMO RAN. 172 p.
- (2019). *Rossiya i mir: 2024. Ekonomika i vneshnyaya politika* [Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy]. Moscow: IMEMO RAN. 42 p.
- Baranovsky V.G. (ed.) (2010). *Mir 2020: rossiyskaya i trenstral'no-vostochnoevropejskaya perspektivy* [World 2020: Russian and Central Eastern European Perspectives]. Moscow: IMEMO RAN. 195 p.
- Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Ya. (eds) (2017). *Restrukturatsiya politicheskogo landshafta evropejskikh gosudarstv* [Restructuration of the Political Landscape of the European States]. Moscow: IMEMO RAN. 69 p.
- Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Ya., Utkin S.V., Frumkin B.E. (2019). Metod situatsionnogo analiza kak instrument aktual'nogo prognozirovaniya v usloviyakh transformatsii miroponyadka [Method of Situational Analysis as an Instrument of Relevant Forecasting under the Transformation of the World Order]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. Vol. 12. No. 4. P. 7–23.
- Butorina O.V., Borko Yu.A. (eds) (2006). *Rasshirenie Evropejskogo Soyuza i Rossiya* [Enlargement of the European Union and Russia]. Moscow: Delovaya literatura. 567 p.
- Frumkin B.E. (2019). Zasedaniya Evropejskogo sovetov (sammity), iyun' – avgust 2019 g. [Meetings of the European Council (Summits), June – August 2019]. *Bulleten' 'Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii'*. Issue 97. P. 5–9.
- Glinkina S.P., Kulikova N.V. (eds) (2010). *Strany Tsentral'noj i Vostochnoj Evropy – novye chleny Evropejskogo Soyuza: problem adaptatsii* [Countries of Central and Eastern Europe – New Members of the European Union: the Problems of Adaptation]. Moscow: Nauka. 495 p.
- Kobrinskaya I.Ya. (1997). *Rossiya i Tsentral'naya Vostochnaya Evropa posle "kholodnoj vojny"* [Russia and Central Eastern Europe after the end of the Cold War]. Moscow: Moscow Carnegie Center. 198 p.
- Mikheev V.V., Shvydko V.G. (eds) (2016). *Kitaj i Vostochnaya Evropa: zven'ya novogo Shyelkovogo puti* [China and Eastern Europe: Chains of the New Silk Road]. Moscow: IMEMO RAN. 70 p.
- Mladek Ya. (2020). 30 let spustya: kak Vishegradskaya gruppa preuspela v postsotsialisticheskom tranzite [30 Years Later: How Visegrad Four Succeeded in Post-Socialist Transit]. *Mir peremen*. No. 2. P. 157–170.

- Orlik I.I. (2020). Tsentral'no-Vostochnaya Evropa: zavershenie postsotsialisticheskoy transformatsii [Central Eastern Europe: the End of Post-Socialist Transformation]. *Mir peremen*. No. 2. P. 66–80.
- Stiglitz J. (2019). *Sadis' dva* [Sit Down – You've Failed]. IPG. URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/mir/statja/show/sadis-dva-933/> (accessed: 24.04.2020).
- Tsymburgskij V.L. (1999). *Rossiya – Zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i eye geopolitika* [Russia – the Land behind the Great Limitrophe: Civilization and Its Geopolitics]. Moscow: URSS. 141 p.
- Turcsányi R.Q. (2020). China and the Frustrated Region: Central and Eastern Europe's Repeating Troubles with Great Power. *China Report*. Vol. 56. No. 1. P. 60–77. DOI: 10.1177/0009445519895626
- Wike R., Poushter J. et al. (2019). *European public opinion three decades after the fall of communism*. 4. The European Union. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/14/the-european-union/> (accessed: 30.05.2020).
- Zagorski A. (ed.) (2015). *Russia and Central Europe After the Cold War. A Fundamentally Transformed Relationship*. IMEMO-Friedrich-Ebert-Stiftung- Human Rights Publishers. Prague. 427 p.

ИЕРАРХИЯ МОТИВОВ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ПРОТЕСТА*

ЕКАТЕРИНА КОСЕВИЧ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Социальные возмущения, которые были частью политического ландшафта Латинской Америки на протяжении почти всей истории этого региона, достигли пика в конце 1990-х годов и начале XXI столетия. В этой части света сформировалась особая культура массовых протестов, функционирующая как самостоятельный «механизм давления», нацеленный на расширение прав и уменьшение социальной несправедливости. Осенью 2019 г. целый ряд стран Латинской Америки оказался охвачен массовыми беспорядками. Жители самого поляризованного по уровню распределения доходов региона мира перестали сдерживать недовольство. При этом захватившую улицы протестную волну огромной силы оказалось невозможно побороть привычными репрессивными методами, что вынудило правящие элиты прислушаться к тому, о чём просит общество. Всего за несколько месяцев Гаити, Эквадор, Чили, Боливия оказались охвачены массовыми беспорядками. Постепенно волна общественного недовольства перекинулась и на такие страны, как Колумбия и Аргентина. Несмотря на то что первопричины этих событий в каждой стране были разные, ряд общих черт прослеживается во всех очагах нестабильности. В представленной работе сделана попытка анализа основных факторов, вызвавших столь масштабные народные волнения, что позволит выявить главные нерешённые проблемы региона. Автор выделяет основные причины, в совокупности вызвавшие социальные взрывы, и представляет их в виде иерархической пирамиды: от лежащих в основании экономической нестабильности, кризиса неолиберальной модели развития, социального неравенства и находящихся в её середине ослабления политической системы и коррупции до самой верхушки пирамиды — «дефицита демократии» и влияния социальных сетей. Статья разбита на четыре тематических блока, что позволит системно рассмотреть важнейшие причины и триггеры протестов латиноамериканских масс, а также дать оценку дальнейшему развитию социально-политической ситуации в Латинской Америке. В работе использовалось сочетание регионального и странового подходов к исследуемому явлению.

Ключевые слова:

массовые протесты; Латинская Америка; Эквадор; Чили; Боливия; экономический кризис; неравенство; коррупция.

Социальные взрывы были частью политического ландшафта Латинской Америки, по существу, на протяжении всей её истории, достигнув пика на рубеже XX–XXI веков. Без преувеличения можно утверж-

дать, что в этой части света уже сформировалась особая культура массовых протестов, превратившаяся в самостоятельный «механизм давления», который нацелен на расширение прав населения и уменьшение

* Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 году.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2020

Дата принятия к публикации: 03.07.2020

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: ekaterina.kosevich@gmail.com

социальной поляризации [Zibechi 2003: 176–180]. Ведь одна из особенностей Латинской Америки в том, что протестные движения распространяются по региону с молниеносной быстротой, заражая соседние страны. При этом от каждой новой вовлечённой в это движение страны сила общего протеста только нарастает, а сама ситуация становится в короткие сроки абсолютно неконтролируемой. Это коррелирует с теорией революции, разработанной ещё Э. Че Гевара, в основе которой лежит концепт плавающей революции [Díaz 1989]. В этом контексте латиноамериканский регион, страны которого на первый взгляд столь различны, в реальности представляет собой систему «сообщающихся сосудов», где проблемы одного государства мгновенно проявляются в других государствах. При этом плавающий социальный протест очень быстро набирает силу и начинает звучать с такой силой, что вынуждает даже Соединённые Штаты, государство иного ранга, переходить на политику низкого профиля в этом регионе.

Осенью 2019 г. ряд стран Латинской Америки оказался охваченным массовыми беспорядками. Жители самого неравного по уровню распределения доходов региона мира перестали сдерживать недовольство. При этом захватившую улицы протестную волну большой силы оказалось невозможно побороть привычными репрессивными методами, что вынудило правящие элиты прислушаться к тому, о чём просит общество.

В Венесуэле, Никарагуа и Боливии протестовали против «дефицита демократии»¹. В Чили, Эквадоре и Гаити — против отсутствия возможностей и социального неравенства. В Колумбии основными причинами массовых манифестаций, которых ранее не наблюдалось на протяжении нескольких десятилетий, стало недовольство политикой правительства Ивана Дуке Маркеса (2018 — н.в.). Народ Аргентины протестовал против политики, проводимой админи-

страцией Маурисио Макри (2015 — 2019), которая ввергла эту страну в сильнейший экономический кризис.

Провести прямые аналогии между произошедшими общественными взрывами невозможно ввиду культурных особенностей латиноамериканских государств, а также разницы в текущей социально-экономической ситуации. Тем не менее присутствует ряд общих проблем, стимулирующих вспышки народного гнева в странах региона. Социальные выступления в них прочно вписаны как в региональный контекст, так и в мировую динамику протестной активности.

Настоящая статья призвана охарактеризовать природу современных латиноамериканских протестных движений, осуществив систематизацию основных проблем, присущих странам региона. Социальным взрывам, вспыхнувшим в конце 2019 г. одновременно в нескольких государствах Латинской Америки, посвящён ряд публикаций отечественных авторов, которые преимущественно рассматривали случаи отдельных стран [Дьякова 2019; Чернышев 2020] либо концентрировали внимание на анализе отдельных объяснений протестных акций [Окунева 2020; Будаев 2020]. При всей значимости таких исследований они не позволяют донести до читателя подлинную картину новой социально-психологической реальности, в которой живёт основная масса населения Латинской Америки.

Данная работа призвана устранить этот пробел, подойдя к анализу феномена современных латиноамериканских протестов комплексно и всесторонне, выделив основные причины, в совокупности вызвавшие социальные взрывы крупного масштаба, и представив их *в виде иерархической пирамиды: от лежащих в основании экономической нестабильности, кризиса неолиберальной модели развития, социального неравенства и находящихся в её середине ослабления политической системы и коррупции*

¹ «Дефицит демократии» — термин, часто встречающийся в латиноамериканских СМИ, означающий ограничение участия общества в широком обсуждении ключевых вопросов и проблем как внутренней, так и внешней политики.

до самой верхушки пирамиды — «дефицита демократии» и влияния социальных сетей.

Именно модель пирамиды способна наиболее наглядно отразить иерархическую систему приоритета главных причин общественного недовольства, состоящую из нескольких уровней. Так, факторы, лежащие в основании пирамиды, напрямую воздействуют на степень влияния факторов более высокого уровня, которые проявляются и становятся действующими, лишь когда базисные факторы активизируются. Таким образом, это позволяет увидеть различные уровни причин, в совокупности приведших к разрушению консенсуса между обществом и властью в латиноамериканском регионе.

В основе методологии автора — материализм, базирующийся на категории первичности экономических процессов, влияющих на состояние политической системы и общественную стабильность. Согласно результатам ряда исследований в Латинской Америке, именно экономический спад, сопровождающийся программами жёсткой экономии, способствует росту социального недовольства граждан, что в конечном счёте приводит к уязвимости политических институтов [Valenzuela 2004; Pérez-Liñán 2003]. Отдельные авторы подчёркивают, что реализация определённой экономической политики непосредственно повлияла на социально-политические конфликты в Латинской Америке [Wise 2003], а проведение неолиберального курса напрямую коррелировало с тем, что в этом регионе президенты покидали свои посты до истечения сроков полномочий [Stokes, 2001; Hochstetler 2006]. Данная позиция подтверждается и тем, что латиноамериканская политология неизменно опирается на три ключевых понятия — экономическое развитие, глобализация и независимость [Косевич 2020]. Материализм дополняется идеалистическим подходом, который даёт возможность оценить степень устойчивости системы государственной власти с точки зрения фундаментальности идейного фактора, лежащей в основе этой власти. Наконец, с позиций институционального

подхода, придающего особое значение роли институтов в области принятия экономических и политических решений, будет рассмотрена существующая в Латинской Америке система организации социально-экономических действий. В этом контексте «дефицит демократии» рассматривается как один из решающих, но всё же не единственный фактор для достижения институциональной нестабильности в разрезе региона, а коррупционные скандалы и их освещение в социальных сетях — как триггеры кризиса власти [Hochstetler, Edwards 2009; Kim, Bahry 2008; Valenzuela 2004]. Следуя этой логике, данные причины протестов были отнесены именно к вершине пирамиды, а не к числу базисных факторов. Статья поделена на четыре части, в которых последовательно рассмотрены важнейшие первопричины и триггеры, приведшие в действие латиноамериканские социальные массы. В заключение даётся прогноз эволюции социально-политической ситуации в Латинской Америке.

Принципиально новым аспектом исследования стала оценка протестного потенциала латиноамериканских пользователей в ведущих социальных сетях ввиду того, что последние оказывают заметное влияние на повышение уровня поляризации и конфликтности в обществе на современном этапе. С опорой на малоизученные источники были выявлены основные темы общественного дискурса, касающиеся массовых уличных манифестаций, которые захватили Латинскую Америку осенью 2019 года. В работе использовалось сочетание регионального и странового подходов к исследуемому явлению.

1

Основная причина роста социального недовольства не только в Латинской Америке, но и в глобальном масштабе — кризис модели *либеральной глобализации*, влияющий на мировую экономическую систему и способствующий дестабилизации как общественных отношений, так и политического пространства. Экономический упадок усугублялся непрерывно с начала ми-

рового финансового кризиса 2008 года, в итоге проявившись в цепи взаимосвязанных явлений глобального характера: замедлении роста мировой торговли и сокращении спроса, снижении прямых иностранных инвестиций, высокой волатильности сырьевых цен, сокращении бюджетных расходов, увеличении мирового долга (государственного и частного) до объёмов, невиданных с 1950-х годов, а также росте социального расслоения и усилении международной напряжённости [Ventura, Billion 2020].

Несмотря на то что Латинская Америка меньше других регионов была затронута кризисом 2008 года, в начале третьего десятилетия XXI века она демонстрировала низкие темпы роста экономики. Согласно статистике Международного валютного фонда (МВФ), в последние годы этот показатель составил лишь 0,6% (для сравнения этот показатель у азиатских стран — 5,9%, у африканских — 3,2%)². Отсутствие динамики напрямую было связано с коррекцией спроса Китая на сырьевые товары, которые выступали основным экспортным товаром стран Латинской Америки. Экономический застой повлёк за собой сокращение бюджетных расходов, с которым столкнулись все государства региона [OCDE 2018].

Предыдущий период экономического подъёма Латинской Америки, который пришёлся на 2003–2013, ознаменовался рядом положительных эффектов: во-первых, цены на сою, медь, нефть и драгоценные минералы значительно выросли; во-вторых, условия торговли заметно улучшились. В результате совокупные доходы государств заметно повысились: у Аргентины — на 120%, у Чили — на 156, у Бразилии — на 131, а у Венесуэлы — на 274%. Между тем начиная с 2013 г. цены на ключевые позиции латиноамериканского экспорта неуклонно понижались, а товарооборот уменьшался. Конец бума на сырьевые

товары привёл к экономической неопределённости. Согласно отчёту Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) в период 2014–2019 годов региональная экономика показала самый слабый рост за последние сорок лет (пики темпов экономического спада пришлось на 2015 и 2016 годы) [Bárcena et al. 2019].

Нисходящий экономический цикл, начавшийся в 2013 году, ознаменовался прежде всего возвращением к условиям жизни начала XXI века, которые большинство латиноамериканцев уже считали пройденным этапом. В этой связи главной общей причиной политических протестов, которые сотрясли сразу несколько латиноамериканских стран, стоит считать именно экономический спад, следствием которого стал *крах надежд целых поколений*. «Именно чувство незащищённости захватило латиноамериканцев, которые видят, как рушатся их планы и достижения», — отмечает политолог А. Валенсуэла³.

С другой стороны, причины современных массовых манифестаций тесно связаны не только с показателями роста, но и с самой экономической моделью, которую начиная с 1990-х годов пытались внедрить латиноамериканские правительства. В частности, вспышки общественного недовольства ряд исследователей связывают непосредственно с протестом против неолиберальной модели развития [Окунева 2020; Будаев 2020]. Примечательно, что в латиноамериканских исследованиях неолиберализм определяется не иначе как «процесс и политико-экономическая система, основанная на эксплуатации всех человеческих и территориальных ресурсов региона» [Neoliberalismo en América Latina 2015; Durand et al. 2019].

Общим для Чили, Эквадора, Боливии и Аргентины стало то, что с середины 1980-х

² ¿Por qué ha estallado América Latina? La Vanguardia, 12.11.2019. URL: <https://www.lavanguardia.com/participacion/lectores-corresponsales/20191111/471439569422/corrupcion-desigualdad-social-estallido-protestas-america-latina-causas.html> (accessed: 17.11.2019).

³ Arturo Valenzuela: "Lo que más me preocupa de Chile es el caos político". DF. 22.11.2019. URL: <https://www.df.cl/noticias/economia-y-politica/politica/arturo-valenzuela-lo-que-mas-me-preocupa-de-chile-es-el-caos/2019-11-07/184148.html> (accessed: 29.09.2020).

в этих странах начался поворот от диктаторских форм правления к демократическим. Реакционные авторитарные военные режимы отошли от власти, а переход к демократии вывел на авансцену новые политические силы, взявшие за основу доктрину неолиберализма. Её внедрение привело к свёртыванию социальных программ, углублению неравенства, а также ограничению прав и свобод граждан [Neoliberalismo en América Latina 2015].

На рубеже XX–XXI веков к власти пришли уже левые правительства, взявшие курс на дирижизм и социальное реформирование. Их руководители сулили навсегда вывести свои народы из лабиринта нищеты. Тем не менее популярность левых идей в Латинской Америке уже с 2015 г. стала постепенно угасать. Общественность разочаровалась в них после того, как наиболее яркие представители «Социализма XXI века», такие как Кристина Фернандес (2007–2015), Рафаэль Корреа (2007–2017) и Дилма Руссефф (2011–2016), оказались замешаны в коррупционных скандалах. Примеры этих политиков спровоцировали недоверие граждан по отношению к левой идеологии в принципе [Marín Vargas 2016].

Консервативным кругам удалось восстановить влияние в регионе, воспользовавшись разочарованием общества. Преподнесение правой идеологии в качестве единственной возможной альтернативы, способной очистить латиноамериканские страны от коррупции и ошибок левых правительств, оказалось безошибочной стратегией, быстро и радикально изменившей политическую карту. При этом латиноамериканский «правый поворот» происходил на фоне роста социального неравенства, вызванного глобальным экономическим спадом [Revilla 2005].

Время показало, что правые политики оказались не менее коррумпированными и

при этом не лучшими управленцами, нежели их предшественники. Например, в 2015 г. на весь регион прогремела отставка президента Гватемалы О. Переса Молины (2012–2015), выдвиженца от правой «Патриотической партии», обвиненного в преступном сговоре и участии в коррупционных схемах. В 2018 г. ушёл в отставку представитель (он же был и основателем) правоцентристской политической партии «Перуанцы за перемены» Педро Пабло Кучински, занимавший пост президента в Перу в 2016–2018 годах. Причиной его отстранения от власти также стали обвинения в коррупции и отмывании денег⁴.

Новые модели социально-экономического развития, скроенные по неолиберальным лекалам, прежде всего были нацелены на сохранение финансовых выгод и преимуществ в руках немногочисленной элиты, а не на создание новых рабочих мест, расширение прав и гарантий граждан. С каждым годом всё более заметным становилось сокращение финансирования таких важных сфер, как образование, здравоохранение и инновационные технологии⁵. Всё это привело к тому, что социально-экономическая ситуация ухудшилась, качество и уровень жизни падали с каждым годом, углубилось неравенство, доводя до крайности социальную поляризацию, следствием чего стал рост недовольства властями. С каждым годом латиноамериканское общество всё ещё больше разочаровалось в государственной власти и в проводимой ею политике, результатом чего стало разрушение консенсуса между обществом и властью, подтверждающая тезис о иерархической системе причин общественного недовольства.

Латиноамериканские исследователи сходятся во мнении, что социальные протесты в странах региона в конце 2019 г. нельзя рассматривать как обособленные

⁴ PPK y otros 5 presidentes de América Latina que no pudieron terminar sus mandatos por acusaciones de corrupción. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-43509229> (дата обращения: 25.12.2020).

⁵ La desigualdad moviliza a América Latina. El País, 12.11.2019. URL: https://elpais.com/internacional/2019/10/26/america/1572112346_368643.html (дата обращения: 29.09.2020).

друг от друга явления [Esmeralda 2020; Zambrano 2020; Hernández 2019]⁶. Каждая вспышка протеста — звено в общей цепи проводимой в регионе политики. Несмотря на разницу в природе социальных волнений в отдельных странах, общая неослабевающая проблема заключается в том, что латиноамериканцы устали от того, что их правительства так и не смогли остановить экономический кризис, приведший к стремительному росту социального неравенства и государственного долга, практически застопорив развитие региона. Например, государственный долг Эквадора за годы администрации Ленина Морено (2017 — н.в.) увеличился на 47%⁷.

Роль кризиса неолиберализма как одного из катализаторов общественного недовольства подтверждается и тем фактом, что протесты проходили преимущественно в больших городах. Как отмечают К. Вентура и Д. Миллиард, именно в урбанистической среде особенно заметны пережитки неолиберализма, такие как пропасть между богатыми и бедными, разница в возможностях разных социальных слоев внутри одного общества, а также новый тип социальных отношений, формирующийся под сильным влиянием новейших трендов развития национальной и мировой экономики [Ventura, Billion 2020]. Они ведут к накоплению общественного напряжения, апофеозом которого и становятся вспышки протеста. В современных мегаполисах наиболее явно проявляются социально-экономические проблемы: безработица, нестабильность доходов, разделение на официальную и неофициальную занятость, трудности с доступом к базовым общественным благам (вода, электри-

чество, здравоохранение, транспорт) и социально-пространственная сегрегация. Стоит отметить, что высокий уровень неформальной занятости — одно из слабых мест всей Латинской Америки с начала рыночных реформ: на сегодняшний день около 130 млн латиноамериканцев трудоустроены неофициально, что исключает эту категорию работников из системы социальной защиты и охраны труда^{8,9}.

Единым лейтмотивом протестных акций стала *борьба с неравенством*. Латинская Америка занимает первое место в мире по дифференциации в распределении доходов в обществе [OCDE 2019]. Больше нигде на планете разрыв не проявляется столь зримо. Жизнь высших и средних слоев общества (включающих очень богатых и просто обеспеченных) протекает полностью отдельно от жизни социальных групп бедных, включающих в себя подавляющее большинство населения: для одних — это коттедж на огороженной охраняемой территории, отдых в Европе и членство в частных спортивно-развлекательных клубах, для других — трущобы, дети, просящие милостыню, и безысходность. Начиная с колониального периода и вплоть до наших дней экономическое развитие латиноамериканских стран происходило по принципу пирамиды: все доходы неизменно оседали в руках привилегированного меньшинства. С демократическим транзитом было связано множество ожиданий латиноамериканцев — прежде всего наступления новой эры экономического благополучия *всех и каждого*. В реальности же формально-юридическое закрепление демократических принципов не оправдало возлагаемых надежд — богатые

⁶ Borsani H. La síntesis del 2019: protestas multitudinarias y mucho más. Latinoamérica. 21.02.01.2020. URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/la-sintesis-del-2019-protestas-multitudinarias-y-mucho-mas-2019123019390> (accessed: 26.09.2020).

⁷ Deuda pública subió \$454 millones en julio 2019. URL: [https://lahora.com.ec/noticia/1102269639/deuda-publica-subio-\\$454-millones-en-julio-2019](https://lahora.com.ec/noticia/1102269639/deuda-publica-subio-$454-millones-en-julio-2019) (дата обращения: 13.06.2020).

⁸ La economía informal de América Latina supera por primera vez la de África Subsahariana. URL: <https://es.weforum.org/agenda/2017/05/la-economia-informal-de-africa-esta-retrocediendo-mas-rapido-que-la-economia-latinoamericana/> (дата обращения: 17.06.2020).

⁹ В большинстве государств ЛАТАМ доля занятых в неформальном секторе близка или превышает 50% от общей численности трудоустроенных.

становились ещё богаче, а бедные — ещё беднее [Yasunaga 2020].

До недавнего времени **Чили** была по-настоящему образцовой страной в рамках всего региона. Тем не менее прокатившаяся волна протестов продемонстрировала, что в реальности положение было неидеально [Esmeralda 2020; Allain 2019]. Внутренняя экономическая ситуация в стране оставляла желать лучшего¹⁰. В сфере социального обеспечения выделялся список нерешённых проблем: выход на пенсию был крайне осложнён, а образование и качественное здравоохранение так и оставались привилегией, доступной немногим. Тем не менее долгое время эти проблемы находились на заднем плане ввиду положительной динамики основных макроэкономических показателей.

«Спусковым крючком» протестных акций, прокатившихся по столице Чили Сантьяго осенью 2019 года, стало повышение стоимости проезда в метро. Тем не менее мирные митинги быстро переросли в массовые беспорядки, сопровождающиеся лозунгами борьбы с экономическим неравенством, недоступностью образования и здравоохранения¹¹. При этом манифестанты не верили обещаниям властей, не хотели пассивно дожидаться перемен: их больше не устраивала сама модель развития; во многом сопоставимые требования выдвигались и в других протестных странах [Дьякова 2019]. Не случайно значения индекса неравенства доходов в Чили, Эквадоре, Боливии, Аргентине и Колумбии практически одинаковые и составляют около 44¹², а официальная оценка уровня бедности составляет примерно 20%¹³.

Кроме того, в этих странах только стабильный средний класс, представители которого имеют устойчиво высокие доходы, может получить доступ к качественным частным образовательным и медицинским услугам. У *нового уязвимого среднего класса*, который и обеспечил экономический рывок, тоже есть возможность приобретать платные социальные услуги, но это достигается за счёт тяжелой работы и банковских кредитов¹⁴.

Латинская Америка не раз сталкивалась с тем, что период процветания, вызванный главным образом внешними причинами, неожиданно сменялся спадом. Следствием последнего становилась корректировка экономической политики, приводившая к снижению заработных плат, повышению цен, росту безработицы и инфляции. Регион уже неоднократно проходил через подобные циклы. На этот раз в нём появилось качественно новое звено, которого ранее не было: за период процветания начала XXI в. был создан самый многочисленный средний класс за историю этого региона. Согласно ежегодному докладу «Экономические перспективы Латинской Америки», опубликованному в 2019 г. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), около 70% населения Латинской Америки принадлежат к среднему классу [Perspectivas económicas 2019].

Тем не менее 37,6% этой категории граждан относятся к так называемому уязвимому *среднему классу* — с ежедневным доходом 5,5 — 13 долларов США. Представители этого социального слоя более других подвержены социально-экономиче-

¹⁰ INE: La mitad de los trabajadores en Chile recibe un sueldo igual o inferior a \$400.000 al mes. CNN, 12.11.2019. URL: https://www.cnnchile.com/economia/ine-la-mitad-de-los-trabajadores-en-chile-recibe-un-sueldo-igual-o-inferior-a-400-000-al-mes_20190813/ (дата обращения: 11.02.2020).

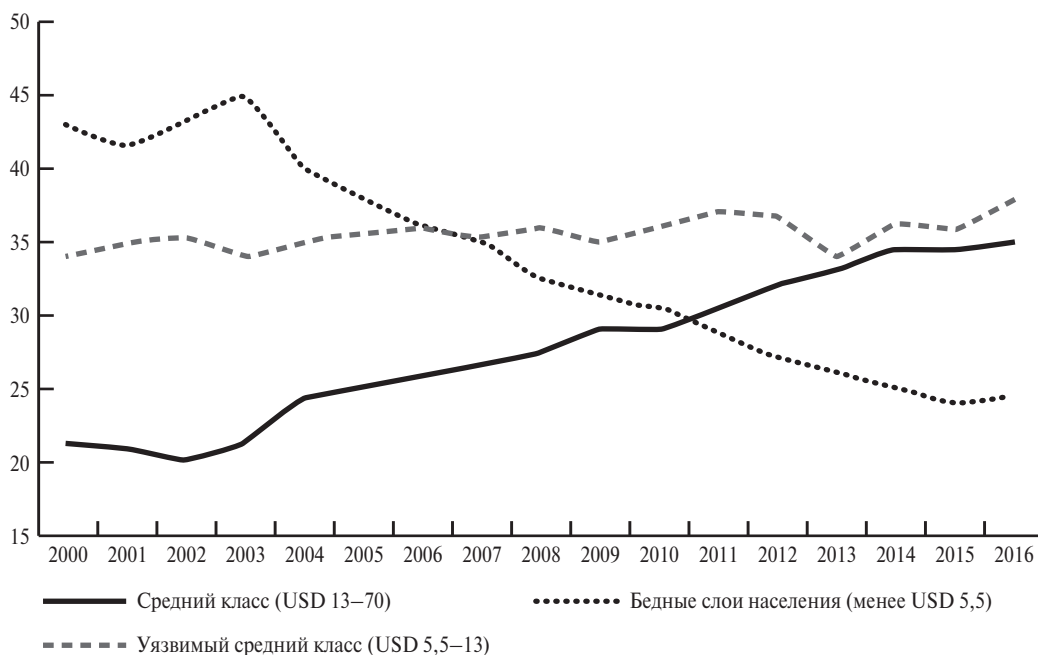
¹¹ El malestar en América Latina. My Times, 12.11.2019. URL: <https://www.nytimes.com/es/2019/11/08/espanol/opinion/protestas-america-latina.html> (дата обращения: 25.05.2020).

¹² Примечание: Индекс Джини по распределению национального дохода измеряет степень, насколько распределение доходов или расходов на потребление среди домохозяйств в экономике отличается от абсолютного равенства в распределении. Если значение равняется 0, это означает полное равенство, в то время как показатель 100 означает абсолютное неравенство.

¹³ Índice de Gini — Chile. <https://datos.bancomundial.org/indicador/SI.POV.GINI?locations=CL>

¹⁴ Negretto G. Desigualdad, ciudadanía sin voz y disidencia social en América Latina // NEXOS. 28 Octubre, 2019. URL: <https://www.nexos.com.mx/?p=45407> (дата обращения: 26.09.2020).

Рисунок 1
Эволюция социально-экономической структуры общества в Латинской Америке
(процент от общей численности населения региона)

Источник: OECD/CAF/ECLAC/EU. *Latin American Economic Outlook 2019 Development in Transition*.

ской нестабильности. Подгруппа «уверенного» среднего класса (с доходом 13 – 70 долларов США в день) заметно увеличилась: с 21,1% населения в 2000 г. до 35,4% в 2016 г. При этом доля бедных (с доходом менее 5,5 доллара США в день) уменьшилась: с 42,9% в 2000 г. до 24,6% в 2016 году [OECD 2019] (рис. 1).

При этом новый уязвимый средний класс латиноамериканцев состоит из более образованных и, как следствие, скептически настроенных по отношению к руководству своей страны людей, старающихся избежать возвращения в бедность. Представители этой относительно недавно сформировавшейся группы населения крайне нетерпимы к неравенству и коррупции, так как они отчаянно стараются сохранить но-

воприобретённое социальное положение. Ещё одной важной характеристикой этого общественного слоя является его *гиперсвязанность в информационном пространстве* с учётом того, что именно в Латинской Америке на протяжении последнего десятилетия зафиксированы одни из самых высоких скоростей передачи данных в сети Интернет в мировом масштабе¹⁵.

Необходимо подчеркнуть, что с начала 2000-х годов в регионе социальные изменения проходили очень медленными темпами. Тем не менее к началу второго десятилетия XXI века для большинства латиноамериканцев заметно расширились потребительские возможности под влиянием не только увеличения доходов, но и роста доступности кредитных ресурсов, а также

¹⁵ Protestas en América Latina: “La perpetuación en el poder es lo que más daño le hace a la región”, Moisés Naím. BBC. 12.11.2019. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50426109> (дата обращения: 01.12.2019).

наплыва дешёвых китайских товаров. В 2008 г. началась фаза экономического спада. В результате к 2010-м годам в Латинской Америке (что справедливо и для других протестных регионов) протекали два противоречивых процесса. С одной стороны, предъявлялись непривычно повышенные общественные требования к затратам, стабильности, социальному прогрессу и качеству государственных услуг. С другой стороны, наблюдалась рецессия и обострение социальных проблем. Тот факт, что правящие элиты так и не разрешили эти разногласия, подорвал доверие населения к государственным институтам. Эта двойственная динамика, порождающая острые социальные и политические антагонизмы, в итоге подготовила благоприятную почву для социально-политических потрясений.

2

Спад экономики, прямым следствием которого стало сокращение объема государственных социальных расходов, постепенно ещё более усугубил деградацию политической системы. Последняя и ранее подпитывалась коррупционными скандалами, в частности делом Одебрехта¹⁶ — громким коррупционным случаем, имевшим серьезные политические последствия практически по всей Южной Америке. Получив широчайший общественный резонанс, это дело продемонстрировало на весь мир, что коррупция насквозь пропитывает привилегированные группы стран

Латинской Америки, подрывая легитимность власти.

На этом фоне у Чили в конце XX — начале XXI века были хорошие показатели прозрачности государственной власти. Кроме того, она была одной из немногих стран региона, не фигурировавшей в деле Одебрехта. Тем не менее в 2015–2017 годах чилийцы были потрясены рядом скандалов: от картельного сговора с целью завышения цен и уклоняющихся от налогов крупных предприятий до незаконного финансирования предвыборных избирательных кампаний¹⁷. При этом было доказано участие в нелегальных схемах как левых, так и правых политиков. Коррупционное портфолио Эквадора более внушительное: казнокрадческие схемы, в которых были замешаны представители деловой и политической элиты, в течение второго десятилетия XXI века стали частым явлением в этой стране. Не избежал обвинений в свой адрес и бывший глава Аргентины Маурисио Макри. Он был привлечён к участию в четырёх судебных разбирательствах в связи с коррупционными преступлениями¹⁸.

Вместе с тем чилийский исследователь Г. Негретто подчёркивает, что протесты нельзя рассматривать исключительно через призму кризиса неолиберальной модели, выстроенной правыми правительствами, — важную роль играет общее отношение населения к политической системе, государству в целом, которое не способно «слышать» требования, предъявляемые его

¹⁶ Дело Одебрехта (исп. El Caso Odebrecht) представляет собой масштабное совместное расследование Министерства юстиции США и правоохранительных органов 10 латиноамериканских стран в отношении бразильской строительной компании "Odebrecht". В рамках него было раскрыто, что указанная компания на протяжении последних 20 лет для получения особых преимуществ по государственным контрактам систематически давала взятки действующим президентам, бывшим президентам и крупным правительственным чиновникам 12 государств (Ангола, Аргентина, Колумбия, Эквадор, США, Гватемала, Мексика, Мозамбик, Панама, Перу, Доминиканская Республика и Венесуэла). Особый общественный резонанс дело Одебрехта вызвало именно в Латинской Америке.

¹⁷ GANAR SIN COMPETIR. América Latina, región de carteles — Connectas. URL: <https://www.connectas.org/especiales/america-latina-region-de-carteles/ganar-sin-competir.html>

¹⁸ В частности, его обвиняли в том, что, будучи главой Аргентины, он помогал своим семейным предприятиям выигрывать крупные тендеры, объявленные государственными компаниями. Las 4 causas de corrupción que enfrenta Macri por presuntamente beneficiar a sus empresas. URL: <https://www.sinalohoy.com.mx/porta/las-4-causas-de-corrupcion-que-enfrenta-macri-por-presuntamente-beneficiar-a-sus-empresas/> (дата обращения: 26.12.2020).

народом¹⁹. В этом контексте манифестации продемонстрировали усталость и разочарование чилийцев как в левых, так и в правых режимах. Призывы к достижению большего социального равенства и обеспечению единообразного применения законодательства — вот главные маркеры протестов. Они звучали и в других крупных социальных выступлениях: и в протестах, приведших к отставке трёх президентов Эквадора в период 1997–2005 годов, и в студенческих манифестациях, прошедших в Чили в 2006 году, а также в 2011–2013 годах. Г. Негретто отмечает, что пока эти проблемы не будут устранены путём институционально-правовых преобразований, они останутся детонатором социальных взрывов во многих странах Латинской Америки²⁰. Для их решения необходимо прежде всего устранить оторванность политических элит от жизни широких масс и создать работающие механизмы выражения интересов различных социальных групп.

Во времена замедления экономического роста коррупция и злоупотребление властью воспринимаются как провокация, как сговор экономических и политических элит, а глобализация выступает надёжным подспорьем сложившегося порядка подчинения. В этой связи манифестанты выдвигали требования о радикальной смене старой системы на новую, которая позволила бы устранить первопричины социально-экономических проблем. При этом все политические объединения, общественные организации, союзы и ассоциации, в которых просматривалась партийная идеология, оценивались как составные части старого механизма и потому не внушали доверия [Ventura, Billion 2020]. Подобное отношение объясняет тот факт, что протесты проходили не на фоне борьбы между левыми и правыми, ставшей уже традиционной для Латинской Америки, а преследовали конкрет-

ную цель — *коренную социально-политическую трансформацию*.

Оглядываясь на историю Латинской Америки, обращаешь внимание на то, что идеи авторитаризма, в сущности, никогда не покидали этот регион. После борьбы за освобождение от колониального владычества 26 декабря 1825 г. Симон Боливар был назначен пожизненным президентом Перу. При этом он не скрывал желания одновременно стать главой и Великой Колумбии. Последующие латиноамериканские лидеры нередко пытались последовать его примеру и заполучить статус пожизненного руководителя своей страны.

В XXI веке в Латинской Америке имелось немало примеров президентов, которые не собирались оставлять свои посты, несмотря на фундаментальный для демократических государств принцип сменяемости власти. В первую очередь это касается Венесуэлы, где сначала Уго Чавес (1999–2002, 2002–2013), а затем его преемник Николас Мадуро (с 2013) в общей сложности находятся у власти уже более двадцати лет. Другим ярким примером является супружеская пара Даниэля Ортеги и Розарио Мурильо (1985–1990, 2007 – н.в.). Эта чета планирует оставаться у власти до 2022 года — дольше, чем кто-либо из президентов, возглавлявших Никарагуа. Характерным примером является Куба, бразды правления которой с 1959 г. находились в руках Фиделя и Рауля Кастро и лишь в 2018 г. перешли к Мигелю Диасу-Канелю. Подобная тенденция не обошла стороной и Аргентину — к власти вновь пришло семейство Фернандес де Киршнер, которое возглавляло эту страну в период 2003–2015 годов. С 2019 г. страну возглавил Альберто Фернандес (2019 – н.в.), политик, который уже ранее возглавлял правительство Аргентины при президентах Несторе Киршнере и Кристине Киршнер.

В Латинской Америке в середине второго десятилетия XXI века всё более очевид-

¹⁹ Negretto G. Desigualdad, ciudadanía sin voz y disidencia social en América Latina // NEXOS. 28 Octubre, 2019. URL: <https://www.nexos.com.mx/?p=45407> (дата обращения: 26.09.2020).

²⁰ Ibidem.

ным становилось снижение доверия населения к власти. Рост недовольства уже прочно закрепившимся в регионе «дефицитом демократии» начал нарастать с начала нового тысячелетия [Levitsky 2018]. Согласно данным главного в Латинской Америке ежегодного опроса общественного мнения *Latinobarómetro*, в 2019 г. 75% латиноамериканцев считали, что действующие правительства не защищали интересы большинства, действуя исключительно в угоду узкой группе приближённых к власти; лишь 5% населения региона признали наличие демократического политического режима; 45% респондентов заявили о несоблюдении демократических принципов действующими властями; 12% — признали отсутствие демократии в жизни стран Латинской Америки²¹.

Президент **Боливии** Эво Моралес (2006–2019) находился у власти почти 14 лет, в том числе даже после того, как в 2016 г. по итогам референдума боливийский народ отказал ему в праве в очередной раз избираться на этот пост. В 2019 г. Моралес снова решил поучаствовать во всеобщих выборах²². Несмотря на то что подсчёт голосов проходил с явными нарушениями, Моралес в очередной раз одержал победу с перевесом в чуть более чем 10% голосов. Акции протеста с требованием его отставки начались в Боливии сразу же после оглашения результатов выборов и продолжались непрерывно в течение трёх недель²³.

Фальсификация президентских выборов, которую признала даже Организация американских государств (ОАГ), привела к тому, что люди вышли на улицы во всех крупных городах страны²⁴. Кроме того, нарушение принципов выборной демократии, свободных и справедливых выборов объединило как представителей среднего класса, так и бедные слои общества — тех, кто обычно не является активными участниками политической жизни.

Согласно российскому исследователю А. Чернышёву, заметную роль в организации протестов сыграли надклассовые непартийные организации (региональные гражданские комитеты), которые смогли объединить идеологически разделённую страну в борьбе за демократию [Чернышёв 2020]. При этом оппозиционные силы лишь умело воспользовались сложившейся ситуацией. Важными причинами, приведшими к отставке Моралеса, стало и изменение позиции руководства вооружённых сил Боливии, выступившего на стороне манифестантов, а также поддержка сотрудников полиции, примкнувших к акциям протеста. Участие полицейских на стороне протестующих подтверждает всеобщий характер проблем, которые так и не были решены за годы правления Моралеса. В частности, полицейские так и не дождались обещанных им повышения заработной платы и обеспечения мер социальной поддержки. Всё это позволяет говорить

²¹ Según el canciller José Valencia "la actuación policial durante las protestas fue medida. El Mercurio, 12.11.2019. URL: <https://www2.elmercurio.com.ec/2019/11/04/segun-el-canciller-jose-valencia-la-actuacion-policial-durante-las-protestas-fue-mesurada/> (дата обращения: 11.12.2019).

²² В 2016 г. на референдуме большинство боливийцев (более 50%) не согласилось с поправками в основной закон, которые позволили бы президенту переизбираться на четвёртый срок подряд.

Несмотря на это, в 2017 г. Конституционный суд Боливии, состоявший преимущественно из сторонников Э. Моралеса, помог ему обойти итоги референдума. Было объявлено, что лимит в виде двух президентских сроков ограничивает права человека и право боливийского народа на выбор, сославшись на Американскую конвенцию о правах человека. Это решение вызвало широкое недовольство населения, а Моралес пообещал, что не будет баллотироваться в 2019 г.

²³ Los resultados en Bolivia cuestionan la tesis del fraude electoral de 2019 y legitiman a Evo Morales. URL: <https://elpais.com/internacional/2020-10-19/los-resultados-en-bolivia-cuestionan-la-tesis-del-fraude-electoral-de-2019-y-legitiman-a-evo-morales.html> (дата обращения: 22.09.2020); Protestas y graves altercados tras el "fraude electoral escandaloso" en Bolivia. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2019/10/22/5dae857dfc6c838c668b4645.html> (дата обращения: 22.09.2020).

²⁴ OEA. INFORME FINAL — Análisis de Integridad Electoral. Elecciones Generales en el Estado Plurinacional de Bolivia. URS: <http://www.oas.org/es/sap/deco/Informe-Bolivia-2019/> (дата обращения: 22.12.2020).

о том, что именно общественный запрос на обновление дискурса совместно с фактом грубого и бесцеремонного нарушения принципа сменяемости власти стали мощнейшими катализаторами общенациональных протестов в Боливии²⁵.

З

Активное развитие информационных технологий оказывает всё большее влияние как на политику, так и на формирование взглядов и мнений в обществе — в особенности у представителей молодого поколения. В прошедших протестных акциях наиболее ярко проявился новый глобальный феномен — социальные сети (*Twitter*, *Instagram*, *Facebook* и *WhatsApp*) помогли всего за несколько часов мобилизовать и объединить сотни тысяч людей для массовых выступлений. Несмотря на то что Латинская Америка заметно отстаёт по уровню внедрения информационных технологий, цифровой трансформации и цифровизации от западных стран, показатель проникновения Интернета в этом регионе достаточно высокий: к нему имеет доступ более 70% населения в регионе [Kosévich 2020].

На Гаити массовые акции протеста против политики президента Жовенеля Моиза проходили подлозунгами «Вызов PetroCaribe» (англ. «PetroCaribe challenge»)²⁶. Между тем хештер²⁷ #LaMarchaMasGrandeDeChile (исп. «Самая большая манифестация в Чили»), созданный анонимным пользователем,

был использован в *Twitter* свыше 2 млн раз, собрав за один день на протестные акции в центре Сантьяго более 1,2 млн человек, а также сотни тысяч в других крупных городах страны²⁸. Эти примеры стали подтверждением того, что к началу третьего десятилетия XXI века массовые манифестации — одно из последствий новой *глобальной информационно-коммуникационной среды*. В глобальном масштабе большинство современных акций протеста набирают силу именно благодаря новым технологиям. В рамках Латинской Америки и Карибского бассейна государственные власти пока не нашли способов обеспечить безопасное развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также методов контроля интернет-трафика [Kosévich 2020]. В странах этого региона Интернет и социальные сети, а также повсеместное использование мобильных телефонов позволяют с успехом обходить попытки введения тотального контроля и цензуры. Более того, официальные пресс-релизы государственных структур вынуждены конкурировать в популярных социальных сетях с нескончаемым потоком видео, фотографий и новостей, способных опровергнуть их, выставляя наружу тёмную сторону политической жизни. Когда в информационном пространстве доверие и легитимность постоянно подрываются, управлять обществом становится сложнее.

²⁵ Política Exterior. Agenda Exterior: inestabilidad en América Latina [Electronic source]. 12.11.2019. URL: <https://www.politicaexterior.com/agenda-exterior-inestabilidad-america-latina/> (дата обращения: 22.09.2020).

²⁶ Слоган «PetroCaribe challenge», молниеносно распространившийся в социальных сетях, возник из сообщения, опубликованного в *Twitter*, в котором на креольском языке спрашивалось: «Где деньги PetroCaribe?», а также предлагалось объединить граждан Гаити для того, чтобы выйти на улицы городов и начать совместно искать проекты, которые финансировались за счёт средств PetroCaribe. См.: Protestas en Haití: "PetroCaribe challenge", el reto viral que impulsó las últimas movilizaciones masivas contra el presidente Moïse. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-48711839> (дата обращения: 22.12.2020).

²⁷ Хештер (англ. hashtag) — ключевое слово или несколько слов, которые используются для распределения сообщений по темам в социальных сетях и микроблогах и начинаются со знака решётки.

²⁸ Protestas en Chile: la histórica marcha de más de un millón de personas que tomó las calles de Santiago. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50190029> (дата обращения: 22.12.2020); Las redes sociales y sus "hashtags" detrás de un Chile explosivo. URL: <https://elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/protestas-en-chile-las-redes-sociales-y-sus-hashtags-detras-de-un-pais-explosivo-la-marcha-mas-grande-de-chile-sebastian-pinera-noticia/> (дата обращения: 22.12.2020).

Таким образом, важными особенностями протестной волны осени 2019 г. по сравнению с акциями, которые проходили в этом регионе в XX веке, стали отсутствие официальной цензуры и новые цифровые технологии, позволившие объединить население для протеста, молниеносно подключая всех недовольных. При этом ответные действия правительств на манифестации строились по традиционной модели: власти прибегли к проверенному методу — репрессиям, — которые в этот раз не возымели ожидаемого действия — страха. Жёсткий ответ элит на социальные протесты нажал на болевые точки исторической памяти латиноамериканцев, спровоцировав мгновенную и резкую реакцию общества. При этом обсуждения, критика и негодование по поводу происходящего переместились в новую информационную плоскость, которая оказалась неконтролируемой властями и потому самостоятельной. Подливая масла в огонь общественного возмущения, комментарии и хештеги фактически заняли место невидимых предводителей протестов, характеризовавшихся отсутствием публичных лидеров, а также преимущественно молодёжной базой.

В частности, гибель во время массовых манифестаций в Колумбии Дилана Круза, 18-летнего школьника, стала символом чрезмерного применения силы со стороны органов государственной власти. При этом не только в Колумбии, но и в рамках всего региона. Причиной смерти подростка послужил выстрел в голову, произведённый

сотрудником Антимятежного мобильного эскадрона (Escuadrón Móvil Antidisturbios, ESMAD)²⁹, специального подразделения национальной полиции Колумбии, что стало отдельной горячей темой для обсуждений и комментариев в сети³⁰. Подавляющее большинство публикаций в социальных медиа с мест событий протестных акций сопровождалось слоганом *despertó* (исп.: проснулся/проснулась), тем самым подчёркивая солидарность с манифестантами в различных странах Латинской Америки³¹. Это заставляет по-новому взглянуть на угрозу реализации «эффекта домино» в регионе, а именно на высокую вероятность того, что изменения государственного строя в одной латиноамериканской стране способны повлечь за собой линейный ряд изменений в других странах, спровоцировав коренную трансформацию политической и идеологической карты региона [La unidad de América 1999, Aínsa 1999].

4

Протестные выступления в отдельных латиноамериканских странах схожи тем, что они постепенно трансформировались в общественные движения, приобретая заострённый политический характер. В частности, чилийцы продолжили манифестации, несмотря на извинения, принесённые руководством страны, и обещания замены устаревшей Конституции³². Кроме того, протестные марши во всех странах сопровождались актами гражданского неповиновения: был сожжён танк вооружённых сил на въезде

²⁹ Антимятежный мобильный эскадрон (El Escuadrón Móvil Antidisturbios, ESMAD) — специальное подразделение национальной полиции Колумбии, которое было создано в 1999 году, главными задачами которого является восстановление общественного порядка и обеспечение безопасности населения. С момента создания это подразделение неоднократно подвергалось критике за неоправданную жестокость сотрудников, а также применение агрессивной тактики при разгоне общественных манифестаций, уже приведших к гибели нескольких мирных жителей.

³⁰ Conmoción en Colombia por la muerte de un estudiante durante las protestas. URL: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20191126/471875199586/dilan-cruz-colombia-muerte-estudiante-protestas.html> (дата обращения: 22.12.2020).

³¹ В конце 2019 г. самыми популярными хештегами среди латиноамериканских пользователей соцсетей были «Чили Проснулась» (*#chiledesperto*), «Колумбия проснулась» (*#colombiadesperto*), «Эквадор проснулся» *#ecuadordesperto*.

³² Protestas en Chile: Piñera pide perdón “por la falta de visión” y anuncia una amplia agenda social de reformas. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50148380>. (дата обращения: 22.12.2020).

в Кито, а чилийцы и колумбийцы громили офисы, станции метро и автобусы³³. Акции стали подтверждением того, что население Латинской Америки больше не доверяет мирным способам выражения недовольства: основной формой протестов стали именно массовые беспорядки с применением насилия, превратив улицы в арену социальных мобилизаций с порчей имущества в общественных местах (в основном погромы и нанесение граффити).

Похожи и участники протестов: главными героями демонстраций, которые организовывались преимущественно через социальные сети, стали горожане, не связанные ни с партийными организациями, ни с профсоюзами. Специалист по общественным движениям А. Ли Мраз Бартра разделила основную массу участников осенних событий на три основные группы: феминистские объединения и представители ЛГБТ-сообщества, защитники природы и антиэкстрактивисты, а также те, кто выступают за доступ широких масс к качественному образованию³⁴.

Ещё одна особенность рассматриваемых событий — активное участие различных социально-демографических групп населения: в Эквадоре главными активистами были представители коренного населения, в Боливии, Чили и Колумбии — молодёжь. При этом к протестам присоединился средний класс, один из наиболее пострадавших от неэффективной экономической политики латиноамериканских правительств и потому готовый рисковать всем. Общим было и то, что латиноамериканские руководители крайне жестоко отреагировали на народные выступления: во всех странах акции

сопровождались насильственными методами в отношении протестующих со стороны правительственных сил, что нанесло ущерб целостности обществ. Например, по данным чилийского Национального института прав человека (Instituto Nacional de Derechos Humanos, INDH)³⁵, в ходе разгона манифестаций в Чили было арестовано 5012 человек, пострадали 1708, а убиты 22 (смерть наступила вследствие действий государственных агентов), а массовые протесты, продлившиеся в Эквадоре 10 дней, привели к гибели 11 человек, 1340 раненым и 1190 арестованным³⁶.

Перечисленные сходства означают прежде всего то, что главный источник кризиса протестующие в разных латиноамериканских странах видели в «происках» внутренних врагов, разочаровавшись в возможности мирных конституционных способов реформирования общества. Участие различных слоёв населения свидетельствует о неверии латиноамериканцев в социальные гарантии государства, в свободное развитие разнообразных классовых, этнических и иных интересов. Всё это подтверждает то, что в Латинской Америке с каждым годом увеличивается не только разрыв между богатыми и бедными, о котором говорилось выше, но и разрыв между государством и обществом. И это имеет принципиальное значение для понимания того, как будет в ближайшей перспективе развиваться политически и идеологически этот регион и способна ли измениться роль политических партий, которые должны первенствовать в процессе формирования механизмов прочного гражданского мира.

³³ Reporte. INDIGO. La revuelta de América Latina ante la crisis. URL: <https://www.reporteindigo.com/reportes/la-revuelta-de-america-latina-protestas-crisis-economica-gobiernos-hartazgo/> (дата обращения: 13.12.2020).

³⁴ La revuelta de América Latina ante la crisis. URL: <https://www.reporteindigo.com/reportes/la-revuelta-de-america-latina-protestas-crisis-economica-gobiernos-hartazgo/> (дата обращения: 13.05.2019).

³⁵ Национальный институт прав человека (Instituto Nacional de Derechos Humanos, INDH) — является автономной публичной организацией, созданной в 2005 г. для поощрения и защиты прав всех жителей Чили.

³⁶ Piñera: "Reconozco la falta de visión y le pido perdón a mis compatriotas". CBA 24, 22.11.2019. URL: <https://www.cba24n.com.ar/pinera-reconozco-la-falta-de-vision-y-le-pido-perdon-a-mis-compatriotas/> (дата обращения: 15.11.2019).

* * *

Причины современных протестных движений в латиноамериканских странах более не связаны с традиционной борьбой правых партий против левых, как это было в XX веке. Общей чертой событий, происходящих сегодня в Латинской Америке, стало то, что манифестанты уже не требуют отставки действующего правительства с целью его замены другим, более подходящим. Латиноамериканцы хотят добиться того, чтобы государство обеспечило своим гражданам достойный уровень жизни, гарантировало качественное образование и здравоохранение, а также снизили уровень неравенства. Они хотят видеть лидеров, которые выполняют предвыборные обещания, уважают верховенство закона и демократические принципы.

Политика латиноамериканских властей, традиционно вращающаяся вокруг проблем экономического характера, развития и глобализации, в итоге так и не смогла удовлетворить запросы нового восходящего общественного слоя, которые добавились к потребностям уже привычных бедных слоев населения. Финансовая, политическая и интеллектуальная элита Латинской Америки оказалась не в состоянии понимать и контролировать то, что происходит в обществе, ставя население перед необходимостью силой отстаивать свои права. Это ещё более ослабляет социальную сплочённость, предоставляя возможности как для новых, так и для старых

популистов, а также для последователей авторитарной модели, готовых стереть правовое государство под эгидой обеспечения порядка и стабильности, тем самым ещё больше обостряя региональную политическую поляризацию.

Социально-психологический климат в латиноамериканских странах радикально изменился. Массовые протесты могут вспыхнуть вновь при малейшей провокации, при малейшем промахе властей, которые не в силах контролировать новую, непривычную и малоуправляемую информационную среду, посредством которой накапливающееся недовольство молниеносно выплёскивается на улицы. Сложившаяся ситуация отягощается тем, что весной 2020 г. Латинская Америка столкнулась с пандемией COVID-19, которая, незамедлительно сказавшись на экономике стран региона, стала мощным катализатором роста напряжённости в обществе. Стремительно увеличивающиеся масштабы заражения вирусом, а также нарастающее ощущение глобальной неопределённости именно в Латинской Америке наложились на недовольство населения экономической и социальной политикой властей. Для подавляющей части лидеров, чьи рейтинги популярности ещё до начала эпидемии опустились до рекордно низкого уровня, новые обстоятельства стали ещё одной серьёзной проверкой на прочность действующих режимов, к которой многие из них оказались не готовы.

Список литературы

- Будаев А.В. «Латиноамериканская весна — 2019». Кризис неолиберальной модели развития // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 31–41.
- Дьякова Л.В. Новые явления в политической жизни Чили // Иberoамериканские тетради. 2019. № 3. С. 12–15.
- Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чём смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 8–21.
- Косевич Е.Ю. Мексика в системе геополитических координат начала XXI века. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 312 с.
- Чернышёв А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 22–32.
- Aínsa F. La unidad de América Latina como utopía // La reconstrucción de la utopía. México: Librería El Correo de la Unesco, 1999. P. 187–208.
- Allain M. Conflictos y protestas socio-ambientales en Chile: Reflexiones metodológicas y resultados. Revista De Sociología. 2019. Vol. 34. No. 1. P. 81–101. <https://doi.org/10.5354/0719-529X.2019.54271>

- Bárcena A., Cimoli M., García-Buchaca R., Titelman D., Pérez R.* Estudio Económico de América Latina y el Caribe 2019. El nuevo contexto financiero mundial: efectos y mecanismos de transmisión en la región/ NU. CEPAL. Julio-2019. LC/PUB.2019/12-P. 243 p.
- Díaz E., Delia I. López.* Che: aspectos de su pensamiento ético // En *Pensar al Che*, t. II, Centro de Estudios sobre América y Editorial José Martí, La Habana, 1989. P. 135–195.
- Durand L., Nygren A., Vega-Leinert A., Figueroa F., Caro-Borrero A., Trench T., Libert Amico A., Hecken G., Merlet P., Lindtner M., Bastiaensen J., Orozco C., Tejeda L., Rist S., Rodríguez-Labajos B., Clausen P., Guzmán K., Torrent J., Saaristo S.-M., Núñez J., Roux H.* Naturaleza y neoliberalismo en América Latina. Cuernavaca: D. R. Universidad Nacional Autónoma de México, 2019. 570 p.
- Esmeralda J.* Protestas En Chile. Universidad San Francisco De Quito, 2020. 10 p.
- Hernández J.L.G.* “Volvieron y son millones”. Protestas sociales ante la nueva embestida del FMI en Ecuador. Desinformémonos, Medio Digital, 2019. URL: https://www.academia.edu/43152149/_Volvieron_y_son_millones_Protestas_sociales_ante_la_nueva_embestida_del_FMI_en_Ecuador
- Hochstetler K.* Rethinking Presidentialism: Challenges and Presidential Falls in South America // *Comparative Politics*. 2006. Vol. 38. No. 4. P. 401–418.
- Hochstetler K., Edwards M.E.* Failed Presidencies: Identifying and Explaining a South America Anomaly // *Journal of Politics in Latin America*. 2009. Vol. 1. No. 2. P. 31–57.
- Kim Hun Y., Bahry D.* Interrupted Presidencies in Third Wave Democracies // *The Journal of Politics*. 2008. Vol. 70. No. 3. P. 807–822.
- Kosévich E.Yu.* Estrategias de seguridad cibernética en los países de América Latina // *Iberoamérica*. 2020. No. 1. P. 137–159.
- Levitsky S., Ziblatt D.* How Democracies Die. New York: Crown, NDR Kultur Sachbuchpreis, 2018. 320 p.
- Marín Vargas G., Muñoz R.* La encrucijada de la izquierda latinoamericana: tres dimensiones de una crisis. NUSO. OPINIÓN. DICIEMBRE 2016. URL: <https://nuso.org/articulo/la-encrucijada-de-la-izquierda-latinoamericana-tres-dimensiones-de-una-crisis/> (accessed: 22.12.2020).
- Neoliberalismo en América Latina. Crisis, tendencias y Alternativas / Coordinado por Luis Rojas Villagra. 1ª ed. Asunción: CLACSO, 2015. 316 p.
- OECD et al.* Latin American Economic Outlook 2019: Development in Transition. Paris: OECD Publishing, 2019. 234 p.
- OCDE et al.* Perspectivas económicas de América Latina 2019: desarrollo en transición. Paris: OECD Publishing, 2019. 252 p.
- OCDE/CAF/CEPAL.* Perspectivas económicas de América Latina 2018: Repensando las instituciones para el desarrollo. Éditions. París: OCDE, 2018. <http://dx.doi.org/10.1787/leo-2018-es>
- Pérez-Liñán A.* Presidential Crises and Democratic Accountability in Latin America, 1990-1999 // *What Justice? Whose Justice: Fighting for Fairness in Latin America* / ed. by S.E. Eckstein, T.P. Wickham-Crowley. Berkeley: Berkeley University of California Press, 2003. P. 98–132.
- Revilla M.* Ciudadanía y acción colectiva en América Latina. Tendencias recientes // *Estudios Políticos*. 2005. No. 27. P. 29–41.
- Stokes S.C.* Mandates and Democracy: Neoliberalism by Surprise in Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 220 p.
- Valenzuela A.* Latin American Presidencies Interrupted. *Journal of Democracy*. 15(4). 2004. P. 5–19.
- Ventura C., Billion D.* ¿Por qué protesta tanta gente a la vez? // NUSO. 2020. No. 286. URL: <https://nuso.org/articulo-por-que-protesta-tanta-gente-la-vez/> (дата обращения: 29.09.2020).
- Wise C., Roett R., Paz G.* Post-Stabilization Politics in Latin America: Competition, Transition, Collapse. Washington, DC: Brookings Institution, 2003. 306 p.
- Yasunaga K.M.* La desigualdad y la inestabilidad política en América Latina: las protestas en Ecuador, Chile y Colombia. Documento de Opinión IEEE 22/2020. P. 1–17.
- Zambrano R.E.R.* Periodismo, redes sociales y protestas en América Latina. La Revista, 2020. URL: https://www.academia.edu/42713089/Periodismo_redes_sociales_y_protestas_en_Am%C3%A9rica_Latina
- Zibechi R.* Los movimientos sociales latinoamericanos: desafíos y tendencias // *Revista del osal*. No. 9. 2003. P. 185–188.

MULTIPLE SOURCES OF PROTEST MOVEMENTS IN LATIN AMERICA

AN ATTEMPT IN TYPOLOGY*

EKATERINA KOSEVICH

HSE University, Moscow 101000, Russian Federation

Abstract

Social outbreaks which have been characteristic of the political landscape of Latin America throughout the course of history of this region, reached their peak in the late 90s of the 20th century and the beginning of the 21st century. It can be argued without exaggeration that a special culture of mass protests has already formed in this part of the world. It functions as an independent “pressure mechanism” aimed at expanding rights and reducing historical injustice. In the fall of 2019 Latin America became the epicenter of social protests. Residents of the highest income inequality region of the world ceased restraining their discontent. It turned out to be impossible for the state authorities to react to such indignation by the usual repressive methods, thus they were forced to listen to society demands. In just a few months, Haiti, Ecuador, Chile, Bolivia were caught in a massive political crisis which was marked by massive street demonstrations. Gradually, a wave of public discontent swept over countries such as Colombia and Argentina. Although the root causes of these events in each country were different, several general trends stand out in all the chaos that is happening in Latin America. These trends can be traced in all foci of instability that broke out almost simultaneously in several countries of the region. This paper attempts to analyze the main factors that led to such widespread unrest. The goal of this analysis is to reveal the unresolved problems of the region. The author identifies the main reasons that together caused social explosions, and presents them in the form of a hierarchical pyramid: from the underlying economic instability, the crisis of the neoliberal development model, social inequality; the weakening of the political system and corruption, that are situated in the middle; until the very top of the pyramid – the “democracy deficit” and the influence of social networks. In this context, I divided the article into 4 thematic blocks, which will allow a systematic review of the most important causes that set a chain reaction in motion of protest activities, as well as an assessment of the further development of the socio-political situation in Latin America. A combination of regional and country approaches were applied in this paper to the phenomenon under study.

Keywords:

mass protests; Latin America; Ecuador; Chile; Bolivia; economic crisis; inequality; corruption.

References

- Aínsa F. (1999). La unidad de América Latina como utopía [The unity of Latin America as a utopia]. In: *La reconstrucción de la utopía*. México: Librería El Correo de la Unesco. P. 187–208.
- Allain M. (2019). Conflictos y protestas socio-ambientales en Chile: Reflexiones metodológicas y resultados. *Revista De Sociología*. Vol. 34. No. 1. P. 81–101. <https://doi.org/10.5354/0719-529X.2019.54271>
- Bárcena A., Cimoli M., García-Buchaca R., Titelman D., Pérez R. (2019). *Estudio Económico de América Latina y el Caribe 2019. El nuevo contexto financiero mundial: efectos y mecanismos de transmisión en la región* [Economic Survey of Latin America and the Caribbean 2019. The new global financial context: effects and transmission mechanisms in the region]. NU. CEPAL. LC/PUB.2019/12-P. 243 p.
- Budaev A. (2020). “Latinoamerikanskaya vesna – 2019”. Krizis neoliberal'noy modeli razvitiya [“The Latin American Spring – 2019”. Crisis of the Neoliberal Model of Development]. *Latinskaya Amerika*. No. 6. P. 31–41.
- Chernyshev A. (2020). Postelektoral'nyy krizis 2019 g. v Bolivi: regional'nyy faktor i rol' silovyykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: the regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*. No. 1. P. 22–32.

* Support from the Individual Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

- Díaz E., Delia I. López (1989). Che: aspectos de su pensamiento ético. In: *Pensar al Che*, t. II, Centro de Estudios sobre América y Editorial José Martí, La Habana. P. 135–195.
- Diyakova L.V. (2019). Novyye yavleniya v politicheskoy zhizni Chili [New phenomena and trends in Chilean politics]. *Iberoamericanskije tetradi*. No. 3. P. 12–15.
- Durand L., Nygren A., Vega-Leinert A., Figueroa F., Caro-Borrero A., Trench T., Libert Amico A., Hecken G., Merlet P., Lindtner M., Bastiaensen J., Orozco C., Tejeda L., Rist S., Rodríguez-Labajos B., Clausning P., Guzmán K., Torrent J., Saaristo S.-M., Núñez J., Roux H. (2019). *Naturaleza y neoliberalismo en América Latina* [Nature and neoliberalism in Latin America.]. D. R. Universidad Nacional Autónoma de México. 570 p.
- Esmeralda J. (2020). *Protestas En Chile*. Universidad San Francisco De Quito. 10 p.
- Hernández J. L. G. (2019). “Volvieron y son millones”. *Protestas sociales ante la nueva embestida del FMI en Ecuador*. Desinformémonos, Medio Digital. URL: https://www.academia.edu/43152149/_Volvieron_y_son_millones_Protestas_sociales_ante_la_nueva_embestida_del_FMI_en_Ecuador
- Hochstetler K. (2006). Rethinking Presidentialism: Challenges and Presidential Falls in South America. *Comparative Politics*. Vol. 38. No. 4. P. 401–418.
- Hochstetler K., Edwards M. E. (2009). Failed Presidencies: Identifying and Explaining a South America Anomaly. *Journal of Politics in Latin America*. Vol. 1. No. 2. P. 31–57.
- Kim Hun Y., Bahry D. (2008). Interrupted Presidencies in Third Wave Democracies. *The Journal of Politics*. Vol. 70. No. 3. P. 807–822.
- Kosevich E. Yu. (2020). *Meksika v sisteme geopoliticheskikh koordinat nachala XXI veka* [Mexico in the System of Geopolitical Coordinates of the Beginning of the 21st century]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Historia. 312 p.
- Kosévich E.Yu. (2020). Estrategias de seguridad cibernética en los países de América Latina [Cybersecurity strategies in Latin American countries]. *Iberoamérica*. No. 1. P. 137–159.
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018). *How Democracies Die*. New York: Crown. NDR Kultur Sachbuchpreis. 320 p.
- Marín Vargas G., Muñoz R. (2016). *La encrucijada de la izquierda latinoamericana: tres dimensiones de una crisis*. NUSO. OPINIÓN. 2016. URL: <https://nuso.org/articulo/la-encrucijada-de-la-izquierda-latinoamericana-tres-dimensiones-de-una-crisis/> (accessed: 22.12.2020).
- OECD et al. (2019). *Latin American Economic Outlook 2019: Development in Transition*. Paris: OECD Publishing. 234 p.
- OCDE et al. (2019). *Perspectivas económicas de América Latina 2019: desarrollo en transición* [Latin American Economic Outlook 2019: Development in Transition]. Paris: OECD Publishing. 252 p.
- OCDE/CAF/CEPAL. (2018). *Perspectivas económicas de América Latina 2018: Repensando las instituciones para el Desarrollo*. Éditions OCDE, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/leo-2018-es>
- Okuneva L. (2020). Latinskaya Amerika prishla v dvizheniye: v chem smysl sotsial'nykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America Has Set in Motion: What Is the Meaning of Social Protests in October 2019?]. *Latinskaya Amerika*. No. 1. P. 8–21.
- Pérez-Liñán, A. (2003). Presidential Crises and Democratic Accountability in Latin America, 1990-1999. In: Eckstein S. E., Wickham-Crowley T. P. (eds.) *What Justice? Whose Justice: Fighting for Fairness in Latin America*. Berkeley: Berkeley University of California Press. P. 98–132.
- Revilla M. (2005). Ciudadanía y acción colectiva en América Latina. Tendencias recientes [Citizenship and collective action in Latin America. Recent trends]. *Estudios Políticos*. No 27. P. 29–41.
- Stokes S. C. (2001). *Mandates and Democracy: Neoliberalism by Surprise in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. 220 p.
- Valenzuela A. (2004). Latin American Presidencies Interrupted. *Journal of Democracy*. Vol. 15. No. 4. P. 5–19.
- Ventura C., Billion D. (2020) ¿Por qué protesta tanta gente a la vez? [Why are so many people protesting at the same time?]. *NUSO*. No. 286. Marzo – Abril. URL: <https://nuso.org/articulo/por-que-protesta-tanta-gente-la-vez/> (accessed: 29.09.2020).
- Villagra L. R. (ed.) (2015). *Neoliberalismo en América Latina. Crisis, tendencias y Alternativas*. Asunción: CLACSO. 316 p.
- Wise C., Roett R., Paz G. (2003). *Post-Stabilization Politics in Latin America: Competition, Transition, Collapse*. Washington, DC: Brookings Institution. 306 p.
- Yasunaga Kumano M. (2020). *La desigualdad y la inestabilidad política en América Latina: las protestas en Ecuador, Chile y Colombia* [Inequality and political instability in Latin America: protests in Ecuador, Chile and Colombia]. Documento de Opinión IIEE 22/2020: 1-17.
- Zambrano R. E. R. (2020). *Periodismo, redes sociales y protestas en América Latina*. La Revista. URL: https://www.academia.edu/42713089/Periodismo_redes_sociales_y_protestas_en_Am%C3%A9rica_Latina
- Zibechi R. (2003). Los movimientos sociales latinoamericanos: desafíos y tendencias [Latin American social movements: challenges and trends]. *Revista del osal*. No 9. P. 185–188.

МАРТА ФИННЕМОР

«НАМ НУЖНО БЫЛО УБЕДИТЬ КОЛЛЕГ, ЧТО КОНСТРУКТИВИЗМ ОБЛАДАЕТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ...»

Марта Финнемор относится к числу ведущих современных представителей американского конструктивизма. Одной из первых она стала обращать внимание на значение международного окружения в формировании представлений о приемлемых и желательных целях национальной политики. В 1990-х годах совместно с Кэтрин Сиккинк она стала одним из пионеров исследований эволюции международных норм.

В 2004 г. её труд *“The Purpose of Intervention”* был отмечен премией Вудро Вильсона, присуждаемой Американской ассоциацией политической науки. Другая книга, *“Rules for the World: International Organizations in Global Politics”*, которую Марта Финнемор написала совместно с Майклом Барнеттом в 2007 году, была признана Академическим советом Организации Объединённых Наций лучшей книгой о системе ООН. В настоящее время в фокусе её исследований находятся политические аспекты регулирования в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Марта Финнемор закончила бакалавриат в Гарварде, магистратуры в Университете

Сиднея и в Стэнфордском университете, защитив в последнем степень PhD. В настоящее время она занимает должность профессора политических наук и международных отношений в Университете Джорджа Вашингтона (США). Параллельно с активной научной и преподавательской работой профессор Финнемор состоит членом редакционной коллегии журнала *International Organization* — наиболее авторитетного издания по международным отношениям как по результатам опроса исследователей-международников, так и по библиометрическим показателям.

Первый заместитель главного редактора журнала «Международные процессы» Игорь Истомин встретился с профессором Финнемор в Москве осенью 2019 года. В ходе интервью он расспросил её о том, каким образом она пришла к конструктивизму, как новое теоретическое направление добивалось признания в академическом сообществе и каково современное состояние исследований влияния социальных представлений на международную политику.

В подготовке стенограммы и перевода интервью принимал участие И. Серов. В материале использована фотография Марты Финнемор, размещённая на её странице на сайте Университета Джорджа Вашингтона (<https://elliott.gwu.edu/martha-finnemore>).

И.И.: Профессор Финнемор, для начала расскажите, пожалуйста, о том, как Вы пришли в науку. Когда на рубеже 1980-х и 1990-х годов Вы начинали исследовательскую деятельность, в политологии господствовали теория рационального выбора и формальное моделирование, а главная разделительная линия проходила между неореализмом и неолиберализмом. Однако Вы нашли себя в кардинально другой части академического сообщества. Как Вы стали конструктивистом?

М.Ф.: Помнится, на втором курсе аспирантуры мы должны были написать большую научную работу. А перед поступлением мне довелось работать в Конгрессе США, занимаясь вопросами науки и научной политики. Я поступила в аспирантуру с намерением написать диссертацию по своей теме: каким образом научные эксперты ведут диалог с политиками и как это общение влияет на существующие политические стратегии.

При работе над большим исследованием второго курса учёбы я сформулировала исследовательский вопрос таким образом: при каких условиях различные страны основывают национальные научные фонды¹, такие как у нас в Соединённых Штатах (не знаю точно, как это устроено в России)? Когда страны решают, что им необходимо организовать, мобилизовать и контролировать науку для достижения государственных целей?

ЮНЕСКО собирает данные по этим вопросам. Обратившись к ним, я просмотрела все страны и определила, в каком году они основывали свои национальные научные структуры. Я сформулировала хорошую гипотезу в духе рационализма и реализма: страны занимаются созданием подобных структур в случае угрозы их безопасности — то есть наука им нужна для ведения войны. Или же такие организации могут

складываться в условиях индустриализации, когда государство пытается мобилизовать науку для экономического роста, чтобы стать богаче. Однако все эти гипотезы оказались неверны.

Я не обнаружила ни малейшей корреляции между формированием национальной научной бюрократии и какими-либо иными событиями в жизни государства. Я пришла к выводу, что основание научной бюрократии не было обусловлено национальными переменными, а происходило в подражание другим. Они создавались, особенно в развивающемся мире, в чрезвычайно короткий промежуток времени, причём даже тогда, когда в стране не было науки, которую нужно было регулировать.

К примеру, в Ботсване национальная научная организация была образована, когда по всей стране было только девять учёных. Они могли просто встречаться за обедом для обсуждения вопросов развития науки, не было необходимости в какой-то бюрократии. Именно это и натолкнуло меня на мысль: пожалуй, теории, которым меня учили, не могут объяснить вещи, которые я хочу понять.

В те времена факультет политических наук в Стэнфорде находился рядом с факультетом социологии. У них даже была общая столовая. Поэтому я подолгу беседовала с социологами, которые оказались очень приятными людьми и сразу разобрались в полученных мною результатах. Они сказали: «У нас есть подходящие теории. Мы думаем, мы понимаем, что происходит». И я заинтересовалась их теориями. В то самое время, когда я узнала о социологических исследованиях, такие конструктивисты, как Александр Вендт, Джон Рагги и Фредерик Кратковил, писали работы по политологии. Связь между их работами и социологией прослежива-

¹ Национальный научный фонд — государственное агентство США, финансирующее фундаментальные научные исследования; аналог РНФ и РФФИ.

² Александр Вендт (род. 1958) — профессор международных отношений Университета штата Огайо; Джон Г. Рагги (род. 1944) — профессор прав человека и международных отношений Школы управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета; Фредерик Кратковил (род. 1944) — профессор Центрального европейского университета.

лась довольно чёткая². Таким вот забавным образом неудача моего первоначального проекта и рационалистских гипотез побудила меня избрать этот путь для исследования.

И.И.: *А почему, как Вам кажется, конструктивизм как особая школа мысли сформировался именно в то время, в конце 1980-х – 1990-х годах?*

М.Ф.: Как я уже сказала на лекции³, на мой взгляд, это случилось во многом из-за неадекватности и провалов (или во всяком случае того, что воспринималось как провал) других научных подходов. Конец «холодной войны» стал самым важным политическим событием за период моей академической карьеры. Но существовавшие теории не могли объяснить его.

Если вы молодой исследователь, это очень удручает. Не только начинающие специалисты — все занимались поисками объяснений, поисками того, чего нам не хватает, что мы не понимаем. Поэтому, мне кажется, это большое событие, этот внешний шок повлиял на научную мысль. Он привёл к тому, что именитым теоретикам стало трудно защищать свои идеи.

Провалы предшествующей науки имели особенно сильное влияние на молодое поколение. Его представители стремятся создать себе репутацию, сделать имя, чтобы стать известными и признанными, для них открылись новые возможности. На мой взгляд, неудачи «старой гвардии» создали возможности для новых исследователей. В социологии нашей дисциплины (если мы можем мыслить такими категориями) конец «холодной войны» создал новую ситуацию, вынудив существующие теории защищать себя в тех аспектах, в которых их раньше едва ли можно было опспорить.

И.И.: *Мне кажется, есть небольшая нестыковка описания развития дисциплины и Вашего личного опыта. Вы ведь занимались*

деятельностью ЮНЕСКО в том числе в годы «холодной войны», а не только в контексте её завершения. Почему, как Вам кажется, никто ранее не обращал внимания на данные ЮНЕСКО? То же касается и Алекса Вендта — я не уверен, что в его статьях и книгах преобладают прямые отсылки к завершению «холодной войны». Многие конструктивисты не обращаются непосредственно к объяснению итогов «холодной войны».

М.Ф.: ЮНЕСКО — это была моя личная страсть и увлечение. Я думаю, что наука особенно никого не интересует. Это была тема, которая больше никого среди исследователей международных отношений не интересовала.

Отвечая на Ваш более широкий вопрос, скажу, что важны внешние обстоятельства. Во-первых, Вендт не был первым. Такие люди, как Джон Рагги, Фредерик Кратковил, Николас Онуф, писали о конструктивизме в 1980-х годах, до того, как «холодная война» закончилась. Но им было трудно привлечь внимание к своим идеям. Они были обороняющейся стороной в конце 1980-х, потому что реалисты говорили «мы можем всё это объяснить», «вы нам не нужны», для них это была «неясная, неинтересная и неважная теория». На мой взгляд, идеи конструктивизма не претерпели радикальных изменений собственно под влиянием окончания «холодной войны». Изменилось положение исследователей, их профессиональные позиции и то, как велась научная дискуссия. Изменения были больше связаны с профессиональными стимулами в нашей области, а не с содержанием идей как таковых. По крайней мере, я это интерпретирую таким образом.

И.И.: *И Ваша диссертация, и Ваша первая книга, равно как и значительная часть Ваших последующих работ, были посвящены объяснению того, как государства начинают хотеть того, чего они хотят. Что побудило Вас не только обратиться к этой теме, но и продолжить ей заниматься?*

³ В сентябре 2019 г. профессор Финнемор прочитала в МГИМО три лекции, посвящённые актуальным вопросам исследования международных норм.

М.Ф.: Когда я взялась за эту тему, меня интересовали исключительно наука и политика в области науки. Но после моего провалившегося большого эксперимента второго курса аспирантуры я начала беседовать с социологами, стала посещать занятия на социологическом факультете и поняла, что появившиеся идеи имеют более широкие приложения, не только к науке. Когда-то студенткой бакалавриата я изучала политическую философию. Многие социологические теории оказались тесно связаны с основными философскими понятиями, которые я осваивала как бакалавр. Эта взаимосвязь расширила мой кругозор, раскрыла во мне способность видеть новые возможности и побудила задуматься о постановке проблем.

Я поняла, что спектр вопросов, которые принято изучать в моей сфере исследований, чересчур узок. Исследования затрагивают совсем небольшую часть политики, а меня интересует гораздо более широкий анализ проблемы. Может быть, мне не стоило быть слишком смелой и идти на риск, но я была молодой, наивной и, наверное, неразумной, я не умела не рисковать — и рискнула. Думаю, это был большой риск, чем я тогда предполагала, но очень важно любить своё исследование. Иначе, проснувшись утром, вы не приступите к нему. Поэтому на меня действительно произвели большое впечатление и социологи, и конструктивисты.

Ещё одним важным обстоятельством стало то, что мой научный руководитель по диссертации Стивен Краснер подтолкнул меня к знакомству с ещё одним исследователем — Питером Катценштайном⁴. Более того, Краснер дал очень конкретный совет.

В тот момент я хотела представить своё исследование на конференции Американской ассоциации политической науки: для молодого учёного это хорошее место, где можно получить известность и показать свою работу специалистам. Но я не знала, как добиться, чтобы мой доклад приняли на конференции. Краснер сказал, что для этого лучший способ — не предложить индивидуальную работу, а организовать целую сессию. В таком случае организаторам будет проще, им не придётся искать другие доклады для вашей секции. Вы делаете эту работу за них. Вы уже сразу предлагаете пакет, прекрасно вписывающийся в график, что облегчает задачу организаторам конференции. Тогда я спросила Краснера: «К кому же мне обратиться? Никого не интересует моя тема». Краснер ответил, что это будет интересно Питеру Катценштайну. Я не знала Катценштайна, не знала, заинтересуется ли он моей темой, но связалась с ним, и он согласился принять участие в сессии и выступить дискуссанта. Катценштайн был очень авторитетным исследователем, отстаивающим конструктивистские идеи в международных отношениях, и его студенты тогда уже работали над проблемами, схожими с моей. Я этого не знала в отличие от моего научного руководителя. Со временем эта группа исследователей, включавшая Катценштайна, его студентов и таких исследователей, как я, опубликовала влиятельную книгу «Культура национальной безопасности»⁵. Эти специалисты стали крайне важными для меня. Внезапно у меня появились друзья-единомышленники, коллеги, работающие над моей темой, и был влиятельный специалист, представлявший нас в дисциплине.

⁴ Стивен Краснер (род. 1942) — профессор политологии Стэнфордского университета, в 2005–2007 годах — директор по планированию политики Государственного департамента США. В 2018 г. в журнале «Вестник МГИМО-Университета» вышло интервью профессора Краснера (см.: Краснер С. Наиболее важные вопросы в науке о международных отношениях сегодня — это традиционные вопросы сравнительной политологии // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6. С. 7–12. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-7-12). Питер Катценштайн (род. 1945) — профессор политологии Корнельского университета, президент Американской ассоциации политических наук в 2008–2009 годах.

⁵ The culture of national security: Norms and identity in world politics / ed. by P.J. Katzenstein. N.Y.: Columbia University Press, 1996. 562 p.

И.И.: *Примечательной особенностью Вашей книги «Национальные интересы в международном обществе» видится разнородность примеров, которые Вы исследуете. Они относятся к различным сферам, и многим исследователям в области международных отношений могут показаться неочевидными. Как Вы ищете подобные эмпирические случаи? Как Вы находите примеры для Ваших исследований?*

М.Ф.: В этом неловко признаться, но у меня нет очень хорошей системы поиска случаев для анализа. Первый исторический пример, который анализируется в книге, относился к теме моей диссертации. Мне нужно было опубликовать диссертацию в форме монографии, но я знала, что книга о научной политике не заинтересует широкую публику. Поэтому я пыталась найти случаи, которые позволят мне расширить целевую аудиторию. На мой взгляд, аргументы были крайне генерализируемыми, поэтому я хотела, чтобы большое число людей прочитали мою книгу.

Я постаралась выбрать различающиеся примеры для анализа. Я попыталась рассмотреть ситуацию из сферы политической экономии, чтобы заинтересовать тех, кто изучает экономику. На пример Всемирного банка я наткнулась, работая первый год в качестве преподавателя. Мне было поручено читать курс о международных организациях для бакалавров. До начала преподавания я ничего не знала о Всемирном банке, поэтому учебный процесс был для меня очень информативным, я многое узнала. Не знаю, можно ли то же самое сказать о моих студентах.

Что касается примера, связанного с деятельностью Красного Креста, то один из моих сокурсников был католическим священником, но тоже учился в аспирантуре. Он знал о Международном комитете Красного Креста и предположил, что это может стать хорошим эпизодом для изучения ситуации в сфере безопасности. Ваши сокурсники и коллеги часто могут дать прекрасный совет. Вы можете многое узнать от них.

И.И.: *Статья, посвящённая динамике международных норм, которую Вы опубликовали в соавторстве с Кэтрин Сиккинк в 1998 году, стала одной из самых цитируемых работ в дисциплине. Многие учёные признаются, что благодаря Вашему исследованию их восприятие норм изменилось. Как появилась модель «жизненного цикла» норм?*

М.Ф.: Думаю, здесь сыграли важную роль несколько обстоятельств. В первую очередь, исследование было опубликовано в специальном выпуске журнала *International Organization*. К своему пятидесятилетнему юбилею издание предложило трём прошлым редакторам подготовить этот номер. Эти три исследователя — Стивен Краснер, Роберт Кохейн⁶ и Питер Катценштайн — пригласили ряд специалистов представить свои рукописи. Это не была стандартная процедура подачи материалов в журнал.

Я сама не получила приглашение. Думаю, все, кого пригласили, имели постоянный контракт в своих университетах и имели больше заслуг, чем я. Но у Кэтрин (Сиккинк) такой контракт был, и её пригласили. Мы хорошо знали друг друга. В то время мы не раз дискутировали относительно основ конструктивистской теории. Меня очень интересовали бюрократические аппараты и социальные структуры. Она исследовала вопросы, связанные с правами человека, она много писала об агентах, нормативных активистах, таких как правозащитники. У нас возникла взаимная симпатия. Мы думали, что все эти утверждения об идеях и конструктивизме крайне интересны. Мы обе писали и публиковались по отдельности на эти темы, но мы не могли прийти к общему мнению, что важнее — действия агентов или структуры.

В результате когда они получила приглашение от *International Organization*, Кэтрин обратилась ко мне с предложением: «Не могли бы мы совместно провести исследование, в котором мы бы попытались объединить оба подхода и понять, как они согласуются друг с другом?» Статья

⁶ Роберт Кохейн (род. 1941) — профессор Принстонского университета.

о жизненном цикле норм стала результатом нашего стремления разобраться в проблеме. В нашей дисциплине работало не очень много женщин, и мы с Кэтрин стали близкими подругами, продолжали горячо спорить о нашей теме.

Она очень злилась, когда люди говорили, что всё определяется логикой соответствия, а агенты просто делают то, что правильно, уместно и принято. На это она отвечала: «Вовсе нет. Агенты, которыми я занимаюсь, осуществляют преобразования благодаря своему неподобающему поведению. Мои правозащитники пытаются воспрепятствовать устоявшемуся порядку вещей, подорвать его потому, что хотят чего-то другого». Я до сих пор вижу в нашей статье отражение тех баталий, которые мы вели.

И.И.: *Поколение конструктивистов 1990-х годов подвергалось критике со стороны последующих исследователей ввиду того, что предлагаемые модели были слишком статичными, слишком детерминистскими. Новые работы, посвящённые оспариванию норм, говорят о том, что нормы не настолько неизменны и постоянно подвергаются пересмотру. Что Вы думаете об этой критике?*

М.Ф.: Думаю, это справедливая критика. На мой взгляд, изменения происходят на двух уровнях. Первый — это изменения научных идей в дисциплине, изучающей международные отношения, а второй — перемены в идеях конструктивистов, которые работают в данной сфере. И они необязательно связаны. Теоретически, на уровне идей абсолютно верно, что ранние исследования были слишком сконцентрированы на статичном характере норм. На мой взгляд, причиной такой фокусировки стало то, что нам было необходимо убедить коллег в значимости конструктивизма как такового, в том, что аргументы о социальном конструкте в принципе обладают объяснительной силой. В то время в дисциплине доминировал структурализм, и а из иссле-

дователей — Кеннет Уолтц, который полностью был сосредоточен на структуре⁷.

Один из способов заинтересовать этих людей было сказать: «Да, структура значима, но это структура другого типа — это структура идей». Объясняя модель жизненного цикла норм, мы говорили о стратегическом социальном конструировании. По иронии судьбы, ранние конструктивисты занимались стратегическим социальным конструированием исследования международных отношений. Как мы, молодые учёные, можем переубедить наших более именитых коллег, которые притом ещё и очень влиятельны? Как побудить их принять новые идеи? Мы очень вдумчиво подходили к участию в научных спорах, да и к выбору тем исследований. Мы проводили только те исследования, которые, по нашему мнению, самым убедительным образом бросят прямой вызов влиятельным исследователям.

Думаю, что теперь, спустя несколько десятилетий после баталий прошлого, гораздо больше возможностей вернуться к теории и задать тот самый вопрос, который Вы сформулировали: что на начальном этапе мы поняли неверно, что упустили? Предстоит ещё очень много работы, но, по крайней мере, сейчас мы можем публиковать наши исследования. Думаю, мы не могли опубликовать труд об оспаривании норм, не продемонстрировав влиятельным людям, что нормы вообще существуют. Этот аргумент не относится к процессу развития идей. Это было частью объяснения того, как сформировалась наша сфера исследований. Я могу обосновывать наш подход только этим.

И.И.: Конструктивизм обещал привнести в политическую науку изучение того, как происходят изменения. Реалистские построения часто рисовали статичную картину — Уолтц говорил исключительно о структуре и уделял мало внимания изменениям. Но о них и в предшествующие десятилетия говорили такие люди, как

⁷ Кеннет Уолтц (1924–2013) — основатель направления неореализма, ставившего в центр объяснения материальную структуру соотношения потенциалов государств.

А.Ф.К. Органски, Яцек Куглер, Роберт Гилпин⁸. Не кажется ли Вам, что конструктивизм недооценивает модели изменений, предложенные другими исследовательскими направлениями? Не считаете ли Вы, что конструктивизм претендует на монополию в трактовке изменений?

М.Ф.: Думаю, конструктивизм хотел получить от Органски, Уолтца или кого бы то ни было ещё эндогенное объяснение изменений. То, как нам объясняли эти теории, предполагало, что изменения выступали экзогенными для выстраиваемых моделей. Надо было верить, что в конце XIX – начале XX века Германия магическим образом стала могущественной, а потом произошла Первая мировая война. Конструктивисты хотели детальнее изучить такие допущения магических изменений и говорили: «Нет, мы хотим разобраться в них и сделать их частью исследования. Мы хотим найти эндогенные объяснения того, каким образом меняется соотношение сил? Каковы механизмы этого изменения? Какими механизмами пользуются государства, чтобы использовать свою мощь для новых целей – целей, которые раньше они перед собой не ставили? Как это происходит?» В большинстве теорий мы должны были допускать, что это происходит вне модели. Мы просто брали новый лист бумаги и писали: «Сейчас мы в 1913 году, и Германия намного могущественнее, чем раньше». Но как мы пришли к 1913 году? То есть у нас было другое мировоззрение, конструктивисты ожидали от теории другого, чем предшественники. Я думаю, нас даже задевало то, что маститые учёные не замечали этих вопросов, считали их необоснованными. Говорю за себя: меня это раздражало. Я хотела знать ответы на эти вопросы.

И.И.: Возвращаясь к модели жизненного цикла норм, которую мы обсуждали. Сейчас по этой теме ведётся гораздо больше дис-

куссий, не только о том, как нормы появляются, но и о том, как они устаревают и исчезают. Какова Ваша позиция по данному направлению исследований? Каков Ваш взгляд на современную дискуссию по этому вопросу?

М.Ф.: На мой взгляд, это восхитительные исследования. Ряд специалистов подготовили действительно интересные работы на эту тему. Антье Виннер проделала большое исследование, посвящённое оспариванию норм. Наверное, она скажет примерно так: «Нормы постоянно находятся под угрозой, часто исходящей от дружественных источников, но часто и от враждебных». Также Уэйн Сандхольц из Университета Южной Калифорнии посвятил много времени изучению циклов норм, и его подход отличается от модели, которую разработали мы с Кэтрин. Он видит изменение норм как замкнутый цикл, и я нахожу его аргументацию крайне убедительной.

Например, он написал книгу о норме грабежа в ходе военных действий. Раньше это было абсолютно легитимным действием. Почему Лувр выглядит так, как он выглядит? Причина тому – войны Наполеона, в ходе которых он забирал в европейских странах лучшие образцы искусства и привозил в Париж. Это были военные трофеи, обычное дело для армии. Люди, конечно, не были этим довольны, но понимали, что такова сложившаяся практика. Если вернуться в XXI век, мы увидим огромное возмущение разграблением Багдадского музея. Это стало абсолютно нелегитимным и ужасным актом.

Сандхольца интересует, как разграбление стало неприемлемым актом для государства-завоевателя. Почему государства ограничивают себя после своих побед? Кто их останавливает? Меняется отношение к рассматриваемой норме, общее её понимание и ожидания от неё. Сандхольц представляет развитие норм как намного

⁸ А.Ф.К. Органски (1923–1998) – профессор Университета Мичигана; Яцек Куглер (род. 1942) – профессор Университета Клермонта; Роберт Гилпин (1930–2018) – профессор Принстонского университета.

более циклический процесс, но прежние модели поведения не исчезают полностью (как мы могли бы увидеть из иракского случая).

И.И.: *Вы представляете американский конструктивизм. Вместе с тем конструктивизм имеет крайне сильные позиции в Европе, однако традиционно европейские школы мысли значительно отличались от американских. Что Вы думаете о конструктивизме в этих двух регионах?*

М.Ф.: Я считаю европейский конструктивизм чрезвычайно привлекательным. Думаю, есть два отличия европейского конструктивизма от американского. Первое заключается в том, что в Европе конструктивистам никогда не приходилось бороться с чрезвычайно привязанными к экономике моделями, основанными на рациональном выборе. Эти модели, на мой взгляд, никогда не имели влияния и не были широко признаны в Европе. Поэтому, когда конструктивизм возник, ему оказалось легче получить поддержку здесь. Ему не приходилось тратить уйму времени на баталии со сторонниками других научных направлений. Конструктивисты могли быть услышанными, привлечь внимание без необходимости беспокоиться по поводу атак рационалистов. Европейцы могли делать то, что мы не могли себе позволить. И они это делали и продолжают делать очень хорошо до сих пор.

Я также считаю, что в Европе, а точнее в Германии и Франции, имеет место гораздо более глубокая, чем в американском академическом сообществе, привязанность к политической философии. Это им очень помогает. Зачастую эта привязанность делает их теории более изощрёнными, чем американские. Она позволяет им воспринимать широкий спектр объяснений, в частности связанных с критической теорией, которой оказалось трудно привлечь к себе внимание в Соединённых Штатах. Я завидую европейцам из-за того, что они нашли возможность исследовать более глубокие и богатые направления мысли.

Однако в американской традиции мне нравится неразрывная связь с актуальными политическими проблемами и эмпирическими исследованиями. В Европе существует тенденция к абстрагированию и теоретизации, особенно ярко проявляющаяся в различных подвидах критической теории. Я читаю подобные материалы и нахожу их интересными, но очень абстрактными. Возможно, это дело вкуса, но лично мне нравятся исследования, посвящённые проблемам, с которыми сталкиваются субъекты политики прямо сейчас. Случаи, когда я могу оценить, верно ли сказанное, подтверждается ли оно каким-то образом эмпирическими данными. В Европе, думаю, несколько иной стиль, более благожелательное отношение к исследованиям абстрактного и теоретического характера. Ни один из подходов не лучше другого. Я думаю, дело во вкусе, а не в том, что что-то верно, а что-то нет. Это по поводу отличий двух школ конструктивизма.

И.И.: *Ваша вторая книга «Цель интервенции» посвящена вопросам силы и насилия, что напрямую связано с реализмом. Вы делали попытки рассмотреть вопросы безопасности и в своей первой книге, описав истоки гуманитарного права. Принимая во внимание особые отношения между реализмом и безопасностью, что могут сказать конструктивисты по данным вопросам? В чём особенность их взглядов на силу и насилие?*

М.Ф.: Конструктивисты не принимают на веру многое из того, что реалисты видят не требующим доказательств. Например, у меня была очень хорошая студентка Ли Анн Фуджи, которая хотела лучше понять значение насилия — вопрос, который реалисты никогда не зададут. Её интересовало явление «излишнего летального насилия» — насилия большего, чем требовалось для достижения поставленных целей. Если в ходе геноцида в Руанде вы были бы хулу и просто хотели убить как можно большее число тутси, вы бы вышли среди ночи, перестреляли их и вернулись домой.

Однако убийства в Руанде происходили не так. Убийство было публичным явлением. Убийства совершались группами людей. Они носили особую одежду, пели песни и напевы, в то время как убивали. Это было некое действо. Здесь происходит нечто иное, а не просто насилие с общей целью «я хочу убить побольше людей». Убийцы пытаются получить от насилия что-то большее. Они хотели создать солидарность внутри группы радикалов хуту в рамках этнического националистического проекта.

Книга Ли Анн Фуджи, которая, я надеюсь, выйдет в следующем году, сравнивает насилие в Руанде с тем, что происходило на Балканах, с этническим радикализмом, который там возник. Она также проводит параллели с судами Линча в США. Если бы вы просто хотели убить чернокожих, вы бы расстреляли их, и готово. Но линчеватели поступали иначе: существовала особая церемония пыток и церемониальное действо. Это исследование стремится понять, как насилие соотносится с широкими социальными связями, глобальными обрядами приобщения и исключения. Насилие используется, чтобы заставить людей делать выбор в пользу одной из сторон, демонстрировать свою принадлежность и принуждать других выбирать, тех, кто изначально предпочёл бы не совершать такого выбора. Зачастую в локальных микросообществах национализм распространяется именно так. Пытаясь понять подобные явления и процессы, мы исследуем то, что многие реалисты принимали бы не критически. Микроосновы того, как происходят эти изменения, крайне интересны для конструктивизма. Не уверена, что реалисты непременно не согласятся, вопрос лишь в том, что их не интересует этот предмет исследования, и они не готовы им заниматься.

И.И.: *В США значительная часть исследований проводится не в столице, а в других частях страны, зачастую в маленьких, обособленных городках — своеобразных «академических гетто», в которых у специалистов*

есть возможность концентрироваться только на исследованиях. Вы работаете в Университете Джорджа Вашингтона в двух шагах от Государственного департамента. Как такая географическая близость к власти влияет на Вашу работу? Какие у этого преимущества и недостатки?

М.Ф.: Думаю, здесь больше преимуществ. То, что я попала в Вашингтон, было чистой случайностью, но это оказалось невероятно полезным по двум причинам. Первая — когда я начинала карьеру, будучи доцентом, у меня было двое маленьких детей, что создавало трудности для длительных исследовательских поездок в отдалённые места. Однако у меня была возможность исследовать что-то в пешей доступности от офиса, чтобы успеть прийти домой и забрать малышей из детского сада. Всемирный банк находился через дорогу, а я занималась вопросами, касающимися Всемирного банка. МВФ тоже был через дорогу, и этой организацией я занималась.

К тому же (возможно, как и в Москве) в столице больше возможностей повстречать разных людей. В обществе и на вечеринках я знакомилась со своими друзьями и соседями, которые работали в потрясающих местах. Один из моих соседей, из немецкой семьи, работал в Международном валютном фонде, и на совместных ужинах, пикниках я получила самые разнообразные сведения о том, как в действительности работает Фонд. Мне они казались чрезвычайно интересными. Если бы я жила в маленьком городке или даже в Сан-Франциско или Лос-Анджелесе, у меня бы не было подобных источников информации.

Во время работы над книгой о военных интервенциях я была научным сотрудником Брукингского института, который тоже находится в Вашингтоне, недалеко от моего офиса. Некоторые из коллег были делегированы для проведения исследований в этом аналитическом центре из числа американских военных. И нам всем приходилось ходить в столовую на обед. Военные, только что вернувшиеся из опе-

раций в Сомали, на Гаити, в Боснии, рассказывали (во время того же обеда) о том, что в действительности происходило на месте. Они между делом упоминали различные факты, которые просто не приходили мне в голову.

Например, что во время этих операций у вооружённых сил Соединённых Штатов вообще не было возможности связаться с НПО, распространяющими помощь на месте. Военным приходилось пользоваться защищёнными переносными рациями и подобным коммуникационным оборудованием. При этом их миссия включала доставку продовольствия в Сомали. Кто организовывал поставку продовольствия на практике? Представители ООН, Красного Креста. Военные не могли связаться с ними по телефону, потому что не было такой технической возможности. Они не могли звонить на гражданские номера телефона, что, по их мнению, было неразумно. Мне никогда не приходило в голову, что взаимодействие на низовом уровне настолько затруднено. Мне было интересно, почему так сложно координировать действия, а объяснение совсем простое: нельзя поговорить по телефону. Я бы никогда это не узнала, если бы не личные разговоры с людьми в Вашингтоне. Так что меня один за другим поджидали неожиданные сюрпризы. Мне это очень нравилось.

И.И.: *В нашем разговоре Вы неоднократно упоминали Всемирный банк, ООН, ЮНЕСКО, МВФ. Значительная часть Ваших исследований посвящена международным организациям. Однако в настоящее время в их адрес звучит много критики, и должен сказать, особенно много из Вашей страны. Похоже, международные организации переживают трудные времена. Насколько международные организации в их нынешнем состоянии остаются востребованными? Не стоит ли их чем-то заменить? Может быть, мы должны их полностью ликвидировать?*

М.Ф.: Прекрасный вопрос. Чтобы ответить на него, я попытаюсь поставить себя на место политических деятелей, в первую очередь американских полити-

ков. Проблема заключается в том, что даже если вам не нравится МВФ, новый финансовый кризис произойдёт в любом случае. Как вы с ним справитесь? Трудно будет создать новый МВФ с нуля. Не факт, что вам действительно удастся убедить все страны подписать соглашение так же, как и в 1944 году, когда была основана упомянутая организация. И я не знаю, получится ли это в 2019 году. Подозреваю, что нет. Станет ли ваша работа проще от того, что вы избавитесь от МВФ? Для меня это не очевидно.

Я думаю, наоборот, станет труднее. Поэтому моё предположение заключается в том, что мы по-прежнему будем слышать массу жалоб, будут попытки реформирования, но от этих организаций просто трудно отказаться. Если США устроятся от участия и выйдут из их состава, организации столкнутся с серьёзными трудностями, но я также не уверена, что американцы получат что-либо от такого шага, как тогда они будут решать проблемы. Эти институты создавали американцы. Так что по иронии судьбы они жалуются на организации, которые сами формировали. Это, конечно, меня не слишком удивляет.

Однако хотя инструменты не идеально подходят для выполнения поставленных перед ними задач, на мой взгляд, других инструментов нет, как нет и способа создать инструменты, которые будут сколько-нибудь полезными для решения наших проблем. Есть попытка расширить полномочия «группы двадцати», однако «группа двадцати» не в состоянии выполнять множество функций, которые лежат на МВФ. В частности, она не намерена решать проблемы бедных стран, которыми способны заниматься только большие организации.

И.И.: *В начале разговора мы упоминали о завершении «холодной войны», которое сопровождалось исчезновением множества международных институтов, таких как Совет экономической взаимопомощи или Организация Варшавского договора. Это напрямую было связано с ослаблением и распа-*

дом Советского Союза. Насколько сильно существующие международные организации зависят от США? Вы говорили о том, что США зависят от них, что важно в контексте утверждения о том, что Соединённые Штаты в будущем не будут такими могущественными, как раньше.

М.Ф.: Если американское могущество резко уменьшится, а могущество Китая, России, кого бы то ни было ещё резко возрастёт, эта страна может решить организовать мир совершенно иным образом. Сложно предсказать, как будут выглядеть организации, не зная, какая страна станет могущественной.

Что делает Китай по мере роста своего могущества? Он основывает новые международные организации. Я с большим интересом слежу за этим. Уже есть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который конкурирует со Всемирным банком. Развивающимся странам никогда не нравились условия получения займов, которые выставляет Всемирный банк. Новый китайский банк не ставит условий, но причина, по которой Всемирный банк ставит свои условия бедным странам, — убеждённость в том, что только они гарантируют возврат кредитов. АБИИ создан совсем недавно, и пока неясно, вернёт ли он себе вложенные средства. Я не знаю точно, какую модель используют китайцы, чтобы обеспечить возврат кредитов новому банку его должниками. Управление кондициональностью и отношения с заёмщиками сложны для Всемирного банка. Не знаю, какой будет китайская стратегия. Пока я не увидела такой стратегии.

Всемирному банку понадобилось время, чтобы прийти к решению о разработке системы условий для обеспечения возврата инвестиций. Посмотрим, не исключено, что со временем китайский банк в стремлении вернуть выданные должникам кредиты станет больше похож на американские организации. А может быть, китайцы решат: «Нет, мы хотим давать гранты. Мы будем просто раздавать деньги». Это совершенно иная модель. Не знаю, захотят ли граждане Китая раздать все эти деньги

иностранцам. Возможно, они предпочтут использовать их для собственных нужд. Но я оставляю китайским исследователям расчёты того, как стоит действовать Китаю в этой ситуации.

И.И.: Мы уже говорили о том, что сильная сторона конструктивизма состоит в объяснении эндогенного характера изменений. Однако Ваше новое исследование посвящено сфере, в которой масса изменений экзогенного характера, — киберпространству. Многие говорят, что ввиду технологических изменений уроки прошлого из других сфер неприменимы к киберпространству, поскольку оно совершенно иное, чем традиционные сферы взаимодействия. Как Вы отвечаете на подобную критику и считаете ли Вы допустимым использовать исторические знания для объяснения происходящего в киберпространстве?

М.Ф.: Думаю, да, но с ограничениями. На мой взгляд, технологические изменения не носят полностью экзогенный характер для социальных отношений, ведь для того, чтобы они произошли, необходимы определённые благоприятные условия. Правительства легко могут их устранить — и напротив, санкционированный государством режим позволяет создать возможности для роста технологических инноваций. Государства могут поддерживать проведение исследований и помогать иным образом. Поэтому технологические изменения не носят исключительно экзогенный характер. Они происходят из желаний государств и других исследователей сформировать эти изменения.

Мне кажется, исследователям есть что рассказать по этому вопросу, здесь есть предпосылки для глубокого исследования того, как выбор государств, какие структуры создавать, чтобы стимулировать развитие технологий или, наоборот, создавать ограничения, влияет на те технологии, которые мы получаем и которые мы ежедневно носим в своих карманах. Изменения не носят исключительно экзогенный характер. Правительства легко могут сдерживать ряд технологий. Например, в сфере

биотехнологий было много ограничений до тех пор, пока в Китае не родились CRISPR-дети⁹. Хотя китайское общество довольно строго регулируется, скрыть это не удалось.

Другой пример, где мы встречаем существенные инновации, — это финансовые инструменты и экспансия мирового капитализма. Финансовый сектор разработал новые инструменты для организации движения капитала. Всё необычайно быстро меняется, скорость транзакций поразительна. Перед нами ещё одна разновидность технологий, хотя мы занимаемся этим уже сто лет. Я всегда с недоверием отношусь к заявлениям о том, что мы никогда раньше не видели подобного рода

технологических трансформаций в прошлом. Иногда это действительно так. У нас никогда раньше не было ядерного оружия. В то же время есть множество вещей, которые кажутся новыми на первый взгляд, но если присмотреться, окажется, что назвать их совершенно новыми нельзя. В этой связи мне хотелось бы больше размышлять о том, что в прошлом может быть полезным для понимания изменений, которые мы наблюдаем сегодня.

И.И.: Профессор Финнемор, огромное спасибо за время и внимание, которые Вы уделили нашим читателям. Благодарю Вас за это интервью.

М.Ф.: Спасибо Вам.

⁹ Имеются в виду младенцы с изменёнными генами, родившиеся в конце 2018 года. Эксперимент поставил китайский биолог Хэ Цзянькуй из Южного университета науки и технологии в Шэньчжэне. CRISPR — короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами.

ГЕОПОЛИТИКА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СЖАТИЯ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

АЛЕКСАНДР ТЕР-АКОПОВ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

ВАДИМ БЕЗВЕРБНЫЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Резюме

Железнодорожный транспорт имеет важное геополитическое и социально-экономическое значение для Российской Федерации, обеспечивая транспортную связанность большинства регионов, соединяя страны Европы и Азии между собой и некоторыми зарубежными странами и по существу «скрепляя» такое территориально большое государство, как Россия, в транспортном и социально-экономическом отношениях. В этой связи особую актуальность приобретает проблема развития транспортных систем стратегических регионов России, а также специфика спатальной политики ОАО «РЖД» в условиях демографических проблем и геополитического положения данных территорий. Показательно, что основным связующим элементом инфраструктуры азиатской части страны является именно железнодорожный транспорт. Исследования авторов статьи показали, что демографическая и миграционная ситуация в российских регионах находится в определённой зависимости от плотности железнодорожной сети. Чем выше плотность железных дорог, тем более привлекательными в миграционном отношении являются регионы. И напротив, в регионах с низкой плотностью железных дорог отмечается устойчивый тренд миграционного оттока населения. В то же время демографические прогнозы говорят о том, что в условиях отсутствия перспективных инфраструктурных проектов негативные тенденции миграционного оттока и естественной убыли населения с высокой вероятностью продолжатся, а следовательно, в среднесрочной перспективе численность населения восточных регионов будет сокращаться. По нашему мнению, для эффективного пространственного развития территорий Сибири и Дальнего Востока необходимо формирование сети современных мультимодальных транспортных узлов и международных транспортных коридоров, учитывающих природно-климатические и демографи-

Исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 17-78-10233.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.10.2019

Дата принятия к публикации: 19.08.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: vadim_ispr@mail.ru

ческие аспекты развития восточных территорий России. Кроме того, международная конкуренция за перспективные транспортные проекты постоянно растёт, что с учётом низкой эффективности размещения производительных сил и неиспользованного пространственного потенциала экономики России становится существенной геоэкономической угрозой. В представленной статье исследовано влияние уровня развития транспортной инфраструктуры на характер расселения и тенденции социально-экономического развития геостратегических территорий России; выявлены тенденции пространственного и социально-экономического развития восточных территорий, расположенных вблизи железнодорожных магистралей; проанализирована демографическая ситуация и миграционные тенденции восточных территорий в контексте кадровых потребностей железнодорожного комплекса; разработаны стратегические направления формирования кадровой политики и пополнения трудовых ресурсов в РЖД. Наконец, разработаны рекомендации по повышению эффективности пространственного развития Сибири и Дальнего Востока на основе развития железнодорожного транспорта и перспективных проектов формирования инновационных транспортных систем.

Ключевые слова:

железнодорожный транспорт; связанность территории; ресурсный потенциал; природно-климатические факторы; расселение населения; депопуляция; плотность территории; внутренняя миграция; отток населения.

Россия ввиду своих географического положения и размера играет заметную роль в международной конкуренции за транспортные потоки и транзитные коридоры в Евразии. При этом к основным конкурентам Российской Федерации в сфере реализации международных транспортных коридоров и развития транспортных систем в Сибири и на Дальнем Востоке можно отнести ряд ведущих стран мира, разрабатывающих свои собственные международные транспортные проекты в обход России. Среди них необходимо особо отметить:

– международный транспортный коридор «ТРАСЕКА» (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia), предполагающий создание транспортного коридора из Европы в страны Центральной Азии через Чёрное море, Кавказ и Каспийское море¹;

– «Транскаспийский международный транспортный маршрут» (TMTM), пролегающий через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и страны Европы²;

– «Южный морской путь» (маршрут Лондон–Йокогама через Суэцкий канал)³.

Неудивительно, что в мировой науке отмечается интерес к тенденциям и сложностям развития транспортных систем в самой России. В частности, американские исследователи Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди подробно рассмотрели природно-климатические факторы, препятствующие социально-экономическому и транспортному развитию восточных территорий страны (Hill, Gaddy 2003). Большой интерес к транспортной инфраструктуре Сибири и Дальнего Востока имеется и в научной среде Великобритании. Ряд сотрудников Института британских географов и Технологического университета Лафборо посвятили серию публикаций проблемам транспортного развития восточных территорий России (Tolley, Turton 1995). В свою очередь эксперты Центра международного судоходства и логистики Плимутского университета оценили геоэкономическое значение и проблемы развития Транссибирской магистрали (Liliopoulou, Roe, Pasukeviciute 2005). Работы западных авторов при всех их специфических выводах объединяет заключение о том, что главными негативными

¹ Межправительственная Комиссия (МПК) ТРАСЕКА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.traseca-org.org/ru/glavnaja/> (дата обращения: 12.10.2019).

² Транскаспийский международный транспортный маршрут (TMTM) [Электронный ресурс]. URL: <https://middlecorridor.com/ru> (дата обращения: 12.10.2019).

³ Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/01/28/mozhet-li-severnij-morskoy-put-sostavit-konkurenciu-iuzhnomu.html>

факторами развития транспортных систем Урала, Сибири и Дальнего Востока являются тяжёлые природно-климатические условия данных территорий и неравномерность размещения производительных сил (в том числе трудовых ресурсов), что, по нашему мнению, во многом соответствует реальному положению дел.

В работах отечественных учёных проблемы развития транспортных систем представлены ещё шире. Современные исследования российских учёных (Есикова, Ионова 2010; Цветков, Зоидов, Медков 2014; Макаров, Макарова, Караганов 2016) носят системный характер и исследуют целый комплекс социально-экономических и геополитических аспектов, однако практически не рассматривают демографические факторы формирования транспортных систем в азиатской части России, имеющих, на наш взгляд, фундаментальное значение.

В этой связи основная цель исследования заключается в анализе влияния уровня развития железнодорожной транспортной инфраструктуры на характер расселения и тенденции социально-экономического развития ключевых территорий России, включая ситуацию на региональных рынках труда и проблемы кадрового обеспечения компании РЖД. Следовательно, в разделе 1 будет проанализирована деятельность и роль ОАО «РЖД» в развитии железнодорожного транспорта в России, исследован уровень плотности железнодорожных сетей в округах и регионах страны, рассмотрена ситуация на региональных рынках труда во взаимосвязи с тенденциями демографического и миграционного развития территорий. В разделе 2 рассмотрен кадровый потенциал ОАО «РЖД», проанализирована динамика численности персонала и возрастной её состав по основным региональным железным дорогам ОАО «РЖД». В разделе 3 определена потребность в рабочей

силе для железнодорожного транспорта в региональном разрезе, а также исследованы возможные источники восполнения потребностей в трудовых ресурсах. В заключении дана оценка перспективам развития ОАО «РЖД», в том числе в контексте развития инновационных технологий в транспорте, предложены меры в сфере региональной и кадровой политики компании.

1

Эффективность функционирования и развития железнодорожного комплекса имеет стратегическое значение для России, поскольку он является связующим звеном экономической системы, обеспечивает стабильную деятельность промышленных предприятий, своевременный подвоз жизненно важных грузов в самые отдалённые уголки страны, является доступным транспортом для миллионов граждан.

Говоря о железных дорогах России, в первую очередь стоит рассматривать ОАО «Российские железные дороги», которое представляет собой одну из крупнейших по географии и масштабам деятельности российских компаний. Эксплуатационная длина железных дорог составляет 85,5 тыс. километров. Доля РЖД в грузообороте и пассажирообороте транспортной системы России составляет соответственно 45,3 и 26,4%⁴. Компания выступает одним из крупнейших работодателей в стране: на начало 2018 г. списочная численность работников составила 755 тыс. человек⁵. Она имеет важную социальную миссию, которая состоит в удовлетворении рыночного спроса на перевозки, повышении эффективности деятельности, качества услуг. Международно-политическое значение деятельности РЖД заключается в углублении интеграции России в евро-азиатскую транспортную систему.

Особенностью транспортной системы России выступает существенная неравно-

⁴ Официальный сайт компании РЖД [Электронный ресурс]. URL: http://www.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=628 (дата обращения: 22.08.2019).

⁵ Годовой отчет РЖД за 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ar2017.rzd.ru/ru#operating-highlights> (дата обращения: 22.08.2019).

Таблица 1
Распределение субъектов Российской Федерации по плотности железнодорожной сети
в разрезе федеральных округов в 2017 г.

Федеральные округа	Число субъектов	Типы регионов по густоте железнодорожной сети (км на 10 тыс. кв. км территории)				
		Высокая (более 240)	Повышенная (от 180 до 240)	Средняя (от 120 до 180)	Пониженная (от 60 до 120)	Низкая (менее 60)
Северо-Западный	10	3	2	1	1	3
Центральный	18	11	5	1	1	—
Южный	13	1	4	3	3	2
Приволжский	14	1	6	3	4	—
Уральский	4	—	2	—	1	1
Сибирский	12	—	—	1	3	8
Дальневосточный	9	—	—	1	3	5
Итого	80	16	19	10	16	19

Источник: составлено авторами по данным [Гришанова 2017].

мерность в распределении железных дорог по территории страны. Исходя из расчётов протяжённости железнодорожных путей на 10 тыс. км² субъекты Российской Федерации можно разделить на пять групп: с высокой, повышенной, средней, пониженной и низкой плотностью покрытия (табл. 1). В предшествующих исследованиях было выявлено, что «плотность железных дорог во многом определяет не только уровень социально-экономического развития территорий, но и предопределяет некоторые демографические показатели» (Тер-Акопов, Безвербный, Фомин 2019). При этом в регионах с низким уровнем развития РЖД традиционно оказывается одним из наиболее привлекательных работодателей, отчасти амортизируя негативные тенденции на локальных рынках труда.

В свою очередь, демографическая и миграционная ситуация во многом обуславливает состояние трудовых ресурсов и развитие рынка труда, от которых зависит ключевая компания в сфере развития железнодорожного транспорта в России — ОАО «РЖД». В 2018 г. численность экономически активного населения в Российской Федерации составила 76,229 млн человек, при этом большая часть трудовых ресурсов

находилась в Центральном и Приволжском федеральных округах (соответственно 21,4 и 15,1 млн человек). Значительными трудовыми ресурсами также располагают Сибирский, Северо-Западный, Южный и Уральский федеральные округа, но существует проблема дефицита рабочей силы в Дальневосточном федеральном округе.

В 2018 г. уровень занятости по стране составлял 59,6%, а уровень официально зарегистрированной безработицы — 5,1%. Самая низкая занятость была отмечена в Северо-Кавказском федеральном округе (54,6%), там же фиксировалась наивысшая безработица (11%). Максимальным уровнем занятости был в Северо-Западном федеральном округе (61,3%). Минимальный уровень безработицы отмечался в Центральном федеральном округе — 3,1%. Ситуация на рынке труда России в целом достаточно стабильная, но сильно дифференцирована по географическим районам (табл. 2).

Рассмотрим ситуацию на региональных рынках труда в разрезе географии железных дорог. Прежде отметим, что в транспортной отрасли Российской Федерации в 2017 г. работали 5,24 млн человек, или 8,6% всех занятых в экономике⁶. В том чис-

⁶ Труд и занятость в России в 2017 г. М.: Росстат, 2018 (www.gks.ru) [Электронный ресурс] (дата обращения: 23.08.2019).

Таблица 2
Характеристики рынков труда федеральных округов Российской Федерации в 2018

	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	В том числе безработные, тыс. чел.	Уровень экономической активности населения, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
Российская Федерация	76229,30	3893,90	62,80	59,60	5,10
Центральный федеральный округ	21460,80	669,90	64,40	62,40	3,10
Северо-Западный федеральный округ	7512,80	329,50	64,20	61,30	4,40
Южный федеральный округ	8168,40	485,10	59,90	56,30	5,90
Северо-Кавказский федеральный округ	4605,90	508,80	61,40	54,60	11,00
Приволжский федеральный округ	15103,80	714,40	61,50	58,60	4,70
Уральский федеральный округ	6381,70	326,40	63,90	60,60	5,10
Сибирский федеральный округ	9664,4	678	61,8	57,4	7
Дальневосточный федеральный округ	3331,5	181,7	65,9	62,3	5,5

Источник: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2018 года (по итогам обследования рабочей силы) [Электронный ресурс]. М.: Росстат, 2018. URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.12.2019).

ле в РЖД работали 755 тыс. человек, что составляло около 14% всех занятых в транспортной отрасли⁷, то есть в корпорации работает каждый седьмой работник на транспорте России.

В районе Московской и Горьковской железных дорог (Москва, Московская, Калужская, Смоленская и Нижегородская области, Татарстан, Удмуртия) ситуация на рынках труда характеризуется относительно высоким уровнем занятости населения – выше среднего по стране. Эти территории имеют наиболее диверсифицированные рынки труда, прежде всего в крупных городах, в которых существуют разнообразные возможности для трудоустройства. Тем не менее во многих регионах Московской и Горьковской железных дорог уровень безработицы был крайне высоким. В первую очередь это касается Орловской и Смоленской областей, а также Чувашии, Марий Эл и Удмуртии (табл. 3).

С учётом негативной демографической ситуации, которая отмечается на протяжении последних лет в ряде субъектов Российской Федерации, через которые проходят Московская и Горьковская железные

дороги, в среднесрочной перспективе может возникнуть и усугубиться дефицит трудовых ресурсов. Наиболее эффективным решением проблемы для них станет использование трудовых мигрантов из соседних или близких регионов России. Учитывая, что рынки труда рассматриваемых субъектов относительно диверсифицированы, они будут оставаться привлекательными в миграционном отношении районами. Это подтверждают и наблюдаемые ныне тенденции.

Исследование Росстата межрегиональной трудовой миграции в 2017 г. показало, что в транспортной отрасли многих регионов, через которые проходят Московская и Горьковская железные дороги, уже широко использовалась рабочая сила из соседних территорий. Например, в Москве работало около 1,5 млн человек из других регионов России (это около 20% численности занятого населения мегаполиса). Большая часть из них (около 42%) – это жители Московской области, 27% – жители Мордовии, Чувашии, Брянской, Владимирской, Ивановской, Тамбовской, Тульской, Пензенской областей. Причём в транспортном

⁷ Итоги работы Департамента управления персоналом РЖД за 2017 г.: Годовой отчет. М.: РЖД, 2018.

Таблица 3
Характеристики рынков труда регионов Московской и Горьковской железных дорог в 2018 г.

	Численность экономически активного населения, тыс. человек	Уровень экономической активности населения, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, мес.
Московская железная дорога					
Брянская область	616,10	27,10	59,80	57,20	4,40
Владимирская область	723,90	32,40	61,30	58,60	4,50
Калужская область	555,20	20,80	64,90	62,40	3,70
Московская область	4137,40	120,10	66,90	64,90	2,90
Орловская область	370,20	21,20	57,60	54,30	5,70
Рязанская область	534,20	25,80	55,30	52,70	4,80
Смоленская область	521,30	27,60	63,80	60,40	5,30
Тульская область	788,10	31,90	60,80	58,30	4,10
г. Москва	7283,50	94,70	68,40	67,50	1,30
Горьковская железная дорога					
Республика Марий Эл	344,90	22,90	61,60	57,50	6,60
Республика Татарстан	2028,90	68,30	63,70	61,60	3,40
Удмуртская Республика	782,70	42,20	63,80	60,40	5,40
Чувашская Республика	613,40	32,10	60,40	57,20	5,20
Нижегородская область	1766,40	74,50	64,20	61,50	4,20

Источники: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2018 года (по итогам обследования рабочей силы). М.: Росстат, 2018 [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.12. 2019).

секторе работало 14,6% всех внутренних трудовых мигрантов в регионе и некоторая часть из них на железной дороге. Аналогичная ситуация отмечалась в Московской области, где работали 204 тыс. человек или 4,9% занятого населения. Причём 69% внутрироссийских трудовых мигрантов происходили из Чувашии, Брянской области, Владимирской, Ивановской, Воронежской, Тверской, Калужской, Тульской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и Смоленской областей. 13,6% трудовых мигрантов работали в транспортной сфере⁸.

Ситуация на рынках труда в регионах, через которые проходят Южно-Уральская, Свердловская, Приволжская и Куйбышевская железные дороги, менее благополучна, чем в центральном районе европейской части России. Это обусловлено тем, что рынки

труда многих территорий менее диверсифицированы и имеют меньше возможностей для трудоустройства населения. В результате уровень экономической активности здесь ниже, а безработица выше. Самый высокий уровень безработицы в 2018 г. был в Курганской и Астраханской областях (9,5 и 7,4% соответственно). Наиболее благополучна ситуация с безработицей и занятостью в регионах, через которые проходит Куйбышевская железная дорога, а также в Ямало-Ненецком автономном округе.

Для многих региональных рынков труда на рассматриваемой территории РЖД – крупный работодатель. Некоторые районы традиционно ориентировались на ввоз трудовых ресурсов из других российских районов. В первую очередь это касается Тюменской области и автономных округов, вхо-

⁸ Межрегиональная трудовая миграция: Результаты исследования Федеральной службы государственной статистики в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 24.08.2019).

Таблица 4

Характеристики рынков труда регионов Октябрьской, Калининградской и Северной железных дорог в 2018 г.

	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Уровень экономической активности населения, %	Уро-вень заня- тости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, мес.
Октябрьская железная дорога					
Тверская область	696,60	28,30	63,30	60,70	4,10
Ярославская область	683,30	48,00	63,90	59,40	7,00
Республика Карелия	317,70	32,40	60,90	54,70	10,20
Ленинградская область	967,20	43,80	63,10	60,30	4,50
Мурманская область	424,90	32,90	67,60	62,30	7,80
Новгородская область	309,00	13,70	60,10	57,40	4,40
Псковская область	321,60	21,00	58,90	55,10	6,50
г. Санкт-Петербург	3036,80	46,50	67,30	66,20	1,50
Калининградская железная дорога					
Калининградская область	543,60	26,50	66,30	63,10	4,90
Северная железная дорога					
Ивановская область	546,00	24,00	62,70	59,90	4,40
Костромская область	322,90	17,50	59,80	56,60	5,40
Республика Коми	446,80	34,40	64,50	59,50	7,70
Архангельская область	567,00	39,50	58,80	54,70	7,00
Вологодская область	578,20	38,80	59,40	55,40	6,70
Кировская область	675,60	35,60	62,60	59,30	5,30

Источники: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2018 года (по итогам обследования рабочей силы). М.: Росстат, 2019 [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.12.2019).

дящих в её состав. Обследование 2017 г. показало, что в Тюменской области и автономных округах работали 350 тыс. россиян из других регионов, что составляло 11% всех занятых. Причем третья часть трудовых мигрантов – это жители Башкортостана. Около 39% – жители Татарстана, Удмуртии, Курганской, Свердловской, Омской и Челябинской областей. Примерно 9% всех трудовых мигрантов в Тюменской области работали на транспорте, аналогично в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах (8,9 и 8,5% соответственно)⁹.

Учитывая негативные демографические тенденции, связанные с сокращением численности общего населения и населения трудоспособного возраста, а также старени-

ем, в регионе будет возрастать дефицит трудовых ресурсов. Максимальным дефицит трудовых ресурсов в среднесрочной перспективе будет отмечаться на рынках труда Оренбургской, Курганской, Свердловской, Саратовской, Волгоградской областей, а также в Пермском крае. Напротив, некоторый избыток трудовых ресурсов будет отмечаться на рынке труда Башкортостана.

Региональные рынки труда, через которые проходят Октябрьская, Калининградская и Северная железные дороги отличаются крайне неблагоприятная ситуация (табл. 4). Они характеризуются высоким уровнем безработицы. Особенно острые вызовы отмечались в Карелии – 10,2%. Во всех остальных субъектах уровень безработицы

⁹ Межрегиональная трудовая миграция: Результаты исследования Федеральной службы государственной статистики в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 24.08.2019).

Таблица 5
Характеристики рынков труда регионов Юго-Восточной и Северо-Кавказской железных дорог в 2018 г.

	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Уровень экономической активности населения, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, мес.
Юго-Восточная железная дорога					
Белгородская область	822,9	32,4	62,9	60,4	3,9
Воронежская область	1185,4	49,4	59,3	56,8	4,2
Курская область	572,8	23,8	60,5	58	4,1
Липецкая область	588,1	23,4	60,4	58	4
Северо-Кавказская железная дорога					
Республика Адыгея	200,20	17,40	54,00	49,30	8,70
Республика Калмыкия	146,80	16,10	66,50	59,20	11,00
Краснодарский край	2775,20	156,70	60,60	57,20	5,60
Ростовская область	2160,40	113,90	60,50	57,30	5,30
Республика Дагестан	1370,10	167,20	60,10	52,80	12,20
Республика Ингушетия	264,70	69,20	77,40	57,20	26,20
Кабардино-Балкарская Республика	438,40	50,10	63,70	56,50	11,40
Карачаево-Черкесская Республика	222,40	28,40	59,20	51,60	12,80
Республика Северная Осетия—Алания	344,30	41,10	60,90	53,70	11,90
Чеченская Республика	625,30	86,60	66,30	57,10	13,90
Ставропольский край	1340,90	66,20	58,00	55,10	4,90

Источники: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2018 года (по итогам обследования рабочей силы). М.: Росстат, 2018 [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.12.2018).

был ниже, но часто гораздо выше среднего по России. На этом неблагоприятном фоне только рынок труда Санкт-Петербурга можно назвать относительно сбалансированным. Город достаточно привлекателен для трудовых мигрантов. В частности, согласно данным обследования 2017 г., в Санкт-Петербурге работали 253 тыс. человек из соседних регионов. Они составляли 8,3% занятого населения города. Три четверти трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге — жители Ленинградской области. Примерно 17,5% трудовых мигрантов работали в транспортной сфере¹⁰. В среднесрочной перспективе негативные демографические тенденции — сокращение численности тру-

доспособного населения и старение будут усугублять дефицит ресурсов на некоторых региональных рынках труда. Наиболее заметны эти проблемы будут в Ленинградской, Ярославской и Тверской областях.

Региональные рынки труда, через которые проходят Юго-Восточная и Северо-Кавказская железные дороги, характеризуются большой численностью трудоспособного населения, относительно низкой занятостью и высоким уровнем безработицы (табл. 5). Особенно это касается рынков труда национальных республик Северного Кавказа. Например, в Ингушетии отмечается экстремально высокий уровень безработицы на уровне 26% экономически ак-

¹⁰ Межрегиональная трудовая миграция: Результаты исследования Федеральной службы государственной статистики в 2017 г. [Электронный ресурс]. (www.gks.ru) (дата обращения: 24.08.2019).

Таблица 6

Характеристики рынков труда регионов Красноярской, Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Забайкальской и Дальневосточной железных дорог в 2018 г.

	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Уровень экономической активности населения, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы безработными, мес.
Красноярская железная дорога					
Республика Хакасия	253,1	12,7	59,2	56,2	5
Красноярский край	1484,3	82,7	63,3	59,8	5,6
Западно-Сибирская железная дорога					
Алтайский край	1155,7	75,2	59,2	55,4	6,5
Кемеровская область	1322,9	78,7	59,7	56,1	5,9
Новосибирская область	1419,1	93,5	61,9	57,8	6,6
Омская область	1025,6	79,6	63,3	58,4	7,8
Томская область	551,1	27,2	62,1	59	4,9
Восточно-Сибирская железная дорога					
Республика Бурятия	443,6	42,2	58,5	52,9	9,5
Иркутская область	1247,4	94,7	64,8	59,9	7,6
Забайкальская железная дорога					
Забайкальский край	533,5	56,3	62,7	56,1	10,6
Амурская область	406,2	24,2	62,4	58,7	5,9
Дальневосточная железная дорога					
Республика Саха (Якутия)	489,7	39	66,5	61,2	8
Приморский край	1055,2	56,8	65,5	62	5,4
Хабаровский край	727,5	23,7	65,9	63,8	3,3
Сахалинская область	274,7	16,6	68,6	64,5	6
Еврейская автономная область	80,7	5,3	60,7	56,7	6,6

Источники: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2018 года (по итогам обследования рабочей силы). М.: Росстат, 2018 [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.12.2018).

тивного населения. Схожие проблемы наблюдаются и в других регионах — Дагестане, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии. Причём безработица здесь носит глубокий и затяжной характер.

Наиболее благополучная ситуация на рынке труда Липецкой, Белгородской, Воронежской и Курской областей, а также в Ставропольском крае. Здесь уровень безработицы ниже среднего по России и достаточно высокий уровень занятости. Относительно благополучная ситуация на рынке труда Краснодарского края и Рос-

товской области (уровень безработицы — 5,6 и 5,3%). В Краснодарском крае работает 63 тыс. трудовых мигрантов из соседних регионов, что составляет 2,2% занятых. Примерно 14% из них работают в транспортной сфере¹¹. В настоящее время рынки труда в этом регионе не сбалансированы и сильно дифференцированы. С одной стороны, есть трудоизбыточные территории национальных республик Северного Кавказа. С другой стороны, есть и будет усиливаться трудонедостаточность в регионах с относительно успешным и динамич-

¹¹ Межрегиональная трудовая миграция: Результаты исследования Федеральной службы государственной статистики в 2017 г. [Электронный ресурс]. (www.gks.ru) (дата обращения: 24.08.2019).

ным развитием экономики. Очевидно, что необходимо более активно использовать трудовую миграцию между субъектами в этих случаях.

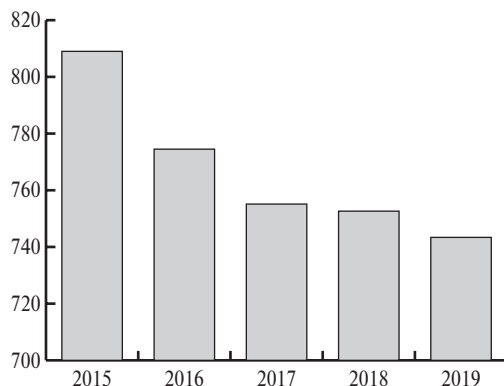
Регионы Сибири и Дальнего Востока отличаются более высокими показателями безработицы в сравнении со средними значениями по России (табл. 6). Безработица в восточных частях страны, как правило, носит затяжной характер, что связано с низкой миграционной мобильностью населения и слабой транспортной доступностью. Учитывая же демографические тенденции, в большинстве субъектов будет нарастать дефицит трудовых ресурсов. Наиболее заметным дефицит будет в Новосибирской и Томской областях (Западно-Сибирская железная дорога), в Иркутской области и Бурятии (Восточно-Сибирская железная дорога), Забайкальском крае и Амурской области (Забайкальская железная дорога), Приморском крае, Якутии и Сахалинской области (Дальневосточная железная дорога).

Таким образом, ситуация на региональных рынках труда России имеет очень высокий уровень дифференциации, но наиболее тяжелая и противоречивая ситуация складывается в регионах Сибири и Дальнего Востока, имеющих дефицит трудовых ресурсов, с одной стороны, и высокий уровень безработицы – с другой.

2

По данным Департамента управления персоналом РЖД, на 31 декабря 2016 г. в компании было занято 774 тыс. человек¹². На конец 2017 г. аналогичный показатель составлял 755 тыс. человек, то есть за год сокращение составило 19 тыс. человек¹³. Основная часть трудовых ресурсов использовалась на Московской железной дороге, которая была крупнейшим работодателем, – 72,1 тыс. человек. Также значительная занятость отмечалась на Октябрьской (70,6 тыс.), Западно-Сибирской (58,9 тыс.),

Рисунок 1
Динамика численности персонала в ОАО «РЖД» в 2015–2019, % в сравнении с предыдущим годом

Источник: Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ar2019.rzd.ru/ru/sustainable-development/hr-management> (дата обращения: 02.12.2019).

Свердловской (59,7 тыс.), Дальневосточной (52,67 тыс.), Северо-Кавказской (52,06 тыс.) железных дорогах (табл. 7).

Анализ первичных статистических данных показывает, что сокращение численности занятых характерно для компании на протяжении ряда лет. Оно обусловлено несколькими причинами. Во-первых, выделением дочерних и зависимых обществ, предусмотренных утвержденной Правительством Российской Федерации реформой железнодорожного транспорта и переводом туда части персонала. Во-вторых, использованием новых видов транспортных средств, применением инновационных технологий, повышением производительности труда в отрасли и сокращением персонала. В целом численность сотрудников РЖД с 2015 по 2019 г. снизилась на 65 тыс. человек, или на 8% (рис. 1).

Согласно данным Департамента кадровой политики РЖД за 2019 год, средний возраст работников компании составляет 40 лет. В возрастной структуре работников

¹² Итоги работы Департамента управления персоналом РЖД за 2016 г.: Годовой отчет. М.: РЖД, 2017. С. 3.

¹³ Итоги работы Департамента управления персоналом РЖД за 2017 г.: Годовой отчет. М.: РЖД, 2018. С. 3.

Таблица 7
Численность занятых в РЖД, человек¹⁴

	2009	2012	2016	Динамика за 10 лет, %
ОАО «РЖД»	1,068,928	933,870	774,000	73,68
Московская ЖД***	122,053	97,060	72,094	66,87
Горьковская ЖД	60,434	57,172	45,050	69,76
Южно-Уральская ЖД	59,273	53,792	40,951	58,50
Свердловская ЖД	78,899	72,104	59,703	72,55
Приволжская ЖД	40,967	39,393	30,906	75,01
Куйбышевская ЖД	67,947	55,311	44,383	67,47
Октябрьская ЖД	96,926	87,527	70,600	71,99
Калининградская ЖД	5,153	4,211	3,777	65,20
Северная ЖД	57,248	62,052	43,970	66,71
Юго-Восточная ЖД	54,974	52,006	38,092	67,75
Северо-Кавказская ЖД	63,704	65,094	52,060	76,19
Красноярская ЖД	37,594	35,410	28,948	80,03
Западно-Сибирская ЖД	88,397	82,745	58,936	76,63
Восточно-Сибирская ЖД	53,469	48,794	41,495	78,11
Забайкальская ЖД	56,701	59,542	44,820	80,62
Дальневосточная ЖД*	66,577	70,128	52,678	89,79
Не определена географическая принадлежность**	—	—	—	

Примечание: * — Сахалинская железная дорога вошла в состав Дальневосточной железной дороги в 2010 году, данные по ней за предыдущие годы включены в Дальневосточную дорогу для сопоставимости и повышения качества прогнозирования; ** — по базе данных штатного состава ОАО «РЖД» не представлялось возможным определить географическую принадлежность некоторых структур и подразделений в 2005–2009 годах. Данные по ним вынесены в эту строку; *** — Центральный аппарат управления ОАО «РЖД» отнесен к Московской железной дороге, соответствующие аппараты управления функциональных филиалов ОАО «РЖД» распределены по географическому принципу.

Источник: составлено авторами по данным: Инновационный дайджест РЖД [Электронный ресурс].

URL: <http://www.rzd-expo.ru/regions/>

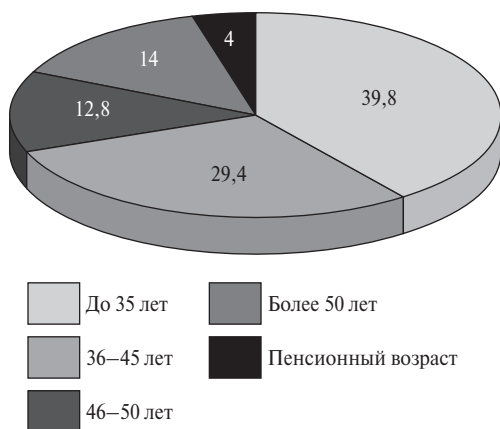
преобладают три группы: молодые сотрудники до 35 лет — 39,8%, средняя возрастная группа от 36 до 45 лет — 29,4, сотрудники от 46 до 50 лет — около 12,8, сотрудники старше 50 лет — 14 и сотрудники пенсионного возраста — 4% (рис. 2).

Имеющиеся данные показывают, что в РЖД происходит параллельно два процесса, имеющих различные последствия для кадрового состава компании. С одной стороны, при сокращении абсолютной численности увеличивается доля молодёжной возрастной группы до 35 лет в общей структуре занятых. По данным первичной статистики о штатном составе компании, четвёртая часть работников — в возрасте до

35 лет. В 2017 г. численность молодёжи в штатном составе компании составила 42%. С другой стороны, при сокращении абсолютной численности происходит увеличение работников в возрасте от 50 лет и старше, а также увеличивается абсолютная численность и доля работников пенсионного возраста. В 2017 г. численность людей в возрасте от 50 лет составила 14% работников в компании, но в 2019 г. их число незначительно выросло. Работники пенсионного возраста составляют около 4% штатного состава ОАО «РЖД». Подобное сочетание процессов омоложения и старения может давать некоторые преимущества компании. Например, оно может слу-

¹⁴ Инновационный дайджест РЖД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rzd-expo.ru/regions/>

Рисунок 2
Возрастной состав работников ОАО «РЖД» в 2019, %

Источник: Годовой отчет ОАО «РЖД» за 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ar2019.rzd.ru/ru/sustainable-development/hr-management> (дата обращения: 02.12.2019).

жить основой для развития наставничества, эффективной передачи знаний и навыков от старшего поколения.

З

На основе имеющейся информации невозможно определить потребность в рабочей силе для железнодорожного транспорта. Тем не менее это можно сделать для всей транспортной отрасли страны (табл. 8). Даже в этом случае имеющиеся данные характеризуют заявленную потребность на рынке труда (то есть те потребности, которые транспортные компании заявили через Федеральную службу занятости).

В структуре заявленной потребности в рабочей силе в транспортной отрасли в России в 2016 г. преобладали работники сферы обслуживания (33 тыс. человек) и квалифицированные рабочие транспорта (20 тыс. человек). Тем не менее высокая потребность в специалистах сохранялась и в других профессиональных группах. Наименьший интерес у работодателей приходился на группы неквалифицированных рабочих и специалистов среднего уровня квалификации.

Таблица 8
Заявленная потребность в рабочей силе в транспортной отрасли России в разрезе федеральных округов на 2016, тыс. чел.

	Общая потребность	Потребность в транспортной отрасли (оценка)
Российская Федерация	637,6	69,7
Центральный ФО	194,0	20,3
Северо-Западный ФО	82,7	7,5
Южный ФО	74,8	9,4
Северо-Кавказский ФО	11,2	0,9
Приволжский ФО	110,6	12,7
Уральский ФО	56,2	6,4
Сибирский ФО	66,3	7,4
Дальневосточный ФО	41,8	5,0

Источник: составлено авторами по данным: О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2016 г. (по результатам выборочного обследования организаций) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2017/potrorg/potr16.htm (дата обращения: 24.08.2019).

На основе проведенного анализа были произведены оценки объемов и источников возможной компенсации потребности трудовых ресурсов по основным регионам функционирования РЖД, а также была выделена региональная специфика привлечения компанией различных видов источников.

В регионах *Московской железной дороги* основными источниками пополнения трудовых ресурсов для корпорации в среднесрочной перспективе должны стать безработные, которые имеются практически во всех субъектах Центральной России. Для их привлечения необходима более тесная работа с территориальными органами Федеральной службы занятости населения. Также следует активно использовать потенциал выпускников учебных заведений, привлекая их в качестве постоянных работников в структуры РЖД. В Калужской и Тульской областях значительную роль в компенсации трудовых ресурсов могут иметь соотечественники, которые приеха-

ли в рамках государственной программы и обладают высоким уровнем квалификации. Для Москвы и Московской области значительный резерв представляют трудовые мигранты из российских регионов, которые активно прибывают в большом количестве в данные регионы для временной трудовой деятельности.

Для регионов *Горьковской железной дороги* приоритетную роль в восполнении трудовых ресурсов будут играть выпускники учебных заведений, которых компании следует привлекать более активно на работу в свои структуры. Кроме того, значительный резерв обеспечивает безработица. На рынке труда значительное число безработных, которых можно переобучить и переквалифицировать. Компаниям следует вкладывать средства в эту работу и координировать более плотно свои действия с органами Федеральной службы занятости населения.

В регионах *Южно-Уральской железной дороги* источниками пополнения трудовых ресурсов должны стать переквалификация и переобучение безработных, которые здесь есть в массовом количестве практически во всех субъектах. Максимальная численность безработных в Челябинской области — более 123 тыс. человек. Там же присутствует на рынке труда значительное количество выпускников учебных заведений. В интересах РЖД следует более активно использовать их потенциал.

В районе *Свердловской железной дороги* основными источниками трудовых ресурсов в среднесрочной перспективе будут безработные и выпускники средних специальных учебных заведений и заведений начального профессионального звена. В Свердловской области более 118 тыс. безработных. В Тюменской области (вместе с округами) — более 115 тыс. человек. Для некоторых регионов — Тюмени, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов значительный резерв представляют трудовые мигранты из других регионов. В Тюменской области значительный ресурс — соотечественники, приехавшие по государственной программе возвращения в Россию —

более 1 тыс. человек. В Свердловской и Тюменской областях на рынке труда также присутствует значительное число выпускников высших, средних специальных и начальных профессиональных учебных заведений. Требуется их более активное вовлечение с целью компенсации потребности в трудовых ресурсах РЖД.

В регионах *Приволжской железной дороги* целесообразно делать ставку на привлечение безработного населения и использование труда выпускников учебных заведений: в Волгоградской области 77 тыс., в Саратовской области — 57,4 тыс., в Астраханской области — 40 тыс. безработных. На региональных рынках труда Саратовской и Волгоградской областей находится значительное количество выпускников учебных заведений. Особенностью Саратовской области также является присутствие на рынке труда порядка 1 тыс. соотечественников, приехавших в рамках государственной программы. Всё это можно считать основными источниками восполнения потребности для РЖД.

Регионы *Куйбышевской железной дороги* в первую очередь в вопросах восполнения потребности в трудовых ресурсах должны ориентироваться на работу с безработными и выпускниками учебных заведений. В Башкортостане 111,5 тыс. безработных, в Самарской области — 72 тыс., Оренбургской — 46 тыс. человек, в Ульяновской области — 28,3 тыс. безработных. Их трудоустройство представляет собой не только источник пополнения персонала корпорации, но и имеет важное социальное значение для регионов, может повысить имидж компании. В Башкортостане, Самарской и Оренбургской областях также присутствует на рынке труда значительное число выпускников учебных заведений, на которых следует обратить внимание как на возможный источник трудовых ресурсов. В двух регионах Куйбышевской железной дороги присутствует значительное число соотечественников, приехавших в рамках государственной программы возвращения. В Тамбовской области их 1,4 тыс., а в Пензенской области — 1,2 тыс. человек.

Их потенциал может быть использован более активно. Также Самарская область традиционно является привлекательным регионом для трудовых мигрантов из соседних территорий России.

В регионах *Октябрьской железной дороги* стратегия восполнения дефицита трудовых ресурсов для РЖД должна строиться на рационализации использования труда безработного населения, привлечения выпускников учебных заведений, а также использовании труда мигрантов из соседних регионов. Наибольшая численность безработных в Тверской, Ленинградской и Мурманской областях, Санкт-Петербурге. Следует отметить, что в Тверской области значительный резерв трудовых ресурсов представляют собой соотечественники – 2,7 тыс. человек. Санкт-Петербург также активно использует труд мигрантов из соседних регионов страны. Большое количество выпускников разных учебных заведений можно привлечь на работу в РЖД в Санкт-Петербурге, Ярославской и Тверской областях.

В регионе *Калининградской железной дороги* отмечается особенная ситуация с восполнением трудовых ресурсов. Область занимает первое место в России по числу принятых соотечественников в рамках государственной программы возвращения (более 14 тыс. человек). Многие из них обладают высоким уровнем квалификации и могут быть привлечены в железнодорожную отрасль. Кроме того, в области примерно 27 тыс. безработных, среди которых можно найти определенную часть трудовых ресурсов.

В районах *Северной железной дороги* главным источниками пополнения трудовых ресурсов могут быть безработные, большая численность которых отмечается в Кировской области, Республике Коми, Архангельской области. Необходимо развитие программ по переобучению и переqualификации безработного населения. Кроме того, значительные ресурсы представляют собой выпускники учебных заведений в Ивановской, Кировской, Вологодской областях.

В перспективе восполнение трудовых ресурсов в регионах, через которые проходит *Юго-Восточная железная дорога*, более эффективно осуществлять за счёт выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования (Липецкая, Белгородская, Курская и Воронежская области), а также соотечественников, принятых в регионы в достаточно большом количестве (Липецкая, Курская и Воронежская области). Значительным источником трудовых ресурсов могут быть трудовые мигранты из российских регионов. Для жителей соседних регионов традиционно привлекательными были Белгородская, Липецкая и Воронежская области. В Воронежской области более 50 тыс. безработных граждан. Данный ресурс также следует более активно использовать РЖД.

В регионах *Северо-Кавказской железной дороги* основными источниками пополнения трудовых ресурсов должны стать безработные. Данный ресурс должен быть приоритетным, поскольку он может иметь существенное социальное значение. Снижение безработицы и создание новых рабочих мест в регионах Северного Кавказа могут существенно снизить социальную и межнациональную напряженность, а также улучшить имидж РЖД как социально ориентированной компании. В Чеченской Республике более 87 тыс., в Дагестане – около 160 тыс., в Краснодарском крае – 158 тыс., в Ростовской области – около 120 тыс. безработных. Требуется более тесное взаимодействие с территориальными структурами Федеральной службы занятости населения. Для некоторых регионов важный ресурс – выпускники учебных заведений, которых наиболее много в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Дагестане.

В регионах Красноярской, Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Забайкальской, Дальневосточной и Сахалинской железных дорог, учитывая демографическую ситуацию и положение на рынке труда, следует ориентироваться в ближайшей перспективе на удержание молодых

специалистов — выпускников различных уровней учебных заведений, численность которых достаточно велика в Красноярском крае, Новосибирской области, Алтайском и Приморском краях. Довольно значимым ресурсом могут быть соотечественники, прибывшие в рамках государственной программы возвращения в Россию. Их значительный потенциал сосредоточен в Красноярском крае, Омской, Новосибирской и Иркутской областях, Хабаровском и Приморском краях. В среднесрочной перспективе существенным ресурсом для многих регионов может стать переобучение безработных, для чего необходима более тесная координация действий с территориальными структурами Федеральной службы занятости. Особенно это касается таких регионов, где численность безработных выше 70 тыс. человек: Красноярский и Алтайский края, Кемеровская, Иркутская, Омская и Новосибирская области, регионы Дальнего Востока. Кроме того, Новосибирская область и Красноярский край были традиционно привлекательными для трудовых мигрантов из соседних регионов, которые могут восполнить некоторую часть трудовых ресурсов.

Таким образом, перед ОАО «РЖД» в области обеспеченности трудовыми ресурсами наиболее остро стоят две проблемы. *Во-первых*, происходит активный процесс «омоложения» трудовых ресурсов. В 2017 г. численность людей в возрасте до 35 лет составила 41,6%, но в 2019 г. эта доля составила уже 39,8%, тогда как работники пенсионного возраста по-прежнему составляют около 4% штатного состава ОАО «РЖД». В то же самое время происходит рост средневозрастной группы (36–45 лет) в кадровом составе компании. Это даёт определённые преимущества компании, которые необходимо использовать. Например, параллельные процессы «постарения» и «омоложения» могут служить основой для развития наставничества в компании, эффективной передачи знаний и навыков от старшего поколения рабочих молодёжи. Это может иметь и мультипликатив-

ные эффекты, связанные с более прочным закреплением молодёжи в компании.

Во-вторых, обостряется дефицит трудовых ресурсов на рынках труда в некоторых регионах деятельности ОАО «РЖД», что связано с негативной демографической ситуацией и сокращением численности населения трудоспособного возраста. Для этого ОАО «РЖД», с одной стороны, может использовать стратегию инвестиций в региональную демографическую политику территорий своей основной деятельности; с другой стороны, может использовать пока неэффективно используемые резервы, а именно переобучение безработных, привлечение выпускников вузов, трудовых мигрантов из сопредельных регионов, что особенно актуально для регионов Дальнего Востока и Сибири, имеющих сложную демографическую и миграционную ситуацию.

* * *

Перед ОАО «РЖД» как монополистом железнодорожной отрасли государством ставятся всё более амбициозные цели и задачи в аспекте транспортного обеспечения геостратегических регионов страны и обеспечения международной конкурентоспособности России в транспортной отрасли. Они строятся вокруг сформированной властями стратегии развития железнодорожного транспорта и в плане инновационного развития сосредоточены вокруг двух основных тем совершенствования железнодорожного транспорта России — высокоскоростных магистралей и беспилотного вождения.

Однако всё же самым важным для транспортного комплекса России в целом являются инновации в виде высокоскоростных магистралей. Одной из первых до недавнего времени была магистраль Москва—Казань, которая должна была пройти по территории с суммарным населением 25 млн человек, заметно улучшив пространственные связи между собой таких городов, как Москва, Владимир, Нижний Новгород, Чебоксары и Казань. Здесь могли быть применены новые со-

вместные разработки по скоростным поездом зарубежных и отечественных конструкторских бюро.

При этом организация высокоскоростного движения, его техническое оснащение и обслуживание представляют собой сложную коллаборацию дирекций движения и инфраструктуры, а также эффективную систему подготовки профессионального кадрового персонала. В России уже существует опыт эксплуатации поездов со скоростями 200 км/ч и выше, однако для эксплуатации путей с гораздо большими скоростными нагрузками необходимо изучать зарубежный опыт высокоскоростного движения. Генеральной схемой развития сети железных дорог ОАО «РЖД» предусматривается проектирование и строительство порядка 4200 км высокоскоростных линий со скоростями поездов 300–400 км/ч, а также организации более 7000 км скоростного движения на уже существующей инфраструктуре между регионами со скоростями 160–200 км/ч. Разумеется, постоянные срывы сроков и изменения проектов играют негативную роль в достижении этих показателей, в связи с чем высока вероятность, что эти показатели не смогут быть достигнуты до 2025 года. Однако государство понимает, что создание систем высокоскоростного транспорта обеспечит необходимый уровень транспортной доступности крупных социально-экономических центров России, что крайне актуально для малозаселённых территорий Сибири и Дальнего Востока.

Наиболее определённые сроки инноваций на железной дороге имеют беспилотные системы. В России уже существует система частичного автоматического ведения поезда, которая используется метрополитенами Санкт-Петербурга и Казани. Кроме того, на кольцевой линии московского метрополитена ещё в 2016 г. начал курсировать поезд на автопилоте, который стал началом внедрения беспилотного управления поездами в России. После постройки Московского центрального кольца (МЦК), интегрированного с метрополитеном, сразу началось активное обсуждение внедре-

ния на кольцо беспилотного движения. Сегодня тестируются беспилотные «Ласточки». Планируется, что в 2021 г. все 51 электропоезд переоборудуются и начнут курсировать в автоматическом режиме. Уже создана инфраструктура, благодаря которой управление беспилотным электропоездом будет осуществляться из центра управления перевозками, где при возникновении нештатных ситуаций оператор сможет вывести поезд из режима автоматического в режим дистанционного управления.

Если результаты беспилотного движения на МЦК окажутся такими же успешными, как автоматическое движение поездов метро, то разработка беспилотных железнодорожных систем активизируется на различных объектах инфраструктуры, в том числе на железнодорожных. Можно надеяться, что уже в недалёком будущем в нашей стране поезда без машинистов смогут пойти уже по железным дорогам с меньшими интервалами следования и большими скоростями движения. Важно понимать, что цифровизация сегодня предоставляет возможности для повышения привлекательности железнодорожного движения как для пассажиров, так и для грузовладельцев. Более того, для массового внедрения высокотехнологичных поездов на маршруты важно подготовить не просто дорожную инфраструктуру и создать наивысший уровень надёжности и безопасности, но и убедить пользователей железной дороги в этих преимуществах.

Рассматривая сценарии развития кадрового потенциала ОАО «РЖД», компании целесообразно разработать стратегические программы формирования кадровой политики и пополнения трудовых ресурсов для каждой региональной железной дороги, входящей в РЖД, с учётом региональной специфики демографических процессов, ситуации на рынке труда и наличия ресурсов на среднесрочную перспективу, а также продолжить политику, направленную на омоложение персонала. В данном случае возможна работа в двух направлениях. *Во-первых*, более активное привлечение новых молодых специалистов в компанию.

Во-вторых, закрепление и стимулирование роста и развития тех, кто уже в ней работает.

В свете негативной демографической ситуации и неблагоприятных прогнозов её развития в большинстве регионов России, РЖД необходимо более активно инвестировать во внутрикорпоративную политику поддержки рождаемости и укрепления семей сотрудников компании, в том числе поддерживать молодые семьи сотрудников. Это позволит закрепить их в компании, сократит текучесть кадров, омолодит возрастную структуру.

Рекомендуется уделить особое внимание переобучению безработных, которых достаточно большое количество во многих регионах деятельности РЖД. С учётом отдалённости и негативной демографической динамики многих регионов переквалификацию и переобучение безработных можно считать более дешёвым и эффективным способом пополнения дефицита трудовых ресурсов в ближайшей перспективе.

В регионах, участвующих в государственной программе стимулирования возвращения соотечественников, целесообразно разработать специальные меры по их привлечению через службу занятости и напрямую для работы в РЖД. Данная группа мигрантов

отличается высоким уровнем квалификации и через полгода по прибытии в Россию получает гражданство в упрощённом порядке. Рекомендуется использовать организованный набор рабочей силы в трудоизбыточных регионах России, в том числе регионах Северного Кавказа и Поволжья, для сокращения дефицита трудовых ресурсов в трудо-недостаточных регионах, и особенно в регионах Дальнего Востока.

Необходимо совершенствовать статистику трудовых ресурсов в направлении систематизации банка данных по региональным железным дорогам, что позволит осуществлять чёткий мониторинг трудовых ресурсов, строить более точные прогнозы и принимать более оперативные и эффективные решения в области управления персоналом.

В случае положительного решения кадровых проблем в регионах стратегической деятельности ОАО «РЖД» и успешной реализации инновационных транспортных решений железнодорожная отрасль Российской Федерации сохранит свой уникальный потенциал и сможет на паритетных началах конкурировать с передовыми транспортными проектами зарубежных стран.

Список литературы

- Гришанова А.Г. Демографический фактор инновационного развития // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества / Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 3. 978 с.
- Демографический ежегодник России 2017. М.: Росстат, 2017. URL: www.gks.ru (дата обращения: 24.08.2019).
- Есикова Т.Н., ИONOва В.Д. Формирование современной транспортной сети Сибири и Дальнего Востока // Восточная аналитика. 2010. № 1. С. 29–33.
- Макаров И.А., Макарова Е.А., Караганов С.А. и др. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.
- Рязанцев С.В. Видит ли миграционная политика России человека? (антропологическое измерение российской миграционной политики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 167–177.
- Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 25–29.
- Цветков В.А., Зойдов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. М.: ИПР РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. 799 с.
- Fomin M.V., Ryazantsev S.V., Bezverbnyi V.A., Mikryukov N.Yu., Ter-akopov A.A. Project federal territories as an object of the spatial development of Siberia and the Far East of Russia // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. No. 19. P. 107–119.

- Hill F., Gaddy C.G. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 2003. 240 p.
- Liliopoulou A., Roe M., Pasukeviciute I. Trans-Siberian Railway: from inception to transition // European Transport \ Trasporti Europei n. 29 (2005). P. 46–56.
- Ryazantsev S., Manshin R., Vazirov Z. China's Influence on the Social and Economic Development of the Central Asian States: Methods and Consequences // Central Asia and the Caucasus, Journal of Social and Political Studies. 2018. Vol. 19. No. 1. P. 18–25.
- Tolley R., Turtan B.J. Transport Systems, Policy and Planning: A Geographical Approach. New York: Wiley, 1995. 799 p.

REGIONAL POLICY OF THE RUSSIAN RAILWAYS IN THE CONTEXT OF DEPOPULATION

GEOPOLITICAL AND SOCIO- DEMOGRAPHIC ASPECTS*

ALEXANDER TER-AKOPOV

Institute for Demographic Research — Branch of The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation

VADIM BEZVERBNY

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Institute for Demographic Research — Branch of The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation

Abstract

Railway transport have unique geopolitical and socio-economic importance for the Russian Federation, providing transport links between most regions, connecting the Asian and European parts with each other and some foreign countries, as well as holds together such a territorially large state as Russia in transport and socio-economic relation. In this regard, the problem of the development of transport systems in strategic regions of Russia, as well as the specifics of the regional policy of Russian Railways in the context of demographic problems and the geopolitical position of these territories, is becoming especially urgent. It is significant that the main connecting element of the infrastructure of the Asian part of the country is the rail transport. The research of the authors showed that the demographic and migration situation in the Russian regions is to a certain extent dependent on the density of the railway network. Then higher the density of railways, the more attractive regions in terms of migration are. And, on the contrary, in regions with a low density of railways, there is a steady trend of the migration outflow of the population. At the same time, demographic forecasts show that in the absence of promising infrastructure projects, negative trends in migration outflow and natural population decline are highly likely to continue, and, therefore, in the medium term, the population of the eastern regions will decline. In our opinion, for the effective spatial development of the territories of Siberia and the Far East, it is necessary to form a network of modern multimodal transport hubs and international transport corridors that take into account the climatic and demographic aspects of the development of the eastern territories of Russia. In addition,

* The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 17-78-10233.

international competition for promising transport projects is constantly growing, which, given the low efficiency of the location of productive forces and the unused spatial potential of the Russian economy, becomes a significant geo-economic threat. The presented article examines the influence of the transport infrastructure level development for the system of settlement and trends in the socio-economic development of geostrategic territories of Russia; identified trends in the spatial and socio-economic development of the eastern territories located near the main railway lines; analyzed the demographic situation and migration trends in the eastern territories in the context of the personnel needs of the railway complex; strategic directions for the formation of personnel policy and replenishment of labor resources at Russian Railways have been developed. In addition, recommendations were developed to improve the efficiency of the spatial development of Siberia and the Far East based on the development of railway transport and promising projects for the formation of innovative transport systems.

Keywords:

rail transport; territorial connectivity; resource potential; natural and climatic factors; population distribution; depopulation; territory density; internal migration; population outflow.

References

- Cvetkov V.A., Zoidov K.H., Medkov A.A. (2014) *Formirovanie evolyucionnoj modeli transportno-tranzitnoj sistemy Rossii v usloviyah integracii i globalizacii* [Formation of an evolutionary model of the transport and transit system of Russia in the context of integration and globalization.]. IPR RAN. 799 p.
- Esikova T.N., Ionova V.D. (2010). Formirovanie sovremennoj ttransportnoj seti Sibiri i Dal'nego Vostoka [Formation of a Modern Transport Network in Siberia and the Far East]. *Vostochnaya analitika*. No. 1. P. 29–33.
- Fomin M.V., Ryazantsev S.V., Bezverbnii V.A., Mikryukov N.Yu., Ter-akopov A.A. (2019). Project federal territories as an object of the spatial development of Siberia and the Far East of Russia. *Amazonia Investiga*. Vol. 8. No. 19. P. 107–119.
- Grishanova A.G. (2017). Demograficheskij faktor innovacionnogo razvitiya [Demographic factor of innovative development] *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. No. 12. INION RAN. P. 470–474.
- Hill F., Clifford G.G. (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press. 240 p.
- Liliopoulou A., Roe M., Pasukeviciute I. (2005). Trans-Siberian Railway: from inception to transition. *European Transport \ Trasporti Europei*. N. 29. P. 46–56.
- Liliopoulou A., Roe M., Pasukeviciute I. (2005). Trans-Siberian Railway: from inception to transition. *European Transport \ Trasporti Europei*. N. 29. P. 46–56.
- Makarov I. A., Makarova E. A., Karaganov S. A. et. al. (2016) *Povorot na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyah usileniya aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii* [Turn to the East. Development of Siberia and the Far East in the context of strengthening the Asian vector of Russia's foreign policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 448 p.
- Rosstat. (2017). *Demograficheskij ezhegodnik 2017* [Demographic Yearbook of Russia 2017]. Moscow. URL: www.gks.ru (accessed: 24.08.2019).
- Ryazancev S.V. (2014). O yazykovoj integracii migrantov kak novom orientire migracionnoj politiki Rossii [On The Language Integration Of Migrants As A New Orientation of The Migration Policy Of Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 9 (365). P. 25–29.
- Ryazancev S.V. (2019). Vedit li migracionnaya politika Rossii cheloveka? (antropologicheskoe izmerenie rossijskoj migracionnoj politiki) [On the linguistic integration of migrants as a new landmark in the migration policy of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 59. P. 167–177.
- Ryazantsev S., Manshin R., Vazirov Z. (2018). China's Influence on the Social and Economic Development of the Central Asian States: Methods and Consequences. *Central Asia and the Caucasus, Journal of Social and Political Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 18–25.
- Tolley R., Turton B.J. (1995). *Transport Systems, Policy and Planning: A Geographical Approach*. New York: Wiley. 799 p.

НОВЫЕ КОНТУРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

ВИКТОР МИЗИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается современная ситуация с концепцией стратегической стабильности в условиях кризиса во взаимоотношениях России с НАТО и США, а также появления новых влиятельных игроков. По словам В.В. Путина, система стратегической стабильности в мире продолжает деградировать. В то же время автор подчёркивает императивную задачу разработки новых основ и подходов к глобальным параметрам стратегической стабильности с учётом современных реалий. По мнению автора, новая концепция стратегической стабильности может быть сфокусирована не только на приоритетности недопущения ядерного конфликта между крупнейшими ядерными державами. Она должна учитывать всю совокупность факторов, определяющих военно-политическую ситуацию в современном мире, включая политические и социально-экономические тенденции глобального развития. Анализ назревшего системного поворота в мировых процессах невозможен без кардинальной переоценки всей парадигмы международной безопасности, и прежде всего концепции стратегической стабильности, являющейся теоретической основой как военной политики, так и подходов к контролю над вооружениями. Академическому сообществу требуется разработка принципиально инновационной стратегии контроля над вооружениями в новых условиях. Будет ли это двусторонняя российско-американская схема или многосторонняя конструкция — вопрос, требующий прояснения в процессе дипломатических консультаций. Требуемая концепция должна, очевидно, быть как многокомпонентной (стратегическое ядерное оружие, нестратегические ядерные системы, противоракетная оборона, «глобальный обычный удар», гиперзвуковое, кибернетическое, космическое, лучевое, дроны и другие «экзотические» виды и типы оружия), так и многосторонней (то есть должна учитывать ядерные силы и ядерный потенциал третьих стран, а не только двух традиционных соперников — России и США). Такая концепция стратегической стабильности должна, таким образом, быть гораздо более «целостной» и всеобъемлющей, охватывая не только военный потенциал ведущих держав, но и, принимая во внимание их политические отношения и разногласия, задачи обеспечения сдержанности и предотвращения крупных конфликтов в современном мире. Как таковая она предполагает всестороннее изучение реалий кризиса в международной системе, прежде всего в отношениях «диад» Россия–НАТО и Россия–США на фоне появления новых обладателей ядерных вооружений.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2020

Дата принятия к публикации: 02.09.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vmizin@hotmail.com

Помимо всего прочего, эти факторы возникающего соотношения сил в мире делают невозможным переход к безъядерному миру в обозримом будущем. В этой связи автор ставит перед экспертным сообществом задачу формулирования конкретных путей внедрения новых концептуальных основ оценки глобальных параметров эволюции мировой системы, разработки прагматических инициатив, которые могут быть предприняты для повышения общей стабильности и взаимодействия между США, НАТО, Россией и другими формирующимися глобальными игроками.

Ключевые слова:

глобальная безопасность; контроль над вооружениями; ядерное оружие; новые технологии; стратегическая стабильность; полицентричность; Россия; США; Китай; стратегический баланс; сдерживание.

Мировые процессы находятся в стадии фазового перехода в качественно новое состояние. Среди международных экспертов получают хождение тезисы о высокой турбулентности, об усилении вектора *хаотизации* в мировой политической жизни, волатильности существующих мировых процессов [Miller 2020]¹, что прямо противоречит «классическим» подходам о наличии некоторого международного порядка, [Bull 1977], разделяемым и рядом современных исследователей [Барановский 2017]. При всём многообразии и при всей сложности мировой системы происходит её кардинальная трансформация, которая может иметь непредсказуемые и даже крайне негативные последствия [Naas 2017]. Не оправдали себя концепции «конца истории» и «столкновения цивилизаций» (к последнему никак нельзя отнести борьбу с исламистским терроризмом и всплеск антизападных настроений в мусульманских кругах западных стран из-за исламистской пропаганды). Всего этого сейчас просто нет.

Новые «драйверы» мирового развития — особенно после начала коронавирусной пандемии — подвергают сомнению такие привычные концепции, как главенство «классического» либерализма, наличие мировой системы международных отношений или международного порядка, сущность и верховенство демократии и особенно лозунг её насаждения в развивающихся странах. Налицо кризис ранее принятых западным академическим сооб-

ществом концепций глобализации или «мультикультурализма».

Вся структура международных отношений качественно эволюционировала. Государства всё сильнее самоизолируются от системы прежних альянсов и коалиций, интеграционных блоков, предавая забвению концепции типа «Единой Европы». Разобщённость под лозунгами нового консерватизма и псевдопатриотизма на фоне разрастания в обществах ксенофобских тенденций и популистской риторики лидеров многих стран становится заметным явлением. После завершения «холодной войны» бессмысленно говорить об отсутствии острейшей конкуренции крупных держав и наивно верить в торжество идеалов всеобщего мира по Иммануилу Канту. В этих условиях страны-лидеры откатываются назад к ситуации XIX века — эпохе противостояния и «концерта великих держав», в основном пока ещё западных. После тридцатилетней интерлюдии в мировую политику вернулась конкуренция между ведущими державами.

На Западе политологи и политики заявляют о конце Вестфальской системы и будто бы об уходе в прошлое Ялтинско-Потсдамской системы [Spruyt 2000; Vaughan 2011; Dryzek 2012; Kreuder-Sonnen, Zangl 2015; Al-Kassimi 2016]². Множатся там и попытки расшатывания традиционных устоев международного права, ширится пренебрежение ключевыми prerogativami ООН и её Совета Безопасности. В результате фактического обструкционизма запад-

¹ См. также: Haass R.N. The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It. Not Every Crisis Is a Turning Point. Foreign Affairs. April 2020. URL <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>

² См. также: Kolesnikov A. Re-defining Yalta: Putin at the UN. 05.11.2015. URL: <https://carnegie.ru/commentary/61486>

ных держав государственные деятели и эксперты всё сильнее критикуют едва ли не все международные и региональные организации (от ООН до Всемирной организации здравоохранения, от НАТО до ОБСЕ)³.

Тем не менее именно в ситуации нарастания разобщённости, поляризации мирового *политикума*, отгораживания от процессов глобализации в национальных границах, растерянности перед лицом кризиса системы международных отношений необходимы механизмы для принятия коллективных действий [Ostrom 2010]. Их создание требует согласованных в глобальном масштабе усилий и не может стать продуктом решений, принимаемых на национальном уровне.

С начала 2020 г. стали множиться прогнозы о том, насколько пандемия COVID-19 изменит не только жизнь отдельных стран, но и международную систему в целом⁴. Скорее всего, это будут естественные мутации, без коренного передела миропорядка. Коллапс всей миросистемы маловероятен, хотя возможна рецессия экономики, для преодоления которой потребуются координация антикризисных мер многих ведущих государств⁵.

В энтропийной ситуации не срабатывает ставка на сдерживание, которая в современных реалиях неприемлема по своей

концептуальной архаике и на практике не удовлетворяет интересы его инициаторов. Подавляющее большинство стран отвергают практику диктата и навязывание двойных стандартов⁶. Вместе с тем сегодня требуются не широковещательные декларации и лозунги, рассчитанные на пропагандистский эффект, а выработка конкретной, пусть и «приземлённой» стратегии [Drezner, Krebs, Schweller 2020].

Инновационные решения необходимы и для купирования обострившегося в 2010-х годах противостояния России и стран НАТО во главе с США. Кризис на Украине и возвращение Крыма, помощь Сирии в борьбе с глобальным исламским мегатерроризмом, успехи в решении ключевых проблем — таких как положение на Ближнем Востоке, на Корейском полуострове и ситуация с Ираном — отчётливо обозначили (диалектически — несмотря на неприятие её политики и раздражение на Западе) усиление роли и повышение статуса России в мировой политике. США и их союзники будут продолжать диалог с «токсичной» Москвой, потому что её влияние бесспорно даже при ограниченных по сравнению с советским периодом ресурсах. На Западе осознают, что без России, в том числе и в формате пятёрки постоянных членов Совета Безопасности ООН, невозможно решить ряд глобальных

³ США вышли из Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН) в октябре 2017 г. и июне 2018 г. соответственно. США также объявили о намерении выйти из Всемирной организации здравоохранения 6 июля 2021 г., хотя кандидат в президенты от Демократической партии Джо Байден заявил, что он отменит это решение. Lee M., Lederman J. Trump administration pulls US out of UN human rights council. June 20, 2018. URL: <https://apnews.com/article/9c5b1005f064474f9a0825ab84a16e91; Congressional withdrawal legislation. United States House of Representatives. Archived from the original on November 7, 2007>.

⁴ Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. Wall Street Journal. 03.04.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed: 30.06.2020).

⁵ Иванов И. Мир будет другим. Российский совет по международным делам. 20.04.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-budet-drugim/>

⁶ Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>; Путин В.В. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 22 октября 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261>; Применение практики «двойных стандартов» как фактор возникновения конфликтов в современном мире. Центр стратегических оценок и прогнозов. ГКД <http://csf.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/primenenie-praktiki-dvoynyh-standartov-kak-faktor-vozniknoveniya-konfliktov-v-sovremennom-mire-6438>; Положение дел в мире: update — политика, экономика, развитие. Доклад Дипломатической академии МИД РФ. URL: <http://dipacademy.ru/press/287>. См. также: [Ноздрин 2012; Михайленко 2015].

проблем, таких как рост опасной военной активности и инцидентов, угроза распространения оружия массового уничтожения и международный терроризм, контроль ядерных программ КНДР и Ирана, киберпреступность, энергетическая проблема, изменение климата и экологический кризис, пиратство, наркоторговля и распространение инфекционных заболеваний.

В отношении Москвы коллективный Запад действует как единое целое, с единой выработанной программой — несмотря на известные и подчёркиваемые у нас в политологическом сообществе различия в подходах США и европейской части НАТО, «старых» и «новых» членов альянса, а также на позицию умиротворителей России среди представителей бизнеса или стран юга Европы. Многие на Западе сейчас понимают, что период конфронтации с Россией чрезмерно затянулся, приобрёл тревожные для мировой стабильности масштабы. В своей политической раздвоенности Запад, не отказываясь от политики сдерживания и давления, одновременно нацелен на продолжение диалога с Москвой в русле *Доклада Армеля* 1960-х годов.

С большой долей определённости можно констатировать начало нового периода в мировых делах, как и нового этапа в российской внешней политике. При этом её главные векторы остаются неизменными: это прежде всего открытость, предсказуемость, прагматизм, нацеленность на достижение и отстаивание национальных интересов без конфронтации. По мнению многих экспертов, Москва активно декларирует стремление стать новым полюсом влияния, а значит, и интеграционным, системообразующим игроком [Putin's Grand Strategy... 2014; Radin, Reach 2017]⁷. Сложно отрицать наличие у России стремления находить решения таких задач, как обеспечение на-

дёжной безопасности страны, укрепление суверенитета и территориальной целостности, сохранение за собой прочных позиций одного из влиятельных центров современного мира, поскольку это необходимо для роста её политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала. Как отмечал в 2012 г. в программной статье по внешней политике В.В. Путин: «Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убеждён, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь “задвинуть” её, ослабить её геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности»⁸. В фильме Владимира Соловьёва «Миропорядок 2018» Президент Российской Федерации заявил, что ядерный удар приведёт к глобальной катастрофе, после чего задался вопросом: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?»

Суверенный курс приводит «вставшую с колен» Россию к противостоянию с борющимися за сохранение глобального влияния США, которое напоминает глобальное соревнование Москвы и Вашингтона времён «холодной войны». Соединённые Штаты всемерно стараются сохранить роль единственной сверхдержавы, в том числе в военной политике. Обострение противостояния прослеживается и в ядерной доктрине Вашингтона, как она раскрывается в «Обзоре ядерной политики» 2018 года. В целом этот документ следует ориентирам, установленным администрацией Барака Обамы в 2010 году. Вместе с тем Обзор администрации Дональда Трампа включает в себя несколько важных изменений. Самым существенным можно считать рекомендацию расширить номенклатуру и повысить роль ядерного оружия США. Обзор неприкрыто конфронтационен. Его

⁷ См. также: Russian Strategic Intentions A Strategic Multilayer Assessment, (SMA) White Paper, May 2019. URL: <https://www.politico.com/f/?id=0000016b-a5a1-d241-adff-fdf908e00001>; Russia's Sentimental Revisionist Approach to Competition and Conflict — A Future of Global Competition and Conflict Virtual Think Tank Report, NSI report. September 2019. URL: <https://nsiteam.com/russias-sentimental-revisionist-approach-to-competition-and-conflict-a-future-of-global-competition-and-conflict-virtual-think-tank-report/>

⁸ Путин В.В. Россия сосредотачивается. Известия. 16.01.2012. URL: <https://iz.ru/news/511884>

составители заявляют о конкуренции великих держав, формулируют планы разработки новых ядерных вооружений и модификации имеющихся. Сделан упор на расширение ядерных возможностей США для сдерживания, а в случае неудачи последнего — для победы как в ядерных, так и в неядерных стратегических конфликтах⁹. Будущие американские администрации, вне зависимости от конкретных персоналий, будут нацелены на продолжение курса по поддержанию глобального доминирования, в тесном взаимодействии с ключевыми союзниками по НАТО, и на весьма недвусмысленное, зачастую риторическое, противостояние с Россией — несмотря на некоторые обмолвки о готовности к диалогу.

Ни у США, ни у России не видно намерений изменить свою позицию ни по одному из вопросов. Из чего следует вывод, что продолжатся и взаимные санкции, и риторика, в своей жёсткости иногда превосходящая сдержанно-предсказуемую «холодную войну» и заставляющая многих политологов рассуждать о якобы уже ведущейся войне «гибридной» [Подлесный 2018; Белобров 2020].

2

Противостояние Запада и России по ряду ключевых мировых проблем, усилившееся после 2008 и особенно 2014 годов, затронуло и как бы на время выпавшую из разряда приоритетов мировой политики сферу контроля над вооружениями. Оказалось, что она уже не обладает иммунитетом от общего состояния политического климата между Россией и Западом, как это было в годы «холодной войны». Проблематика контроля над вооружениями сегодня крайне политизированна. В текущей ситуации технически готовые решения нельзя реализовать на практике, тем самым продвига-

ясь к заключению новых взаимовыгодных договорённостей в целях снижения международной напряжённости и уровня военной угрозы. Уже почти общепринятым в экспертной среде стало утверждение, что процесс контроля над вооружениями — бесспорно, ключевой фактор укрепления международной безопасности, от успехов которого зависит благополучие, да и выживание человечества — находится в глубоком кризисе [Арбатов 2015; Rumer 2018; Arbatov 2019; Brooks 2020; Ford 2020; Gottemoeller 2020; Pranay, Acton 2020].

Среди ведущих экспертов укрепляется убеждённость в том, что после краха договоров по противоракетной обороне и по ракетам средним и меньшей дальности, когда под вопрос поставлены Договоры о нераспространении ядерного оружия и по открытому небу, нас ожидает чуть ли не коллапс всей исторически сложившейся системы международно-правовых режимов в сфере контроля над вооружениями. Констатируется и отсутствие реализуемых рецептов по выправлению ситуации. В экспертном сообществе нарастает растерянность.

На фоне фундаментальных изменений в военно-технической сфере рост напряжённости между США и Россией прямо угрожает подорвать стратегическую стабильность. К этому ведёт появление новых киберсетевых, космических, высокоточных обычных, противоракетных, гиперзвуковых и основанных на искусственном интеллекте систем вооружений [Арбатов 2020]. Новые технологические возможности угрожают непредсказуемостью стратегической ситуации, повышают вероятность неправомерной её оценки, что увеличивает риск потери уверенности в потенциале сдерживания, в возможности нанесения потенциальному агрессору неприемлемого ущерба в кризисной ситуации¹⁰.

⁹ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL> (accessed: 01.03.2018).

¹⁰ Zwack P. Arms Control in the COVID-19 Era: No Next Step without New START. Kennan Cable No. 50. 2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-50-arms-control-covid-19-era-no-next-step-without-new-start>

Вашингтон и Москва придерживаются различных, зачастую и прямо противоположных взглядов на ситуацию в сфере глобальной безопасности. Тупиковое положение в этой области провоцирует новые серьёзные угрозы стабильности в мире, чревато неожиданными кризисами. Если российские лидеры постоянно подчёркивают, что их страна ни на кого не собирается нападать и лишь отстаивает свои законные национальные интересы, то Соединённые Штаты и НАТО упорно воспринимаят Москву как новоявленного реваншистского игрока, намеревающегося восстановить гегемонию на постсоветском пространстве, практически по всей Европе, в Азии и Латинской Америке.

Однако ни серьёзнейшее с времён «холодной войны» комплексное многоканальное противостояние с Западом, ни продолжение санкционной борьбы отнюдь не означают, что российской военно-политической элите следует «взять паузу» или отказаться от активных внешнеполитических инициатив в области контроля над вооружениями и сокращения ядерных сил — при условии, конечно, поддержания паритета с оппонентами. Вот почему российской дипломатии было бы полезно сформировать здесь собственную повестку и буквально наступательно — в позитивном ключе — навязывать её партнёрам, пытаясь преодолеть нынешний системный кризис международной безопасности.

Главное теперь, в условиях слома Договора о ракетах средней и малой дальности, как признаёт экспертное сообщество, — добиваться **продления Договора по стратегическим наступательным вооружениям 2010 года**. Важность этого документа с его системами инспекций на местах базирования и обмена данными (уведомлениями) о стратегических силах сторон очевидна.

Теоретически России было бы важно договориться с США о дальнейших шагах на период после 2021 года, чтобы, даже в слу-

чае провала усилий по продлению ДСНВ, не допустить произвольного наращивания вооружений, поставить под контроль процесс развития и совершенствования стратегических ядерных сил обеих сторон, обеспечить предсказуемость и транспарентность, в том числе за счёт продолжения режима обязательных уведомлений и, возможно, интрузивных инспекций на местах. Маловероятно, однако, что российские военные согласятся на такие меры без юридически обязывающих договорённостей сторон.

В экспертном сообществе и в России, и в США уже намечаются интересные инициативы по дальнейшему развитию процесса контроля над стратегическими вооружениями. Было бы полезно также, чтобы Россия и США занялись проработкой параметров ядерного сдерживания, ядерных доктрин друг друга [Gallagher 2015; Reif, Mizin 2017; Arbatov 2019; Gottemoeller 2020].

Недопустимость любой войны между ядерными государствами должна быть, очевидно, закреплена юридически — например, принятием декларации по меньшей мере пятью официальными ядерными державами, повторяющей историческое Совместное заявление США и СССР на саммите в Женеве 1985 года («ядерная война не может быть выиграна и никогда не должна вестись»)¹¹.

Можно было бы согласовать параметры понижения разрешённых развёрнутых стратегических боезарядов до 1000–1200 единиц — с нынешнего уровня 1500. Прорабатываются и новые методики контроля — в том числе не только за носителями, но и за ядерными боезарядами — даже с инспекциями на местах их хранения, как бы фантастичным это сегодня ни казалось. Пока что, в условиях кризиса взаимного доверия и отсутствия постоянного диалога по стратегическим наступательным вооружениям, нереально добиваться договорённостей об уменьшении концентрации боезарядов

¹¹ Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. November 21, 1985. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-soviet-united-states-statement-summit-meeting-geneva>

на стратегических носителях, развёртывании исключительно средств, обладающих повышенной выживаемостью, и об ускоренном сокращении «дестабилизирующих» систем.

В Договоре 2010 г. есть ряд проблем, которые необходимо решать в будущем. В частности, не учтён «возвратный потенциал» — складированные, неразвёрнутые ядерные боезаряды. Технически эта часть арсенала может быть доразвёрнута достаточно быстро, если какая-либо из сторон перестанет выполнять Договор. Тогда потенциалы стратегических наступательных вооружений увеличатся до 3500 боезарядов у США и 2400 у России. Кроме того, подсчёт вооружения стратегических бомбардировщиков в ДСНВ 2010 г. весьма условен («один бомбардировщик — один заряд»). Было бы полезно в будущих соглашениях вернуться к зачёту по фактическому их вооружению, как и в Договоре СНВ-1 (1991). Проблему ограничения крылатых ракет большой дальности — на чём российская сторона исторически настаивала на переговорах вопреки сопротивлению американских коллег — сейчас вряд ли удастся решить. Напомним, что уже более двадцати лет назад были проведены эксперименты, позволяющие определить наличие ядерных боеголовок на носителях и тем самым открывающие возможности запрета ядерных крылатых ракет.

Логично, чтобы будущие договорённости охватили все виды ядерного оружия, независимо от их дальности. Большинство новых «экзотических» российских ядерных систем (многие из них с неясной дальностью полёта), объявленных В.В. Путиным 1 марта 2018 года, будут полностью развёрнуты лишь в середине 2020-х годов. В рамках процедур ДСНВ российская сторона уже продемонстрировала американским инспекторам ракетно-планирующий блок «Авангард». Теоретически нужны определение и ограничения вновь развёртываемых ракетно-планирующих или аэробаллистических систем (которые запускаются как баллистическая ракета, а затем маневрируют к цели как гиперзвуковой летатель-

ный аппарат). Россия заявила о готовности включить новые стратегические системы, такие как «Авангард» и «Сармат», в потолок стратегических наступательных вооружений после их развёртывания (хотя они находятся в «серой зоне», так как действующий договор не охватывает аэробаллистические ракеты воздушного старта с дальностью более 600 км или системы частично-орбитального бомбометания (FOBS), такие как «Сармат»). Предстоит решить вопрос о силах третьих ядерных держав — видимо, это задача неблизкого будущего.

Относительно **ракет средней и меньшей дальности** желательно было бы продолжить активно склонять США (при молчаливой поддержке европейских стран) к согласованию новых меморандумов об ограничении таких систем, в том числе географическими районами, и комплекса мер доверия, открытости и обмена данными — каким бы иллюзорным прогресс в этом отношении сегодня ни представлялся.

В этой активной работе следовало бы задействовать не только наше научно-экспертное сообщество и военных специалистов, но также депутатов Федерального Собрания и представителей гражданского общества. Можно надеяться, что этот призыв будет услышан и в академических кругах Запада, среди реалистично настроенных политиков и дипломатов и среди широкой общественности, прежде всего Европы. Наши парламентарии могли бы, например, создать двусторонние целевые группы по проблеме с коллегами из Европейского парламента и парламентов отдельных европейских стран, да и Конгресса США. Ведь, несмотря на нежелание «старых» европейцев, в принципе не исключено появление ракет средней дальности США в регионе. Причём уже не в Германии, как в 1980-х годах, а в Польше, Румынии, в Прибалтике. Это могут быть не только какие-то новые баллистические «Першинги-3» с подлётным временем около 3 минут, но и ракетно-планирующие системы с гиперзвуковыми крылатыми блоками, летающие по непредсказуемым траекториям, что серьёзно затруднит задачи их ран-

него обнаружения и перехвата. Это приближает вероятность сценария нашего упреждающего превентивного удара по ним, то есть резкий разворот российской ядерной доктрины, что, естественно, повысит угрозу эскалации в случае конфликта¹².

При сценарии, когда Россия и США начнут фактически рушить основы инфраструктуры разоружения и контроля над вооружениями, это будет лишь подталкивать малые и развивающиеся государства к выходу из режимов нераспространения ядерного оружия и контроля за ракетными технологиями.

Москве и Вашингтону предстоит вернуться к поиску **компромисса по ПРО**. Нельзя не согласиться с видным экспертом по вопросам безопасности, нынешним послом Российской Федерации в США А.И. Антоновым, что «при любых обстоятельствах политико-дипломатические усилия в этой сфере необходимо продолжать. Как представляется, российской и американской сторонам принадлежит особая роль в развитии сотрудничества в области ПРО между Россией и НАТО, и полное использование имеющегося потенциала может послужить основой для продвижения этого сотрудничества по конструктивному руслу» [Антонов 2012].

При этом следует иметь в виду, что, согласно Резолюции о совете и согласии Сената США на ратификацию нового Договора о стратегических наступательных вооружениях, никакие ограничения в сфере противоракетной обороны в принципе в настоящий момент невозможны. Соединённые Штаты намерены продолжить многолетние работы по развёртыванию многоэшелонированной системы ПРО своей территории и за её пределами, включая Европу (раздел «а»: пп. 12.Aii; раздел «в»: п. 1A; раздел «с»: пп. 2C, 2D, 2E). Более

того, противоракетная оборона должна находиться вне любых будущих переговоров в сфере сокращений ядерных вооружений (раздел «а»: п. 12.Aii)¹³.

В перспективе России предстояло бы договариваться с США и другими странами, располагающими противоракетным потенциалом, об ограничении числа ракет-перехватчиков стратегического назначения максимальным потолком. В первую очередь для России важно добиться неразмещения систем ПРО в непосредственной близости от её территории и в космосе. Иначе нам придётся рассматривать в качестве приоритетных целей все наземные и морские объекты противоракетной обороны США по миру и далее развивать собственное противоспутниковое оружие.

Было бы также полезно согласовать определённые меры транспарентности и разграничить системы противоракетной обороны: например, ограничить стратегическую оборону против МБР и БРПЛ в пределах взаимоприемлемых параметров, опираясь на параметры СНВ-III 1997 года, при этом позволяя региональным системам ПРО защищать от баллистических и крылатых ракет средней и малой дальности. Обе стороны могут достичь специального политического соглашения, которое не потребует ратификации Конгрессом США, где противоракетную оборону считают приоритетной программой.

Это может включать в себя: обмен общими планами по количеству и местам будущего развёртывания перехватчиков противоракетной обороны; меры транспарентности, включая посещение испытательных полигонов ПРО и различного рода уведомления; демаркацию между тактическими и стратегическими перехватчиками противоракетной обороны в соответствии с «Общими договоренностями, касающимися пер-

¹² По словам известного военного эксперта, бывшего начальника Главного штаба РВСН генерал-полковника В.И. Есина: «Если американцы всё-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». Звезда, 9 ноября 2018 года, <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-OiaAI.html>

¹³ New START Treaty: Resolution of Advice and Consent to Ratification, Bureau of Arms Control, Verification, and Compliance. December 22, 2010. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/153910.htm>

вого согласованного заявления от 26 сентября 1997 года, касающегося договора по ПРО 1972 года»; и мораторий, по крайней мере на 10 лет, на развёртывание перехватчиков ПРО космического базирования. Можно было бы также обсудить политически обязательное обязательство о том, что противоракетная оборона территории стран не будет превышать 100 перехватчиков, хотя вряд ли возможно включить этот предел в общий потолок для боеголовок в будущем соглашении по договору СНВ. Сохранение 100 перехватчиков ПРО снизило бы количество стратегических носителей до 400, если в будущем будет согласован общий потолок по 500 боеголовкам.

В области **достратегических или тактических ядерных вооружений** (ТЯО) пока наблюдается традиционно тупиковая ситуация. Россия не намерена раскрывать места хранения своего ядерного оружия и предоставлять информацию о его количестве, считая эту тему надуманной и искусственно нагнетаемой¹⁴. Более того, Россия заявляет, что США модернизируют свой ядерный потенциал в Европе «с неясными целями» за счёт авиабомб B61-12, нарушая при этом Договор о нераспространении ядерного оружия, размещая тактические заряды в Европе на территории пяти стран-участниц НАТО. В нарушение ДНЯО, по мнению Москвы, в ходе совместных ядерных миссий Североатлантического альянса пилоты из неядерных государств обучаются применению ядерных вооружений.

США отказываются выводить тактическое ядерное оружие из пяти европейских стран на национальную территорию, что российская сторона выдвигает в качестве условия начала диалога.

Ни Россия, ни США не готовы отойти здесь от ранее заявленных позиций, несмотря ни на обязательство администрации Обамы по резолюции Конгресса начать с Москвой переговоры по этому вопросу, ни на заинтересованность ключевых европейских стран. При этом уже сегодня есть интересные наработки экспертов и неправительственных организаций, создающие субстантивную интеллектуальную основу для будущего переговорного процесса, в котором заинтересованы все страны Европы (см., например: [Zagorski 2011; Dvorkin 2013]). В частности, предлагаются следующие меры: сравнение доктрин применения тактического ядерного оружия и угроз в регионе, которые им надо парировать; обмен данными о наличии запасов и географии размещения объектов хранения зарядов, его типах и носителях; перевод таких средств из оперативного развёртывания в резерв и обязательство об отказе от их реактивации; предоставление информации о выполнении односторонних президентских инициатив 1991 г. о сокращении тактического ядерного оружия¹⁵. В дальнейшем возможны посещение мест хранения и предоставление свидетельств о действительной ликвидации вооружений, визиты для наблюдения за обучением

¹⁴ Россия не будет раскрывать информацию о местах хранения и количестве тактического ядерного оружия — МИД РФ. Ведомости. 02.02.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2014/02/02/rossiya-ne-budet-raskryvat-informaciyu-o-mestah-hraneniya-i>; Ульянов М. При нынешней администрации США модернизация ядерного оружия приобрела беспрецедентный размах: Директор департамента МИД РФ о позиции Москвы по проекту бюджета Пентагона. Коммерсантъ. 2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2933981>

¹⁵ Chalmers M., Simon L. NATO's tactical nuclear dilemma. RUSI. URL: https://rusi.org/sites/default/files/201003_op_natos_tactical_nuclear_dilemma.pdf; Koivula T., Simonen K. Arms control in Europe: regimes, trends and threats. National Defence University. Series 1: Research publications. No. 16, National Defence University, Helsinki, 2017; Sweeney M. Reconsidering U.S. nuclear weapons in Europe, defense priorities. September 2020. URL: <https://www.defensepriorities.org/explainers/reconsidering-us-nuclear-weapons-in-europe>; Sauer T., van der Zwaan B. U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe after NATO's Lisbon Summit: Why Their Withdrawal Is Desirable and Feasible 2011. Belfer Center. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/us-tactical-nuclear-weapons-in-europe.pdf>; Meier D. An End to U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe?, Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2006-07/news-analysis-end-us-tactical-nuclear-weapons-europe>. См. также: [Kristensen, Korda 2019].

личного состава, созыв специальной консультативной группы по налаживанию диалога между Москвой и Североатлантическим альянсом, а также использование площадки Совета Россия–НАТО, начало «консультаций о консультациях» по этой теме. Все эти меры представляются делом неблизкого будущего, когда в той или иной мере снимутся нынешние острые разногласия между сторонами относительно ситуации с региональной безопасностью в Европе, восстановятся доверие и конструктивный диалог по проблематике безопасности.

Российские военные, как представляется, будут возражать против включения «тактического» ядерного оружия в будущие потолки ограничения ядерных сооружений по возможным договорённостям в продолжение Договора о сокращении наступательных вооружений. Такое включение нестратегических боезарядов в общий потолок ядерных сил потребовало — в целях обеспечения каждой стороне уверенности в соблюдении ограничений — разработки новых процедур мониторинга и проверки на объектах хранения, что ставило бы под угрозу конфиденциальность чувствительной информации о ядерном оружии, а потому порождало бы серьёзную проблему.

Если тематика ядерных вооружений пока представляется проблематичной, есть ряд направлений, по которым прогресс возможен: например, **меры укрепления доверия в Европе**, с решением якобы беспокоящего Пентагон вопроса о деэскалации путём эскалации для предотвращения опасной военной активности и инцидентов. Можно было бы проанализировать и вопросы о постоянной системе уведомления о внезапных учениях; об отказе от проведения их в Прибалтике, вблизи российских границ; о согласовании для подобных учений географических рамок. В том числе путём разработки документов, подобных Парижской хартии для новой Европы, Венскому документу о мерах доверия, запуска переиздания Хельсинкского процесса.

Полезно было бы рассмотреть **вопросы нераспространения оружия массового уничтожения и ликвидации международного**

терроризма с применением таких видов оружия, в том числе и в формате пятёрки постоянных членов Совета Безопасности ООН, обратиться к анализу ядерных программ КНДР и Ирана, проблем, связанных с использованием кибероружия и с киберпреступностью, путей нейтрализации тактики «гибридных войн».

Даже ограниченное продвижение с реализацией мер контроля над вооружениями помогло бы переломить нынешний застой, обеспечить большую предсказуемость и укрепить стратегическую стабильность. Естественным, такой системный поворот невозможен без кардинальной переоценки международной безопасности и, прежде всего, концепции стратегической стабильности. Потребуется выработка концептуально новых её основ, что, в свою очередь, не может не повлиять на практику военного строительства и подход к будущему контролю над вооружениями.

3

Классическое понимание концепции стратегической стабильности было разработано в период затяжной конкуренции двух военно-политических блоков в XX столетии. Концепции устойчивости и гомеостазиса, предсказуемости и гармоничности пришли в социологию из ньютоновской механики, математики (в частности, из пионерских трудов выдающихся российских математиков А. Ляпунова и И. Вышнеградского по устойчивости дифференциальных уравнений), физики (импеданс), химии (устойчивость протекания химических реакций), термодинамики и других естественных наук — как результат исследований, начавшихся в XIX–XX веках. Эти понятия были введены для адаптации к внешней ситуации и событиям в мире, как парадигма динамического равновесия в системе, способной вернуться к исходному равновесию после получения внешних возмущений и вызовов. Вместе с тем даже среди математиков не было однозначного определения этого термина в теории игр. В международных политических исследованиях эти концепции проявились как

задача обеспечения столь желанного статус-кво и пресловутого баланса сил в мировой политике. Причём понимание терминов было весьма размытым: от определения оптимальных размеров ядерных арсеналов до путей предотвращения крупных международных кризисов [Colby 2018].

С ростом ядерных арсеналов после окончания Второй мировой войны стратегическая стабильность рассматривалась в логике гарантированного уничтожения: если ядерный потенциал сдерживания надёжно защищён от угрозы первого удара вероятного противника, ядерным державам не придётся бесконечно наращивать свои стратегические силы или придерживаться стратегии превентивно «запустить или потерять» (launch or lose) свои стратегические наступательные вооружения в период реального или мнимого кризиса [Yost 2011; Koblenz 2014]. В идеале противники воздерживались бы от излишне провокационных шагов, дабы избежать неконтролируемой эскалации конфликта. По словам автора современной концепции стабильности Т. Шеллинга, «равновесие устойчиво только тогда, когда ни один из них [противников. — В. М.], нанося первый удар, не может уничтожить способность другого нанести ответный» [Shelling 1960].

При всей экстравагантности и даже циничности эти концепции объективно обеспечивали идейную базу стратегии ядерного сдерживания и, следовательно, стратегической стабильности [Kissinger 1957; Osgood 1957; Schelling 1958; Brodie 1959; Wohlstetter 1959; Kahn 1960]. Это требовало сотрудничества и доверия в согласованной деятельности. Необходимо было придерживаться единой идеологии, концепций и терминов, с тем чтобы совместно работать в целях уменьшения опасности ядерной войны, руководствуясь общими принципами и толкованиями. В начале 1970-х годов, в ходе переговоров об ограничении стратегических вооружений, такие гурь, как Т. Шеллинг, А. Уолстеттер, Г. Кан, Г. Киссинджер, Б. Броди, П. Нитце, разработали понятия «взаимно гарантированное уничтожение», «контрсилловые», «контрценно-

стные» стратегии, «ограниченные войны» ниже порога тотальной войны. Тогда же П. Нитце предложил концепцию «стабилизирующих и дестабилизирующих» видов стратегических вооружений, надолго ставшую темой дискуссий двух тогдашних сверхдержав с их противоположными взглядами на более опасные, то есть отсутствующие у них, системы.

Сотрудники реформатора американской военной стратегии Р. Макнамары предложили концепцию достаточности уровней развёртывания стратегических вооружений [Enthoven, Smith 1971]. Р. Макнамара продвигал тезис о том, что ядерное оружие ценно в первую очередь не как практический инструмент достижения победы в войне, но как оружие, угроза применения которого может её предотвратить. Примечательно, что уже в то время данный термин подвергался сомнению, как по сути не отвечающий реалиям стратегического соревнования между СССР и США в ситуации, когда, по мнению американской стороны, советское военное командование его игнорировало [Yost 2011: 27–28]. Тем не менее сама идея, будучи впоследствии расширенной и углублённой, легла в основу концепции «взаимно гарантированного уничтожения», которая была детально разработана американской стратегической мыслью, а впоследствии принята советской стороной. В конечном счёте, как отмечали ведущие западные теоретики, всё сводилось к анализу советско-американского ядерного противостояния и эффективности ядерного сдерживания [Gray 1974]. Американские эксперты допускали расширенное толкование этой концепции, помимо традиционных вариантов — кризисной стабильности, стабильности гонки вооружений и стабильности первого удара. Такое деление на самом деле искусственно и, по сути дела, означает одно и то же [Colby 2018].

Классическая концепция стратегической стабильности стала основой развития стратегических сил СССР и США и оценки вероятности возникновения и течения возможных ядерных конфликтов. Практиче-

ски всем современным экспертам, в том числе и прежде всего ведущим российским аналитикам, по окончании «холодной войны» стала очевидна нарастающая неадекватность этой концепции [Влияние технологических факторов... 2017; Арбатов 2018; Дворкин 2018; Кокошин 2018; Trenin 2018; Тренин 2019]¹⁶. Ведущие специалисты отмечали необходимость её коренной трансформации с учётом комплексных реалий XXI века.

4

Новаторские подходы представляются особенно своевременными, поскольку в последние годы принципиально изменилась расстановка политических сил, сформировались новые союзы и интеграционные группировки, обозначилась новая схема отношений между большими и малыми странами. Возникли новые вызовы безопасности и новые технологии, потенциально применимые для создания вооружений. В развивающейся многополярной международной системе появилось множество непредвиденных факторов, возникли принципиально новые социальные, экономические, технологические, религиозные и идеологические тенденции. Военные потенциалы, как и сохраняющаяся ситуация ядерного сдерживания, — лишь часть чрезвычайно сложного уравнения стратегической стабильности.

В области технологий появление стратегического неядерного оружия, прогресс в области кибертехнологий, взрывное развитие систем искусственного интеллекта, потенциальное появление космического,

противопутникового и гиперзвукового оружия, разведывательно-ударных дронов различного вида базирования непосредственно влияют на стратегическую стабильность. Применение таких систем вооружений в сочетании с ядерным оружием может резко дестабилизировать стратегическую обстановку. По мнению экспертов, высокоточные неядерные системы с глобальным охватом могли бы позволить ведущим военным державам осуществлять стратегические атаки с использованием обычных вооружений¹⁷.

Даже если давно предсказываемая новая «революция в военном деле» не произойдёт, эти новые тенденции, несомненно, должны быть учтены в современной концепции стратегической стабильности.

В области информационного противостояния всё большее внимание уделяется концепции «гибридных войн», в развитии которой Россия и США обвиняют друг друга¹⁸. Эта концепция предполагает использование в стратегических и геополитических интересах всех возможных средств злонамеренного воздействия. Такая активность включает прежде всего невоенные инструменты (элементы «мягкой силы», информационной войны, психологического саботажа, различные виды подрывной и диверсионной деятельности, организация «цветных революций» и хакерских атак, троллинг в СМИ и Интернете).

Стратегическая стабильность требует полного контроля над всеми средствами сдерживания со стороны гражданства и военного руководства в целях предотвращения случайного и несанкционированно-

¹⁶ См. также: Дворкин В.З. Постстратегическая стабильность и дестабилизирующие факторы // Независимое военное обозрение. 2013. № 6; Дворкин В.З. О «заблудших овцах и пастырях». Стратегическая стабильность в новых условиях // Независимое военное обозрение. 2014. № 4; Попов С.М., Есин В.И., Золотарев П.С., Кузнецов В.С. Стратегическая стабильность в XXI веке // Новое военное обозрение. 2012. № 43.

¹⁷ Одна из «пионерских» работ по теме [Эктон 2014].

¹⁸ Герасимов В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий. 26 февраля 2013 // Военно-промышленный курьер. URL: <https://vpk-news.ru/articles/14632>; Пухов Р.Н. Миф о «гибридной войне». Никаких принципиально новых действий наша армия в Крыму и на Украине не вела // Независимое военное обозрение. 29.05.2015; Korybko A. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change. URL: <http://orientalreview.org/press-release/>; Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. EUISS Issue. 2015. Alert 4. См. также: [McCuen 2008; Murray, Mansoor 2012; Манойло 2015].

го применения любого вида ядерного или просто стратегического оружия. Развитие кибертехнологий ставит новую задачу, вызванную появлением принципиально новых потенциальных угроз со стороны государственных структур и хакеров, стремящихся получить доступ к системам вооружения. В частности, кибератаки могут ослабить потенциал сдерживания противника перед ядерным ударом (некоторые американские эксперты утверждают, что Соединённые Штаты уже давно вовлечены в кибервойну с Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей, что с некоторыми усилиями они могли бы идентифицировать атрибуцию атак¹⁹. Трудности с надёжным выявлением или отслеживанием источников таких атак, а также неопределённость, связанная с характером ответных мер, делают стратегическую стабильность ещё менее достижимой.

На политическом уровне в мире складывается принципиально новая расстановка сил. С одной стороны, имеет место ощутимое ослабление глобального порядка, с другой — появляются новые лидеры, которые борются за влияние. Мир погрузился в состояние постоянной региональной нестабильности в условиях непрерывных интенсивных технологических инноваций.

Попытки **Вашингтона** сохранить своё политическое, экономическое и особенно военное доминирование в мире на фоне растущего влияния Китая и России, используя в качестве инструментов НАТО и всё менее поддерживающий их Европейский Союз, следует признать малоуспешными. Мировая сцена отмечена появлени-

ем новых игроков с исторически наследуемыми «имперскими» традициями, которые стремятся вернуть былое глобальное влияние (Китай, Индия, Иран, Турция и некоторые мечтающие о халифате арабские государства).

Соединённые Штаты сталкиваются с глобальным вызовом со стороны Китая и находятся в обостряющейся конфронтации с Россией. Соперничество между США и Китаем стало руководящей парадигмой международных отношений, определяющей не только стратегические взаимоотношения, но и реальную политическую, военную и экономическую динамику. Библиотеку международника составляют сегодня американские работы и официальные доклады о необходимости «решительным образом» жёстко в военном плане сдерживать Китай. В Обзоре ядерной политики 2018 г.²⁰ обращает на себя внимание отказ от прежнего тезиса о необходимости поддерживать стратегическую стабильность с КНР.

Это обстоятельство особенно парадоксально, если учесть теснейшее переплетение и взаимозависимость экономических и финансовых систем двух стран, даже при скатывании к новой «холодной войне». В то же время Китай и Россия рассматривают друг друга как стратегических партнёров. Они проводят многочисленные совместные манёвры и военно-морские учения по всему миру, тесно сотрудничают по совместным системам противоракетной обороны и созданию систем предупреждений о ракетном нападении российского производства. Коммунистический Китай,

¹⁹ *Geers K., Kindlund D., Moran N., Rachwald R. World War C : Understanding Nation-State Motives Behind Today's Advanced Cyber Attacks. FireEye. 2014. URL: <https://www.fireeye.com/content/dam/fireeye-www/global/en/current-threats/pdfs/fireeye-wwc-report.pdf>; Футтер Э. Ядерное оружие в век информационных технологий: новые вызовы с точки зрения безопасности, стратегии и стабильности. 2016. Валдайская записка № 56. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13032/>; Добровольский В. НАТО готова к коллективной обороне при кибератаках, но не во всех случаях. РИА Новости. 14.06.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160614/1447513284.html#ixzz4Be5c0CYs>; Pellerin Ch. Cyber, Space, Middle East Join Nuclear Triad Topics at Deterrence Meeting. DoD News, Defense Media Activity. Washington D.C. 27.07.2016. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/873507/cyber-space-middle-east-join-nuclear-triad-topics-at-deterrence-meeting/>.*

²⁰ *Wang R. Making Sense of Chinese Reactions to the US 2018 Nuclear Posture Review. How is the Trump administration's Nuclear Posture Review perceived in China? The Diplomat. February 27, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/making-sense-of-chinese-reactions-to-the-us-2018-nuclear-posture-review/>*

несмотря на декларативно-успокоительные утверждения его руководства, изготовился в долгосрочной перспективе стать мировым гегемоном [Михеев, Луконин, Игнатьев 2017; Danner 2019]²¹. Пока, однако, для этого ему недостаёт политико-дипломатического опыта, военной мощи и ресурсов «мягкой силы». В будущем с учётом традиционной китайской идеологии возрождения Поднебесной как великой империи будет представлять проблемы не только для США, но в перспективе и для ныне дружественной России. Взаимодействие России с КНР носит привилегированный характер и определяется формулой «отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы, передающейся из поколения в поколение»²². Как правило (когда это не идёт вразрез с его важнейшими интересами), Пекин поддерживает российскую внешнюю политику по ключевым мировым проблемам, в том числе и в Совете Безопасности ООН. Вопрос о взаимной угрозе в отношениях России и Китая полностью и окончательно снят, что соответствующим образом закреплено на договорно-правовом уровне. В Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18 декабря 1992 г. подчёркивается, что «все спорные вопросы между двумя государствами будут решаться мирными средствами». Впрочем, было бы недальновидным недоучитывать и наличие несовпадающих и даже конфликтных интересов у России и Китая — при том, что экономиче-

ская компонента наших отношений значительно отстаёт от политической и военной. В перспективе Китай настойчиво продолжит нащупывать пути обретения глобального лидерства. В данной ситуации для Пекина и Вашингтона критически важно перетянуть на свою сторону Москву — чему последней нельзя поддаваться. Вместе Россия и Китай составляют реальную силу, способную сдерживать США. Это создаёт достаточно прочную основу для укрепления стратегического сотрудничества Москвы и Пекина в деле совместной защиты их совпадающих интересов.

Взаимоотношения в треугольнике Россия—США—Китай фактически будут определять характер международных отношений на длительную перспективу. Для того чтобы не допустить укрепляющегося альянса Москвы и Пекина, Вашингтон и НАТО будут вынуждены пойти на определённые уступки российской стороне. В этой связи немаловажно, как к такому соревновательному раскладу будут относиться ЕС (при всём различии подходов у его членов) и новые, пока региональные центры силы, такие как Индия и Бразилия. Ни страны Европы, ни в ещё большей мере страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Индия, Япония, АСЕАН и Австралия не могут отказаться от взаимоотношений с Китаем, несмотря на серьёзные противоречия с этой страной и реальные опасения перед усилением влияния Пекина. **Индия** выдвигается как потенциальная мировая держава, которая поддерживает дружественные отношения с Россией и Соединёнными Штатами, но находится в открытой конфронтации с Китаем.

²¹ См. также: *Latham A.A.* Why China's Push For Global Dominance Is Not Going So Well Instead of a rising power, could China be a faltering one? *National Interest*. September 15, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/why-chinas-push-global-dominance-not-going-so-well-168932>; *Heer P.* Understanding U.S.-China Strategic Competition. *National Interest*. October 20, 2020. URL: <https://nationalinterest.org/feature/understanding-us-china-strategic-competition-171014>; *Du K.* Does China have the soft power necessary to become the global hegemon? *Australian Institute of International Affairs*. 7 October 2017. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/resource/china-soft-power-necessary-become-global-hegemon/>; *Gvosdev N.K.* Russia and US National Interests: Maintaining a Balance of Power in Europe and Asia, August 05, <https://russiamatters.org/analysis/russia-and-us-national-interests-maintaining-balance-power-europe-and-asia> 2020

²² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Президент России. 25.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100/print>.

На региональном уровне, после сфокусировавшего на себе основное внимание в 1950-х — 1990-х годах «центрального баланса» стратегического противостояния Москвы и Вашингтона и руководимых ими альянсов, о себе заявили державы, разработавшие и развернувшие ядерное оружие: Израиль, Индия, Пакистан и КНДР. Их потенциалы уже не могут не приниматься во внимание при расчёте соотношения сил и оценке угроз ведущими державами. Региональные противостояния уже стали реальностью, а следовательно, возникла и угроза ограниченной ядерной войны между державами среднего уровня (*medium-size nuclear powers*). В новых условиях важна способность пятёрки постоянных членов Совета Безопасности ООН предотвращать прямые военные столкновения на региональном уровне, в том числе неядерные, что также является теперь условием поддержания стратегической стабильности.

Таким образом, на смену биполярному и недавно однополярному мировому порядку приходит сложная конфигурация держав. Угроза давно предрекаемого ядерного терроризма или неожиданного удара со стороны околоядерных держав, заметное ослабление режимов нераспространения оружия массового уничтожения в условиях появления новых видов вооружений — все эти риски поставили вопрос о соответствии традиционных представлений о стратегической стабильности современным реалиям полицентричного мира.

Непрекращающиеся всеохватывающие кризисы (между Россией и Соединёнными Штатами, Россией и НАТО, Китаем и Соединёнными Штатами, конфликты на Ближнем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе) неизбежны. Вовлечённые в них

страны придерживаются совершенно разных концепций стратегической стабильности и не отказываются от совершенствования оборонных потенциалов. США сделали участие Китая в переговорах главным условием своего согласия на продолжение процесса сокращения стратегических наступательных вооружений.

В ходе брифинга на венских консультациях 22 июня 2020 г. американские представители призывали российских коллег побудить Пекин присоединиться к переговорам. Между тем официальная позиция Москвы состоит в отсутствии намерения давить на Китай. Со своей стороны, на той же встрече российская делегация предложила, чтобы в случае заключения какого-либо будущего соглашения по СНВ в него были включены ядерные силы Великобритании и Франции — хотя Лондон и Париж такой вариант постоянно отвергают²³.

По оценкам экспертов, Китай сейчас осторожно переходит от прежней стратегии минимального сдерживания к копированию стратегии российского стратегического «ответно-встречного удара». Начать анализ таких возможностей заставили Китай прогресс технологий и изменения в сфере безопасности. Усиленными темпами в КНР происходит наращивание ракетного и в целом ядерного, а также военно-морского потенциала²⁴.

Белая книга Китая по вопросам военной стратегии, выпущенная в 2015 году, впервые содержала требование «улучшить стратегическое раннее предупреждение» и усовершенствовать систему ядерных сил²⁵. Среди военных КНР раздаются призывы обеспечить возможность наносить удар по предупреждению и ответно-встречный удар прежде, чем ракеты агрессора причинят

²³ *Rising D.* US, Russia hold new nuclear arms talks, but without China. The Associated Press. 23.06.2020. URL: <https://www.defensenews.com/global/the-americas/2020/06/23/us-russia-hold-new-nuclear-arms-talks-but-without-china/>

²⁴ US Defense Department. 2017. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017. Office of the Secretary of Defense, 15.05.2017. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF.

²⁵ China's Military Strategy. Beijing: State Council Information Office of the People's Republic of China, 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/26/content_20820628.htm

серьёзный урон²⁶. Поскольку при таких условиях Китай совершит контрудар уже после того, как будет произведён пуск ракет противника, изменение доктрины не приведёт к отказу от исторически принятой стратегии отказа от первого применения ядерного оружия и пресловутого «минимального сдерживания».

С учётом важности для США космической группировки, американских военных особенно беспокоит разработка КНР противоспутникового оружия. В январе 2007 г. Пекин провёл успешное испытание, в ходе которого баллистическая ракета КТ-1 уничтожила выработавший ресурс метеорологический спутник «Фэньюнь-1» (FY-1C Fengyun).

Ускоренная модернизация стратегических ядерных сил означает, что Китай стремится создать полноценную ядерную триаду, такую же, как у России и США. Он будет совершенствовать и наращивать свой ядерный оружейный потенциал в условиях полной непрозрачности, как политико-военный инструмент для решения задач по превращению в лидирующую державу мира. В перспективе это может стать не только серьёзной угрозой для США, но и повлиять на дальнейшее развитие стратегических ядерных сил России.

Можно предположить, что мир движется от биомной концепции периода «холодной войны» (наличие у СССР/России и США жизнеспособных стратегических сил и отсутствие стимулов к первому удару СНВ) к новой концепции, одновременно многокомпонентной (стратегическое и нестратегическое ядерное оружие, противоракетная оборона, глобальный высокоточный обычный удар, гиперзвуковое, кибер-, космическое и другое «экзотическое» оружие) и многосторонней (с учётом ядерных сил и потенциалов третьих стран). При рассмотрении вопроса о способах достижения стабильности эта концепция должна взвешивать все обстоятельства.

Сдерживание – перекрёстно – будет осуществляться на разных уровнях всеми ядерными державами друг в отношении друга.

Модель стратегической стабильности с такими множественными вводными будет намного сложнее, чем её версия периода «холодной войны», даже если первоначально попытаться построить её графически, а не математически-функционально. Подобная концепция стратегической стабильности была бы намного объёмнее, охватывала бы спектр новых проблем, включая военные потенциалы ведущих держав, и выходила бы за традиционные рамки, учитывая также политические взаимоотношения и противостояния держав. Соответственно, было бы крайне нелегко увязать классическую концепцию с новой, а также выработать общий алгоритм, который приводил бы к реалистичным прогнозам и рекомендациям по укреплению стратегической стабильности.

5

Как уже отмечалось, с начала 2000-х годов геополитический, технологический и психологический ландшафт, который в прошлом помог предотвратить войну между ядерными державами, существенно изменился. Принципиально изменились концепция и условия стратегической стабильности, сами инструменты предотвращения ядерного конфликта. Для поддержания или даже укрепления стратегической стабильности в этих усложняющихся и быстро меняющихся условиях многие прежние концепции и стратегии нуждаются в пересмотре и корректировке.

Новая концепция стратегической стабильности предполагает учёт всех появившихся в последние десятилетия факторов международной безопасности и гонки вооружений [Colby 2018]. Российским и западным военным и экспертам предстоит разработать новую «философию военного дела», представить современную версию

²⁶ Kulacki G. The Chinese Military Updates. China's Nuclear Strategy. Boston, Union of Concerned Scientists, 2015. URL: <https://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2015/03/chinese-nuclear-strategy-full-report.pdf>

«нового мышления во внешней политике», учитывающую тренды мирового развития и разработки инновационных средств ведения войны, появившиеся среды и методы противостояния (например, появление новых видов оружия массового уничтожения, сетцентрические и информационно-оружейные угрозы, кибервойны и др.)²⁷. Новое понимание стратегической стабильности должно включать в себя отказ сторон от совершения враждебных действий друг в отношении друга, поиск конкретных путей снижения вероятности нанесения упреждающего разоружающего удара. В перспективе, через укрепление доверия и устранения поводов для взаимной подозрительности, не исключён и отказ от взаимного сдерживания России и США.

Сказанное не означает, что стратегическая стабильность в её «классическом» понимании уже не важна и должна быть отброшена. Она и сегодня пригодна для анализа ядерного противостояния России и США, России и НАТО — подобно тому, как ньютоновская физика объясняет мир привычный, но для изучения процессов микромира требуется инструментарий квантовой механики. Современное понимание стратегической стабильности не ограничивается отсутствием стимулов к нанесению первого удара в ситуации ядерной конфронтации (таково определение этого термина в узком смысле). Обеспечение кризисной стабильности по-прежнему означает отсутствие мотива для нанесения упреждающего удара на начальном этапе конфликта. Логика ядерного сдерживания (угроза неминуемого возмездия — последующий неприемлемый ущерб) практически неизменна. Именно неприемлемый ущерб задаёт параметры оптимального состава и размера стратегиче-

ских арсеналов, будучи главным фактором удержания потенциальных противников от агрессии и тем самым сохраняя стратегическую стабильность. По-прежнему актуальны определения Совместного заявления США и СССР относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности от 1 июля 1990 года²⁸. Прежде всего, это понимание этого термина как стратегических отношений, устраняющих «стимулы для нанесения первого ядерного удара». Кроме того, важнейшими моментами сформулированной тогда концепции было то, что целями будущих переговоров СССР и США должны будут стать дальнейшее снижение риска развязывания войны, особенно ядерной, и обеспечение транспарентности и предсказуемости путём дальнейшего стабилизирующего сокращения стратегических арсеналов обеих стран. Это должно было быть достигнуто путём поиска соглашений, которые повышали бы живучесть, устраняли стимулы для ядерного первого удара и реализовали бы соответствующую взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. В XXI веке так понимаемая стратегическая стабильность продолжает лежать в основе российско-американского диалога по проблемам ядерных вооружений.

Вместе с тем происходящее переосмысление понятия «стратегическая стабильность» ввиду описанных выше новых технологических и политических условий в конечном счёте делает его синонимичным категории международной безопасности. Это уже чётко осознают и ведущие российские эксперты в этой области [Влияние технологических факторов... 2017; Арбатов

²⁷ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 17.02.2012. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>

²⁸ Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. — June 1, 1990, <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and>; Совместное заявление о будущих переговорах по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединённые Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 335.

2018; Дворкин 2018; Кокошин 2018; Trenin 2018; Тренин 2019]²⁹. Сегодня необходимо наметить новую парадигму стратегической стабильности как построение системы формирующегося мирового порядка, способного защитить отдельные регионы (Россию и всю Евразию), а также мир в целом от крупных внешних вооружённых конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран, а в случае политического кризиса блокировать их сползание в фазу военного противостояния.

Для России стратегическая стабильность означает некое желаемое состояние в системе международных отношений, которое не позволяло бы любым крупным международным конфликтам выходить за пределы своей предвоенной, невоенной фазы [Мизин 2019]. Таким образом, стоит вопрос не только о предотвращении ядерных конфликтов между державами, но и о достижении такого состояния международной системы безопасности на глобальном и региональном уровнях, при котором между государствами установлены дружеские и миролюбивые гармоничные отношения [Colby 2018: 117]. Современное видение стратегической стабильности, не сводимое исключительно к алгоритмам ядерного противостояния двух сверхдержав, представляет собой своего рода мегапарадигму [Koblenz 2014].

Естественным образом просматриваются следующие возможные меры по поддержанию стратегической стабильности:

- теоретическая и практическая работа по ядерному сдерживанию в формате Россия и США;

- сдерживание Россией ядерных сил Великобритании и Франции, а также КНР;

- усилия по поддержанию по мере возможности стабильности и региональных ядерных балансов, включая нестратегическое ядерное оружие;

- в ситуации ядерной многополярности учёт и постепенное вовлечение в диалог неофициальных ядерных держав – Индии, Пакистана, КНДР и Израиля;

- продумывание инновационных механизмов предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений, разработка новой концепции контроля над вооружениями; изучение возможностей отказа ядерных держав от стратегий взаимно гарантированного уничтожения, изучение возможности отказа в будущем от стратегии запуска стратегических наступательных вооружений по оповещению;

- разработка мер контроля по всему спектру новых неядерных типов и видов вооружений: различного рода дронов, современных высокоточных обычных вооружений, космических (включая ПРО), на новых физических принципах (лучевых, импульсных и др.), гиперзвуковых, киберсетевых, на основе искусственного интеллекта, нейтрализация ресурсов информационного и гибридного воздействия;

- выстраивание миропорядка, способного уберечь отдельные регионы (например, Евразию), а также мир в целом от угроз крупных вооружённых конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса³⁰;

- разработка в региональном и глобальном форматах правил поведения в военно-стратегической и военно-политической сферах, а также мер по повышению стратегической предсказуемости и доверия, достижению глобального режима сдержанности и ответственности ядерных держав в плане взаимных обязательств и односторонних мер по предотвращению гонки вооружений и уменьшению ядерной опасности [Tappenwald 2020], сравнение ядерных доктрин и приоритетов для вооружённых

²⁹ См. также: Дворкин В.З. Постстратегическая стабильность и дестабилизирующие факторы // Независимое военное обозрение. 2013. № 6; Дворкин В.З. О «заблудших овцах и пастырях». Стратегическая стабильность в новых условиях // Независимое военное обозрение. 2014. № 4.

³⁰ Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. Доклад РСМД, 26 декабря 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1221#top

сил, политических и экономических потенциалов всех крупных держав;

— продление действия нового договора СНВ, а при его отсутствии разработка механизма обеспечения максимально возможной транспарентности в области стратегических и ракет средней дальности — ранее предусмотренные новыми договорами по стратегическим наступательным вооружениям, ракетам средней и меньшей дальности;

— проработка новых концепций и сценариев сокращения СНВ, возможностей продумывания методов контроля или запрета космического, противоспутникового и использования кибероружия для враждебного воздействия на стратегические силы ядерных держав;

— согласование договорённости об отказе от воздействий на критически важные государственные и военные объекты, вывод из строя которых приведёт к срыву ответных действий ядерных сил, ненацеливание СНВ на объекты СПРН и системы управления ядерными силами, что по российской военной доктрине означало бы повод к применению ядерного оружия;

— продолжение усилий по вовлечению Китая, Великобритании и Франции в процесс ограничения стратегических вооружений — первоначально в виде обмена информацией о доктринах, стратегиях и арсеналах и проведения разносторонних консультаций;

— обсуждение взаимных озабоченностей в стратегической сфере между Соединёнными Штатами и Россией, Соединёнными Штатами и Китаем;

— укрепление режимов нераспространения оружия массового уничтожения, принятие комплекса мер по повышению эффективности и жизнеспособности Договора о нераспространении ядерного оружия, которому исполняется в этом году двадцать лет.

При этом следует понимать теоретическую сложность задачи, для решения которой потребовался бы комплексный многофакторный анализ на междисциплинарной основе — если такая задача сегодня вообще решаема.

6

В нынешних условиях гонка вооружений будет вестись в первую очередь по качественным параметрам; она будет крайне опасной и затратной, как констатируют в НАТО³¹. Для того чтобы избежать подобного сценария, который может стать неизбежным, необходимо переломить формирующуюся тенденцию и в инициативном порядке предложить программу конкретных мероприятий по предотвращению в будущем глубоких кризисов, аналогичных нынешнему.

Важнейшее значение для стратегической стабильности как в прошлом, так и сегодня принадлежит противоракетным вооружениям. США настолько ушли вперёд от остального мира в развитии высокоточных обычных вооружений, что в случае ликвидации значительных ядерных потенциалов других стран они обеспечили бы себе позиции безусловного мирового гегемона в военной области [Kokoshin 2011].

Что касается проблематики противоракетной обороны, то здесь мнение авторитетных исследователей однозначно. Сегодня нет ни одного нашего главного конструктора или непредвзятого и уважаемого, серьёзного специалиста, которые подтвердили бы заметное влияние в обозримой перспективе системы ПРО США на российский потенциал ядерного сдерживания³². Необходимо подчеркнуть, что к настоящему времени ведущие специалисты сделали вывод о том, что плотная система противоракетной обороны способна перехватить одиночные или малогрупповые

³¹ В НАТО заявили, что хотят избежать гонки вооружений. РИА Новости. 12.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200212/1564601024.html>

³² Интервью с академиком РАН, генеральным конструктором СЯС Ю.С. Соломоновым // Военно-космическая оборона. №6 (63). 2011; Рогов С., Есин В., Золотарёв П., Кузнецов В. (2012). Стратегическая стабильность в XXI веке // Новое военное обозрение. № 43.

(несколько единиц) пуски баллистических ракет с простейшими средствами противодействия, но совершенно не способна снизить потенциал ядерного сдерживания России или Соединённых Штатов [Противоракетная оборона 2012].

Примерный паритет между стратегическими ядерными силами России и США сохранится в обозримой перспективе. По мнению генерал-полковника В. Есина, в будущем Россия вполне могла бы согласиться на примерную конфигурацию наших стратегических сил: порядка 400–500 развёрнутых стратегических носителей с 1000 развёрнутыми боезарядами, противопутниковое оружие, десять стратегических ракетноносцев, новые самолёты ПАК-ДА с гиперзвуковыми ракетами большой дальности.

В этой связи настало время определиться с угрозой от американской системы противоракетной обороны. В Москве, как представляется, существует понимание её фактического влияния. В сентябре 2015 года, выступая на форуме «Армия-2015», Президент России В.В. Путин заявил: «В текущем году состав ядерных сил пополнят более 40 новых межконтинентальных баллистических ракет, которые будут способны преодолевать любые, даже самые технически совершенные системы противоракетной обороны». Представляется, что новые типы российского стратегического арсенала, обнародованные в 2018 году, по видимому, отринули традиционную навязчивую идею об угрозе американской ПРО, и Москва уже более не заинтересована в каком-то новом договоре по противоракетной обороне, да и не рассчитывает на это. На стратегическую стабильность в её изначальном понимании — как баланс по-

тенциалов ядерного сдерживания СССР/России и США — системы ПРО сторон действительно не влияют³³. Новейшие российские системы, объявленные Путиным в марте 2018 года³⁴, принципиально закрывают тему противоракетной обороны — Россия пробивает любую нынешнюю и перспективную систему США, — а следовательно, ненужной в противостоянии с ними³⁵.

Сценарий внезапного выбивания российских стратегических сил неядерными высокоточными средствами оспаривают многие авторитетные эксперты, так как атака ракетами с обычными боевыми частями не гарантирует 100%-го поражения всех стратегически важных объектов³⁶. Серьёзные эксперты представили детальные расчёты, показывающие невозможность одновременного удара высокоточными крылатыми ракетами даже по одному конкретному позиционному району ракетных войск стратегического назначения в европейской части страны с учётом размеров и геометрии целей, оценки необходимого количества крылатых ракет для надёжного поражения одного высокозащищённого объекта — шахтной пусковой установки, командного пункта — в зависимости от точности их попадания.

Сложнее обстоит дело с гиперзвуковыми стратегическими системами. Конфликт с использованием таких гиперзвуковых планирующих систем на больших расстояниях, в частности весьма короткое время от обнаружения до удара по цели плюс неоднозначность определения самой атакуемой цели, усложняет процесс принятия решения подвергшейся нападению стороны и может побудить её пойти на полномасштабный «ответно-встречный» (по опо-

³³ Дворкин В. (2012) Что способно разрушить стратегическую стабильность // Новое военное обозрение. № 28.

³⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

³⁵ Интервью с академиком РАН, генеральным конструктором СЯС Ю.С. Соломоновым (2011) // Военно-космическая оборона. 2011. №6 (63); Рогов С., Есин В., Золотарев П., Кузнецов В. Стратегическая стабильность в XXI веке // Новое военное обозрение. 2012. № 43.

³⁶ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. 2015. По-быстрому не получится. Военно-промышленный курьер. URL: <http://vpk-news.ru/articles/27617>

вещению системы предупреждения о ракетном нападении) удар из-за предполагаемой угрозы его ядерной инфраструктуре и системе командования и управления стратегических наступательных вооружений. Это значительно подрывало бы нынешнюю стратегическую стабильность³⁷. Такая перспектива уже вызывает серьёзное беспокойство российских военных и, очевидно, станет одним из камней преткновения в вероятном дальнейшем диалоге с США по стратегическим вопросам.

Очевидно, что развёрнувшееся соревнование в развёртывании нового ядерного оружия и нынешний коллапс традиционного контроля над вооружениями требуют в будущем разработки качественно отличных подходов к сдерживанию и регулированию этих процессов. Появляющиеся технологии не нивелируют важность ядерных сил для обеспечения национальной безопасности ведущих держав. В частности, в параграфе 27 «Военной доктрины Российской Федерации» 2014 г. говорится о праве Москвы применить ядерное оружие «в ответ на применение против неё и (или) её союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»³⁸. В опубликованных 2 июня 2020 г. «Основах государственной политики России в области ядерного сдерживания» подтверждается, что страна может применить ядерное оружие в случае, если его или иное оружие массового поражения используют против

России и союзников при атаке (воздействии) противника на критически важные государственные и военные объекты, вывод из строя которых приведёт к срыву ответных действий ядерных сил, а также при неядерной агрессии против России, которая поставит под угрозу само существование государства (п. 19)³⁹.

Отсюда и отказ России присоединиться к Договору о запрещении ядерного оружия, открытому для подписания в июле 2017 года. Этот документ не отвечает интересам российской национальной безопасности. Более того, есть основания опасаться, что он может негативно сказаться на положении дел на международной арене, прежде всего в сфере ядерного нераспространения. В ней присутствуют элементы политической наивности, да и пропагандистские мотивы. Как заявило Министерство иностранных дел России: «Разработка запретительной конвенции объясняется стремлением незамедлительно устранить ядерную угрозу, как это декларируют участники переговоров. Задача, несомненно, благородная, но они избрали для её решения, мягко говоря, не самый рациональный и продуктивный путь». Между тем Россия и Соединённые Штаты в рамках выполнения двухсторонних договорённостей за последние тридцать лет сократили свои ядерные арсеналы более чем в пять раз⁴⁰.

По мнению российской дипломатии, ДНЯО полностью отвечает на вызовы в сфере ядерного нераспространения и никаких доработок не требует. Любая попытка улучшить договор может привести к его краху —

³⁷ Acton J. Supplement to Hypersonic Boost-Glide Weapons'. 2015. P. 2–4. URL: http://scienceandglobalsecurity.org/archive/sgs23acton_app.pdf; Hypersonic Weapons. A Challenge and Opportunity for Strategic Arms Control. United Nations Office for Disarmament Affairs and the United Nations Institute for Disarmament Research. New York, 2019. URL: <https://www.un.org/disarmament/publications/more/hypersonic-weapons-a-challenge-and-opportunity-for-strategic-arms-control/>; Speier R., Nacouzi G., Lee C., Moore R. Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons, RAND Corporation, Santa Monica, 2017. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2100/RR2137/RAND_RR2137.pdf

³⁸ Президент утвердил новую редакцию Военной доктрины, 26 декабря 2014 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/47334>

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

⁴⁰ В МИДе объяснили неприсоединение к конвенции о запрещении ядерного оружия, 29 июня 2017. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2017/06/29/77290>.

слишком это хрупкая конструкция, слишком многоплановы противоречия между государствами-участниками. Очевидно, что запрет и полное уничтожение ядерного оружия достижимы теоретически, но пока не на практике: для этого нужны качественно новые условия в мировых делах и, более того, кардинально инновационная ситуация со стратегической стабильностью.

Для построения безъядерного мира надо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и безопасности, гарантировать равную и неделимую коллективную безопасность всех государств, ликвидировать рецидивы и стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности, отказаться от попыток решения спорных вопросов силой и путём навязывания двойных стандартов. В идеале мир должен эволюционировать в сообщество миролюбивых и — при всех цивилизационных и национальных особенностях — демократических государств с действенной системой мирного разрешения споров, укоренения принципа неприменения силы и угрозы её применения. Безопасность государств должна адекватно обеспечиваться с помощью обычных сил.

Нынешняя тенденция в области развития передовых технологий грозит открытием новых каналов гонки вооружений. В этой связи нам было бы полезно сформировать новые инициативы по традиционным темам российской дипломатии в области разоружения по ограничению стратегических наступательных вооружений и даже, несмотря на американскую обструкцию, противоракетной обороны, испытаниям противоспутникового оружия, и в будущем — гиперзвуковых систем стратегической дальности и дронов. В конечном счёте могут быть предприняты и более далекоидущие шаги [Reif, Mizin 2017]. Нам не стоит уходить от обсуждения рамок будущих сокращений стратегических вооружений — при понимании, что, по мнению Москвы, они возможны лишь с учётом всех факторов стратегической стабильности. Россия могла бы тщательно разработать на экспертной основе и продвигать комплекс-

ный пакет инициатив в сфере нераспространения и дальнейшего ограничения ядерных вооружений — без какого-либо ущерба для национальных интересов.

Ещё в выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. Президент России В.В. Путин подчёркивал, что Москва настаивает на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов и готова к самому серьёзному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения — естественно, без двойных стандартов.

В любом случае все будущие договорённости должны быть юридически обязательными и поддающимися проверке соглашениями, основанными не на конференциях и пустопорожних обсуждениях идей многостороннего сдерживания, а на согласованных принципах.

Сам термин «стратегическая стабильность» выглядит настолько удачным и привлекательным, что его начинают трактовать весьма произвольно, придавая ему то значение, которого он никогда ранее не имел. Сторонники нового видения рассуждают о якобы архаичности традиционного контроля над вооружениями, фактически ставя под сомнение полезность существующих договорённостей по ограничению и сокращению ядерных вооружений, которые базируются на традиционном понимании этого термина. Очевидно, что обсуждение проблемы стратегической стабильности с США с позиции «нового видения» заведомо обречено на провал. Новое видение стратегической стабильности не только не помогает контролю над ядерными вооружениями, но и препятствует достижению новых соглашений в данной области [Савельев 2019].

* * *

На фоне появления новых факторов непосредственные шаги по определению параметров будущей стратегической стабильности должны быть в высшей степени целенаправленными, ориентированными — на первом этапе — прежде всего на заключение максимально прагматичного соглаше-

ния по дальнейшим мерам контроля над вооружениями. В среднесрочной и долгосрочной перспективе важно создать всеобъемлющие концептуальные механизмы для налаживания диалога с западными партнерами по фундаментальным вопросам стратегической стабильности. Они могут касаться оценки военно-стратегической ситуации в мире и перспектив её развития; определения и философии стратегической стабильности в новых условиях; механизмов сдерживания, мер укрепления доверия и механизмов предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений; ядерных доктрин и приоритетов вооружённых сил. Будет ли это концепцией, разработанной совместно Россией и США, или концепцией многосторонней — такой вопрос необходимо прояснить в процессе дипломатических консультаций. Россия и США могли бы активизировать дискуссии по всему комплексу проблем стратегической стабильности, сравнению военных

доктрин друг друга, устранению взаимных озабоченностей и укреплению доверия, включая вопросы противоракетной обороны, космических и высокоточных обычных вооружений. Это, без сомнения, комплексная программа многофакторных исследований на широкой междисциплинарной основе, учитывая чрезвычайную сложность генерирующего алгоритма. Тем не менее ввиду общего политического климата консультации по вопросам стратегической стабильности между Россией и Соединёнными Штатами пока что не привели к каким-либо ощутимым результатам.

При всех сложностях во взаимоотношениях двух стран и противоречиях нашего времени, в условиях полного отсутствия взаимного доверия, коллективная работа над поиском параметров новой парадигмы стратегической стабильности для XXI века действительно представляется императивом с точки зрения обеспечения основ глобальной безопасности.

Список литературы

- Антонов А.И. Контроль над вооружениями. История, состояние, перспективы, М.: РОССПЭН, 2012. 132 с.
- Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности — мнимые и реальные // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 7–29.
- Арбатов А. Контроль над ядерным оружием: конец истории? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 5–18.
- Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 9–23.
- Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.
- Белобров Ю. Эволюция политики НАТО по сдерживанию СССР и России // Международная жизнь. 2020. № 6. С. 22–33.
- Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. М.: Изд-во Московского университета, 2017. 478 с.
- Дворкин В.З. Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить? Московский центр Карнеги. 28 ноября 2018. URL: <https://carnegie.ru/2018/11/28/ru-pub-77809>
- Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7–21.
- Манойло А.В. Цветные революции в контексте гибридных войн // Право и политика. 2015. № 10. С. 1400–1405.
- Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности и перспективы контроля над стратегическими вооружениями // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1(56). С. 96–121.
- Михайленко А.Н. Двойные стандарты в современной мировой политике // Этносоциум. 2015. № 5(83). С. 26–35.
- Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 152–161.
- Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 79–83.

- Подлесный П.* Холодная война 2.0 и политика сдерживания России. Россия и Америка в XXI веке. 2018. №3. DOI: 10.18254/S0000043-4-1
- Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. 367 с.
- Савельев А.* Россия—США: на пороге новой гонки ядерных вооружений. Российский совет по международным делам. 16 июля 2019 года. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-na-poroge-novoy-gonki-yadernykh-vooruzheniy/>
- Тренин Д.В.* Стратегическая стабильность в меняющемся мире. Московский центр Карнеги. Март 2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategic-stability-v-menyayemom-mire-pab-78650>
- Эктон Дж.* Серебряная пуля. Московский центр Карнеги. 2014. URL: https://carnegieendowment.org/files/ActonReport_web_Russ2014.pdf
- Al-Kassimi K.* The Obsolescence of the Westphalian Model and the Return to A Maximum State of Exception // Journal of Political Sciences & Public Affairs. 2016. No. S2. DOI: 10.4172/2332-0761.S2-007
- Arbatov A.* A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options. Carnegie Moscow Center. October 24, 2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80172>;
- Arbatov A.* Challenges of the New Nuclear Era: The Russian Perspective // Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: US and Russian Nuclear Concepts, Past and Present / L. Brooks, F.J. Gavin, A. Arbatov. American Academy of Arts and Sciences, 2018. P. 30–31.
- Arbatov A.* Mad Momentum Redux? The Rise and Fall of Nuclear Arms Control // Survival. 2019. Vol. 61. No. 3. P. 7–38.
- Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959. 423 p.
- Brooks L.F.* The End of Arms Control? // Daedalus. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 84–100.
- Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London: Macmillan International Higher Education, 1977. 335 p.
- Colby E.A.* Defining Strategic Stability: Reconciling Stability and Deterrence // Strategic Stability: Contending Interpretations / ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Army War College Press, 2018. P. 47–83.
- Danner L.K.* China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutch style hegemony? // Asia and Pacific Policy Studies. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 186–207.
- Drezner D., Krebs R., Schweller R.* The End of Grand Strategy. America Must Think Small // Foreign Affairs. 2020. Vol. 99. No. 3. P. 107–117.
- Dryzek J.S.* Global civil society: The progress of post-Westphalian politics // Annual Review of Political Science. 2012. Vol. 15. P. 101–119.
- Dvorkin V.* The Role of Russian tactical nuclear weapons and the problems of their control: Working paper for Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence-building on Non-Strategic Nuclear weapons in Europe. Warsaw; Addressing Nonstrategic Nuclear Forces / CEIP; Euro-Atlantic Security Initiative. 2013. URL: http://carnegieendowment.org/WGP_AddressingNSNW_FINAL.pdf
- Enthoven A.C., Smith K.V.* How Much Is Enough? Shaping the Defense Program, 1961–1969. Harper & Row Publishers, 1971. 366 p.
- Ford C.A.* Arms Control and Disarmament: Adjusting to a New Era // Arms Control and International Security Papers. 2020. Vol. 11. No. 7. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-Paper-series-Sandia-Disarmament-Retrospective-508.pdf>
- Gallagher N.* Re-Thinking the Unthinkable: Arms Control in the Twenty-First Century // The Nonproliferation Review. 2015. Vol. 22. No. 3–4. P. 469–498.
- Gottemoeller R.* The Future of Arms Control. Rethinking Nuclear Arms Control // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. No. 3. P. 139–159.
- Gray C.S.* The Urge to Compete: Rationales for Arms Racing // World Politics. Vol. 26, No. 2. 1974. P. 207–233.
- Haas R.A.* World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. N.Y.: Penguin Press, 2018. 359 p.
- Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1960. 651 p.
- Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper Bros., 1957. 259 p.
- Koblentz G.D.* Strategic Stability in the Second Nuclear Age. Council on Foreign Relations. Council Special Report № 71. 2014. 65 p.
- Kokoshin A.* Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School, June 2011. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Ensuring%20Strategic%20Stability%20by%20A.%20Kokoshin.pdf>
- Kreuder-Sonnen C., Zangl B.* Which post-Westphalia? International organizations between constitutionalism and authoritarianism // European Journal of International Relations. 2015. Vol. 21. No. 3. P. 568–594.
- Kristensen H.M., Korda M.* Tactical nuclear weapons, 2019 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2019. Vol. 75. No. 5. P. 252–261.

- McCuen J.J. Hybrid wars // *Military Review*. 2008. Vol. 88. No. 2. P. 107.
- Miller S.E. A Nuclear World Transformed: The Rise of Multilateral Disorder // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 17–36. DOI: 0.1162/DAED_a_01787
- Murray W., Mansoor P.R. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 321 p.
- Osgood R.E. *Limited War: the challenge to American strategy*. Chicago: University of Chicago Press, 1957. 315 p.
- Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100. No. 3. P. 641–672.
- Pranay V., Acton J.M. A ReSTART for U.S.-Russian Nuclear Arms Control: Enhancing Security Through Cooperation. Carnegie Endowment for International Peace. October 2, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/10/02/restart-for-u.s.-russian-nuclear-arms-control-enhancing-security-through-cooperation-pub-8270>
- Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents / ed. by S. F. Starr, S. E. Cornell. Washington D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2014. URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf>
- Radin A., Reach C. *Russian Views of the International Order*. Santa Monica: RAND Corporation, 2017. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1826.html
- Reif K., Mizin V. A Two-Pronged Approach to Revitalizing U.S.-Russia Arms Control. Deep Cuts Working Paper No. 10. 2017. URL: https://deepcuts.org/images/PDF/DeepCuts_WP10_ReifMizin.pdf
- Rumer E. A Farewell to Arms Control. Carnegie Endowment for International Peace. April 17, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/17/farewell-to-arms-control-pub-76088>
- Schelling T.C. *The Reciprocal Fear of Surprise Attack*. Santa Monica: RAND, 1958. 30 p.
- Schelling T.C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard University. 1960. 247 p.
- Spruyt H. The end of empire and the extension of the Westphalian system: the normative basis of the modern state order // *International Studies Review*. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 65–92.
- Tannenwald N. Life beyond Arms Control: Moving toward a Global Regime of Nuclear Restraint & Responsibility // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 205–221.
- Trenin D. Mapping Global Strategic Stability in the Twenty-First Century. Moscow Center Carnegie. November 1, 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77625>
- Vaughan M. After Westphalia, whither the nation state, its people and its governmental institutions? A Paper for Presentation at the International Studies Association Asia-Pacific Regional Conference. 2011. URL: <https://core.ac.uk/display/15137505>
- Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.
- Yost D. Strategic Stability in the Cold War. Lessons for Continuous Challenges. IFRI Proliferation Paper No. 36, Winter 2011. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf>
- Zagorski A. Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control. IFSH. 2011. URL: <http://ifsh.de/pdf/publikationen/hb/hb156.pdf>.

OUTLINES OF STRATEGIC STABILITY IN GLOBAL MULTIPOLAR COMPETITION

VICTOR MIZIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problems of ensuring strategic stability and the task of a comprehensive study of the current situation with strategic stability, developing new approaches to it, taking into account modern realities in the context of a crisis in the international situation, especially in relations between Russia and NATO, Russia and the United States. According to President Vladimir Putin, as a result, the system of strategic stability in the world continues to degrade. The main factors of this aggravation are

analyzed. The task is to develop new foundations for strategic stability and assess its global parameters. The new concept of strategic stability can no longer be focused solely on the priority of preventing nuclear conflict between major nuclear powers, but must also take into account the totality of factors that determine the security situation in the realities of the modern world order. An analysis of the long-overdue systemic shift in world processes is arguably impossible without a fundamental re-evaluation of the entire perception of international security, and, above all, the concept of strategic stability, which is the theoretical basis of military policy and theoretical approaches to arms control. Academic community needs to develop a fundamentally innovative strategy for arms control in the new environment. Whether this will be a bilateral Russian-American format or a multilateral arrangement is a question that needs to be clarified in the course of diplomatic consultations. The required concept should obviously be both interdisciplinary (covering with various methodological tools a number of sciences such issues as strategic nuclear weapons, non-strategic nuclear systems, missile defense, "prompt global conventional strike", hypersonic, cyberwarfare, space, beam, drones and other "exotic" types of weapons), and multilateral (that is, it should take into account the nuclear forces and nuclear potential of "third" countries, and not just the two traditional rivals – Russia and the United States). Such a concept of strategic stability should thus be much more "holistic" and comprehensive, covering not only the military potential of the leading powers, but also taking into account their political relations and divergences, the imperative of providing restraint and preventing major conflicts in the modern world. As such, it involves a comprehensive study of the crisis realities in the international system, primarily in the Russia–NATO and Russia–US "dyads" interrelationship against the background of the emergence of new nuclear weapons stakeholders. Among other things, these factors in the global balance of power make it impossible to proceed to a nuclear-free world in the foreseeable future. In this regard, the author sets the task for the expert community to formulate certain concrete ways to implement new conceptual frameworks for assessing the global parameters of the world system's evolution, and to develop pragmatic initiatives that can be taken to improve overall stability and interaction between the United States, NATO, Russia, and other emerging global actors.

Keywords:

global security; arms control; nuclear weapons; emerging technologies; strategic stability; multipolarity; Russia; United States; China; strategic balance; deterrence.

References

- Action J. (2014). *Serebryannaya pulya* [Silver Bullet]. Moscow Carnegie Center. URL: https://carnegieendowment.org/files/ActonReport_web_Russ2014.pdf
- Al-Kassimi K. (2016). The Obsolescence of the Westphalian Model and the Return to A Maximum State of Exception. *Journal of Political Sciences & Public Affairs*. No. S2. DOI: 10.4172/2332-0761.S2-007
- Antonov A.I. (2012). *Kontrol' and vooruzheniyami. Istoriya, sostnoyanie, perspektivy* [Arms Control. History, Current State and Prospects]. Moscow: ROSSPEN. 132 p.
- Arbatov A. G. (2018a). Challenges of the New Nuclear Era: The Russian Perspective. In: Brooks L., Gavin F.J., Arbatov A. (eds) *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: US and Russian Nuclear Concepts, Past and Present*. American Academy of Arts and Sciences. P. 30–31.
- Arbatov A. G. (2019a). *A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options*. Carnegie Moscow Center. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80172>
- Arbatov A. G. (2019b). Mad Momentum Redux? The Rise and Fall of Nuclear Arms Control. *Survival*. Vol. 61. No. 3. P. 7–38.
- Arbatov A.G. (2015). Kontrol' nad yadernym oruzhiem: konets istorii? [Control over Nuclear Weapons: the End of History?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 5. P. 5–18.
- Arbatov A.G. (2018b). Ugrozy strategicheskoy stabil'nosti – mnimye i real'nye. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 7–29.
- Arbatov A.G. (2020). Vooruzheniya i diplomatiya [Arms and Diplomacy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 6. P. 9–23.
- Arbatov A.G., Dvorkin V. (eds) (2012). *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Anti-Missile Defense: Confrontation or Cooperation?]. Moscow: ROSSPEN. 367 p.
- Baranovsky V.G. (2017). Transformatsiya global'nogo miroporyadka: dinamika sistemnykh izmenenij [Transformation of the Global World Order: Dynamics of Systemic Transformations]. *Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 71–91.

- Belobrov Yu. (2020). Evolutsiya politiki NATO po sderzhivaniyu SSSR i Rossii [Evolution of the NATO Policy for Containment of the USSR and Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 6. P. 22–33.
- Brodie B. (1959). *Strategy in the Missile Age*. Princeton: Princeton University Press. 423 p.
- Brooks L. F. (2020). The End of Arms Control? *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 84–100.
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan International Higher Education. 335 p.
- Colby E.A. (2018). Defining Strategic Stability: Reconciling Stability and Deterrence. In: Colby E.A., Gerson M.S. (eds) *Strategic Stability: Contending Interpretations*. Army War College Press. P. 47–83.
- Danner L. K. (2019). China's hegemonic intentions and trajectory: Will it opt for benevolent, coercive, or Dutch style hegemony? *Asia and Pacific Policy Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 186–207.
- Drezner D., Krebs R., Schweller R. (2020). The End of Grand Strategy. America Must Think Small. *Foreign Affairs*. Vol. 99. No. 3. P. 107–117.
- Dryzek J. S. (2012). Global civil society: The progress of post-Westphalian politics. *Annual Review of Political Science*. Vol. 15. P. 101–119.
- Dvorkin V.Z. (2018). *Strategicheskaya stabil'nost': sokhranit' ili razrushit'?* [Strategic Stability: to Save or to Destroy?] Moscow Carnegie Center. URL: <https://carnegie.ru/2018/11/28/ru-pub-77809>
- Dvorkin V. (2013). *The Role of Russian tactical nuclear weapons and the problems of their control: Working paper for Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence-building on Non-Strategic Nuclear weapons in Europe*. Warsaw; Addressing Nonstrategic Nuclear Forces / CEIP; Euro-Atlantic Security Initiative. URL: http://carnegeiendowment.org/WGP_AddressingsNSNW_FINAL.pdf
- Enthoven A. C., Smith K. V. (1971). How Much Is Enough? Shaping the Defense Program, 1961–1969. Harper & Row Publishers. 366 p.
- Ford C. A. (2020). Arms Control and Disarmament: Adjusting to a New Era. *Arms Control and International Security Papers*. Vol. 11. No. 7. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-Paper-series-Sandia-Disarmament-Retrospective-508.pdf>
- Gallagher N. (2015). Re-Thinking the Unthinkable: Arms Control in the Twenty-First Century. *The Nonproliferation Review*. Vol. 22. No. 3–4. P. 469–498.
- Gottemoeller R. (2020). The Future of Arms Control. Rethinking Nuclear Arms Control. *The Washington Quarterly*. Vol. 43. No. 3. P. 139–159.
- Gray C.S. (1974). The Urge to Compete: Rationales for Arms Racing. *World Politics*. Vol. 26. No. 2. P. 207–233.
- Haas R. A. (2018). *World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. N.Y.: Penguin Press. 359 p.
- Kahn H. (1960). *On Thermonuclear War*. Princeton: Princeton University Press. 651 p.
- Kissinger H. (1957). *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. New York: Harper Bros. 259 p.
- Koblentz G. D. (2014). *Strategic Stability in the Second Nuclear Age*. Council on Foreign Relations. Council Special Report № 71. 65 p.
- Kokoshin A. (2011). *Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions*. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Ensuring%20Strategic%20Stability%20by%20A.%20Kokoshin.pdf>
- Kokoshin A.A. (2018). Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyakh kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoj obstanovki [Strategic Stability under Critical Aggravation of International Situation]. *Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 7–21.
- Kokoshin A.A. (ed.) (2017). *Vliyaniye tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti, voennykh konfliktov i strategicheskoy stabil'nosti* [The Impact of Technological Factors on the Parameters of Threats to the National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability]. Moscow: Moscow University. 478 p.
- Kreuder-Sonnen C., Zangl B. (2015). Which post-Westphalia? International organizations between constitutionalism and authoritarianism. *European Journal of International Relations*. Vol. 21. No. 3. P. 568–594.
- Kristensen H. M., Korda M. (2019). Tactical nuclear weapons, 2019. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 75. No. 5. P. 252–261.
- Manojlo A.V. (2015). Tsvetnye revolyutsii v kontekste gibridnykh vojn [Colour Revolutions in the Context of Hybrid Wars]. *Pravo i politika*. No. 10. P. 1400–1405.
- McCuen J. J. (2008). Hybrid wars. *Military Review*. Vol. 88. No. 2. P. 107.
- Mikhailenko A.N. (2015). Dvojnye standarty v sovremennoj mirovoj politike [Double Standards in the Current World Politics]. *Etnosotsium*. No. 5(83). P. 26–35.
- Mikheev V.V., Lukonin S.A., Ignatiev S.V. (2017). K voprosu o perspektivakh Kitaya kak global'nogo lidera [To the question of Chinese prospects as a Global Leader]. *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 10. No. 5. P. 152–161.

- Miller S.E. (2020). A Nuclear World Transformed: The Rise of Multilateral Disorder. *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 17–36. DOI: 0.1162/DAED_a_01787
- Mizin V.I. (2019). Novye kontury strategicheskoy stabil'nosti i perspektivy kontrolya and strategicheskimi vooruzheniyami [New Contours of Strategic Stability and Prospects of Control over Strategic Arms]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1(56). P. 96–121.
- Murray W., Mansoor P. R. (2012). *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press. 321 p.
- Nozdryn A.V. (2013). Politika dvoynykh standartov v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Policy of Double Standards in International Relations]. *Aktual'nye problem sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij*. No. 1. P. 79–83.
- Osgood R.E. (1957). *Limited War: the challenge to American strategy*. Chicago: University of Chicago Press. 315 p.
- Ostrom E. (2010). Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*. Vol. 100. No. 3. P. 641–672.
- Podlesnyj P. (2018). Kholodnaya vojna 2.0 i politika sderzhivaniya Rossii [Cold War 2.0 and Policy of Containing Russia]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*. No. 3. DOI: 10.18254/S0000043-4-1
- Pranay V., Acton J. M. (2020). *A ReSTART for U.S.-Russian Nuclear Arms Control: Enhancing Security Through Cooperation*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/10/02/restart-for-u.s.-russian-nuclear-arms-control-enhancing-security-through-cooperation-pub-8270>
- Radin A., Reach C. (2017). *Russian Views of the International Order*. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1826.html
- Reif K., Mizin V. (2017). *A Two-Pronged Approach to Revitalizing U.S.-Russia Arms Control*. Deep Cuts Working Paper No. 10. URL: https://deepcuts.org/images/PDF/DeepCuts_WP10_ReifMizin.pdf
- Rumer E. (2018). *A Farewell to Arms Control*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/17/farewell-to-arms-.-.-control-pub-76088>
- Savel'ev A. (2019). *Rossiya-SSHA: na poroge novoy gonki vooruzhenij* [Russia-USA: on the Verge of New Arms Race]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-na-poroge-novoy-gonki-yadernykh-vooruzhenij/>
- Schelling T. C. (1958). *The Reciprocal Fear of Surprise Attack*. Santa Monica: RAND. 30 p.
- Schelling T. C. (1960). *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard University. 247 p.
- Spruyt H. (2000). The end of empire and the extension of the Westphalian system: the normative basis of the modern state order. *International Studies Review*. Vol. 2. No. 2. P. 65–92.
- Starr S. F., Cornell S. E. (eds) (2014). *Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents*. Washington D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS. URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/1409GrandStrategy.pdf>
- Tannenwald N. (2020). Life beyond Arms Control: Moving toward a Global Regime of Nuclear Restraint & Responsibility. *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 205–221.
- Trenin D. (2018). *Mapping Global Strategic Stability in the Twenty-First Century*. Moscow Center Carnegie. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77625>
- Trenin D.V. (2019). *Strategicheskaya stabil'nost' v menyayuschemsya mire* [Strategic Stability in the Changing World]. Moscow Carnegie Center. URL: <https://carnegie.ru/2019/03/21/strategicheskaya-stabil'nost'-v-menyayuschemsya-mire-na6-78650>
- Vaughan M. (2011). *After Westphalia, whither the nation state, its people and its governmental institutions?* A Paper for Presentation at the International Studies Association Asia-Pacific Regional Conference. URL: <https://core.ac.uk/display/15137505>
- Wohlstetter A. (1959). The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.
- Yost D. (2011). *Strategic Stability in the Cold War. Lessons for Continuous Challenges*. IFRI Proliferation Paper No. 36. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf>
- Zagorski A. (2011). *Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control*. IFSH. URL: <http://ifsh.de/pdf/publikationen/hb/hb156.pdf>

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули.
М.: МГИМО-Университет, 2020. 404 с.

За последние годы феномен популизма стал видимой и значимой частью внутренней политики множества государств в различных частях планеты. Зародившись в условиях развития кризисных явлений однополярного и глобализованного мира, волна популизма накрыла в 2010-х годах как экономически развитые государства Старого и Нового Света, так и развивающиеся страны. Многообразие специфических разновидностей правого популизма и его географическое распространение породили ряд исследовательских вопросов и проблем, академическое рассмотрение которых началось сравнительно недавно.

Коллективная монография «Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности» представляет собой амбициозную попытку обрисовать широкую панораму этого феномена в современном мире. В состав авторского коллектива вошли как известные учёные, так и молодые исследователи из МГИМО, Высшей школы экономики, Института Европы РАН, СПбГУ и Воронежского государственного университета. В книге рассмотрены примеры правопопулистских движений в США, Великобритании, государствах-членах ЕС, Бразилии и других странах, а также теоретические и методологические вопросы.

С учётом многочисленных неопределённостей даже на уровне терминологической дискуссии вокруг понятия «популизм» особое значение приобретает вво-

дная теоретическая глава работы. Её автору, П.В. Осколкову, приходилось ориентироваться в ещё формирующемся дискурсивном пространстве, в котором не успели устояться даже базовые подходы. Как справедливо отмечено в самом начале работы (с. 12), перспектива академического консенсуса вокруг терминологии популизма весьма туманна. Тем не менее представленный обзор научных концепций содержит целостный взгляд на современное состояние изучения популизма с указанием значимых проблемных точек. Предложенная автором главы модель анализа феномена популизма на основе таких принципов, как отказ от экстраполяции, определение подхода для концептуализации, уровня и единицы анализа, исходных типологий популизма, переменных, а также выборки кейсов представляется оптимальной аналитической стратегией для рассмотрения и сопоставления региональных примеров.

Среди европейских стран особое место в работе уделено состоянию правопопулистских сил в ФРГ (с. 43–74). Длительное время считалось, что исторический опыт и экономические успехи надёжно защищают Германию от политических радикалов. Последние присутствовали до недавнего времени в немецкой политической жизни исключительно в качестве маргинальных явлений. Тем не менее электоральные успехи правых популистов из «Альтернативы для Германии» показали, что появле-

ние крупной партии правее ХДС более не является абсолютным табу. Для многих наблюдателей трансформация партийно-политической системы ФРГ становится особенно тревожным явлением в контексте европейской политики.

Можно приветствовать стремление авторов не ограничивать увязывание причин успеха АдГ исключительно с последствиями миграционного кризиса 2015 года. Правые популисты вряд ли смогли бы получить такую большую поддержку, если бы они ограничивались критикой политики правительства Ангелы Меркель лишь в этом вопросе. Важными факторами стали также ухудшение экономического положения немецких домохозяйств, неравномерное социально-экономическое развитие земель ФРГ, идейная стагнация центристских политических сил, усталость и недоверие в отношении риторики правящих элит, все более оторванной от актуальных потребностей простых граждан. При этом националистическая риторика, ранее терявшаяся на фоне лозунгов в духе классического евроскептицизма, со временем стала занимать в АдГ всё более заметное место, выдвигая на первый план одиозных региональных лидеров, таких как Бьорн Хёке из Тюрингии.

Авторы уделили внимание и феномену левого популизма, развитие которого неотделимо от ситуации на противоположном политическом фланге. Партия «Левые» в Германии упустила шанс увеличить электоральную базу на волне популистских настроений, но, в отличие от АдГ, смогла закрепиться в составе нескольких земельных правящих коалиций. Наряду с приводимым авторами работы примером Тюрингии, где «Левые» в ходе последних земельных выборов удержались в качестве лидирующей партии, красно-красно-зелёные коалиции также действуют в Берлине и Бремене (в этих землях «Левые» являются младшим партнёром по правящей коалиции).

Мощная же поддержка АдГ в восточных землях пока не смогла преодолеть всеобщий политический бойкот в отношении правых популистов. Первым и пока един-

ственным локальным успехом в этом направлении стало избрание председателем городского совета города Гера (Тюрингия) члена АдГ Райнхарда Этцродта, которое быстро превратилось в политический скандал общегерманского масштаба. Рассуждения же о сходстве левого и правого популизма ФРГ с точки зрения программных установок и электоральной базы логично приводят к идее гипотетического тактического союза разнополярных политических сил. Впрочем, комбинация идейного багажа национализма и социализма рискует пробудить в памяти немецких избирателей неприятные исторические аналогии.

Рассматривая развитие правого популизма в США, авторы предсказуемо ставят в центр внимания противоречивую фигуру действующего президента Дональда Трампа, избрание которого можно считать едва ли не высшей точкой глобальной популистской волны. В то же время адекватно и весьма объёмно отображён и генезис идеологических основ современных американских популистов как неотъемлемой части политической истории США. Как и в странах ЕС, рост популярности популистских настроений в Соединённых Штатах связан с ухудшением экономического положения значительной части американского общества, оставшегося на обочине глобализации, а также сокращением белого большинства и кризисом экспансионистской модели внешней политики Вашингтона.

Отдельного внимания заслуживает глава, посвящённая правопопулистской волне в Бразилии. На фоне широко обсуждаемых сумасбродств Дональда Трампа, Брексита или трансформации партийной системы в странах ЕС ситуация в крупнейшем государстве Латинской Америки нередко пользуется меньшим вниманием. Между тем, как убедительно показано в соответствующей главе монографии, фигура президента Бразилии Жаира Болсонару, известного как «тропический Трамп», по своей значимости для политической системы латиноамериканского государства и всего региона

выходит за рамки механического копирования скандальных практик американского президента (с. 362).

Учитывая широкий географический охват монографии, несколько странным выглядит отсутствие отдельных глав про страны Восточной Европы, прежде всего Польшу и Венгрию. Их опыт может многое сказать про феномен современного популизма. Возможно, именно глубокое своеобразие этих стран с точки зрения развития идеологии, заслуживающее отдельной монографии, убедило авторский коллектив вынужденно обойти их вниманием. Тем не менее было бы уместно обосновать данное решение во вводной части работы.

Не вполне оправданными, с учётом присутствия специального раздела, выглядят вводные теоретические части в большинстве глав монографии, посвящённых анализу опыта отдельных государств. Зачастую они повторяют содержание специализированной главы по теории популизма, и в этом смысле целесообразность их присутствия вызывает вопросы. При том что вводная глава признаёт незавершенность дискуссии по определению этого политического феномена, уклоняясь от того, чтобы однозначно взять на вооружение одну из существующих концепций, последующие авторы менее критичны в этом вопросе и с готовностью солидаризируются с отдельными исследователями, предложившими свои дефиниции.

Один из центральных вопросов монографии, который в том или ином виде поднимают авторы большинства глав, заключается в том, насколько популизм — правый или левый — можно считать собственно «народным» движением, в достаточной степени отражающим реальный запрос общества на перемены. Популистские движения носят ярко выраженный антиэлитарный характер, что не мешает закреплению во главе лиц, формально далёких от принадлежности даже к среднему классу. Для сторонников миллиардера Дональда Трампа оказалась важнее жёсткая риторика в адрес «вашингтонского болота», чем его социальное положение, едва ли возможное

без связей с высокопоставленными политиками.

Между тем оппоненты французских «жёлтых жилетов» отказываются признавать за ними полноценное народное представительство (с. 83), в отдельных случаях даже противопоставляя их политическую практику интересам широких слоёв общества. Исходя из содержания монографии, представляется, что популистские движения, возникающие на основе реального недовольства населения своим социально-экономическим положением, на некотором этапе развития могут оказаться под влиянием представителей традиционных политических сил и в конечном счёте стать частью сложившейся системы.

Не будет преувеличением отметить, что феномен популизма как научная проблема представляет вызов для исследователя с точки зрения соблюдения принципа научной объективности. Агрессивное медийное давление, а также противодействие со стороны политических оппонентов демонизируют популистские движения, приписывая им подчёркнуто деструктивные черты. В результате уровень реальной поддержки Трампа или партии «Альтернатива для Германии» радикально разошлись с тем образом, который складывался об этих политических субъектах из статей в *New York Times* или *Spiegel*, эфиров *CNN* или *ZDF*. Кризис наступил для государственной социологии, чьи данные опросов оказались нерелевантными. В таких условиях исследователю особенно трудно оставаться объективным.

Кроме того, представители экспертного сообщества на обывательском уровне, как правило, разделяют скепсис в отношении тех политических сил, которые предлагают простые решения сложных проблем. Популистов в основной массе, пожалуй, сложно назвать антиинтеллектуальным движением (так, значимую часть АдГ на начальном этапе составляли профессора немецких вузов), но шумные скандалы создают им репутацию неотёсанных дилетантов, рвущихся к власти. Таких нарушителей порядка бывает сложно рассматривать вне кон-

текста личных политических предпочтений и гражданской позиции. К счастью, данное замечание нельзя отнести к авторам рассматриваемой книги.

Монография «Правый популизм: глобальные тренды и региональные особенности» вносит существенный вклад в отечественную историографию изучаемого феномена. Авторам и ответственным редакторам удалось найти оптимальный баланс между теоретико-методологическими

разработками и географическим охватом, представив читателю полноценную обзорную картину развития популистских движений от США и Германии до прибалтийских государств и Бразилии. Книга, без сомнения, займёт значимое место в библиотеке исследователей-международников, политологов и регионоведов.

Артём Соколов
кандидат исторических наук

ИНТРОДУКЦИЯ В СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЗГЛЯД ИЗ США

Хаас Р. Мир: короткое введение. Нью-Йорк: Пингвин Пресс, 2020. 349 с.

Haass R. The World: a Brief Introduction. New York: Penguin Press, 2020. 349 p.

Среди современных американских специалистов-международников Ричард Хаас — один из не только самых заметных, но и наиболее пишущих авторов. Карьерный дипломат, президент Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations), колумнист *Foreign Affairs*, он имеет доступ ко всем необходимым для международного-профессионала площадкам, чтобы разрабатывать идеи и делиться ими.

Имя эксперта ассоциируется с проблематикой мирового порядка, его современного состояния и роли США на международной арене. Широко известны концепции «бесполюсного мира» [Haass 2008] и «обязанности суверена» (sovereign obligation) [Haass 2017b], выдвинутые Хаасом. В 2017 г. его книга «Мировой беспорядок: американская внешняя политика и кризис старого порядка» (*A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order* [Haass 2017a]) была с интересом встречена экспертным сообществом. Рецензируемая монография ёмко называется «Мир: краткое введение» (*The World: a Brief Introduction*) и представляет собой обобщение накопленного автором исследовательского материала. Тематика книг, вышедших с небольшим временным промежутком, может показаться схожей. Тем не менее они ставят перед собой различные задачи: неопределённый артикль перед словом «мир» в названии монографии 2017 г. указывает на попытку ухватить сущность текущего состояния международных отношений, в то время как новая работа,

по утверждениям самого Хааса, претендует на вневременную ценность (с. 13).

Книги также нацелены на разные аудитории: если прошлая работа была адресована скорее заинтересованному читателю, то нынешняя обращена к самой широкой публике. Она призвана повысить осведомлённость американцев о глобальных процессах (global literacy), рассказать об устройстве современного мира. Известно, что международные процессы составляют предмет интереса небольшой части населения Соединённых Штатов, и, как следствие, ни школа, ни университеты не предоставляют ознакомительных курсов в этой области учащимся непрофильных направлений (с. 11). Это мотивировало Р. Хааса написать книгу, которая вооружила бы любого её прочитавшего базой, упущенной в процессе образования. Сложность поставленной задачи трудно переоценить: комплексные монографии, дающие исчерпывающее представление о международных отношениях как самостоятельной реальности на определённом историческом этапе и в целом, — редкое явление. Не случайно даже профильным вузам не всегда под силу создать универсальный учебник. Тем не менее рецензируемое издание вполне может пополнить перечень необходимой к прочтению литературы как для студентов-международников, так и для людей, стремящихся поднять уровень своей общей эрудиции.

Смысловое деление книги неоднозначно: она состоит из четырёх частей, анали-

зирующих международные отношения по разным основаниям. Первая посвящена истории развития международных отношений, вторая — анализу различных регионов мира, третья — глобальным вызовам современности, а четвёртая — мировому порядку и составляющим его процессам. При том что каждая из частей обладает выстроенной внутренней логикой, картина мира автора и взаимосвязь между описываемыми явлениями вырисовывается не сразу, создавая впечатление скорее энциклопедического произведения.

История развития международных отношений представлена в традиционной периодизации и американской стилистике: они рассматриваются с момента подписания Вестфальского мира в 1648 г. до Первой мировой войны, в межвоенный период, годы «холодной войны», а также на современном этапе. Автор упоминает Венский конгресс, но не выделяет отдельно сложившуюся после него систему, как это принято в русскоязычной литературе [напр.: История международных отношений 2017; Фененко 2018], так как не считает её принципиально отличающейся с нормативно-правовой точки зрения. «Холодную войну» при этом он видит как результат самостоятельной динамики, не вытекающей напрямую из Ялтинско-Потсдамских соглашений, что также отличается от российского подхода. Тем не менее, хотя финальным аккордом войны традиционно для США называются атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, соответствующий раздел не отмечен ни американоцентризмом, ни чрезмерной политизацией. Несмотря на отсутствие отсылок к системному подходу¹, повествование создаёт базовое представление о смене мировых порядков, указывает на их основные характеристики, непредвзято описывает основные поворотные точки. Небольшая по объёму, ёмкая и логичная глава открывает новый взгляд на историю для непрофессионального читателя.

Вторая глава даёт обзорное представление о шести регионах мира и происходящих в них процессах. Примерно равное количество страниц уделяется Европе, Восточной Азии и Тихоокеанскому региону, Южной Азии, Ближнему Востоку, Африке южнее Сахары, Северной и Южной Америке. Каждый раздел предоставляет информацию об истории формирования региона, его этнокультурных характеристиках, месте в мировой экономике, наиболее важных внутренних процессах, а также вызовах и возможностях, которые могут определить его будущее. Текст сопровождается иллюстративным материалом — картами, графиками, таблицами, — что значительно упрощает восприятие информации.

По прочтении главы можно сделать вывод о приоритетном внимании автора к Восточной Азии, в первую очередь из-за растущей роли Китая. Регион, в сравнительно сжатые сроки добившийся колоссального экономического роста, в котором сосуществуют сразу несколько стран, сумевших успешно пройти процесс модернизации («азиатские тигры», Япония, КНР), обладает высокой внутренней динамикой, и автор справедливо обращает на это внимание читателя в контексте будущего американско-китайских отношений. На этом фоне невозможно не заметить отсутствие интереса к Европе и подчёркнутую сдержанность в описании происходящих здесь процессов. По выражению Хааса, проект «Соединённых Штатов Европы» (United States of Europe) сегодня превратился в «Соединённую Европу Государств» (United Europe of States) (с. 75). Распространение левого и правого популизма усложняет существование институтов, когда-то обеспечивших Европе процветание: ЕС не хватает политической воли для перехода к военно-политической интеграции, а НАТО потеряла смысл существования, превратившись из военного альянса в пул государств по оказанию ситуативной поддержки друг другу.

¹ Традиционно применяется при рассмотрении этих же процессов в работах А.Д. Богатурова и других отечественных исследователей. См., например: [Богатуров 2000].

Несомненным достоинством главы является полнота предоставляемой информации о происходящих в разных уголках мира процессах. На этом фоне обращает на себя внимание исключительно контекстуальное упоминание России как необходимой переменной в уравнениях европейской безопасности, ближневосточного урегулирования и тандема Москва—Пекин. Представляется, что это не способствует формированию целостного представления читателей о месте страны в современном мире.

В третьей главе автор переходит к анализу уже не системно-статичных конструкций, а глобальных процессов, которые, с одной стороны, составляют содержание современного порядка, а с другой — постоянно меняют его. Хаас отмечает, что сегодня существует два основных взгляда на то, какой процесс является порядкоформирующим: это либо нарастание американо-китайского противостояния (в неореалистском ключе), либо глобализация в её как негативных, так и позитивных проявлениях (с позиций неолиберализма). В этой связи неизбежно напрашивается проведение параллелей с подходами, представленными в двух коллективных монографиях с одним и тем же названием «Мегатренды»: под редакцией Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова и под редакцией М.М. Лебедевой [Шаклеина, Байков 2017; Лебедева 2019]. Исследователи глобализации традиционно придают ей как переменной динамический характер. Неореалист Хаас же наделяет её системными характеристиками. По его мнению, глобализация — это не цель и не будущее, но существующая реальность, и если в одних сферах её можно пытаться сдерживать или игнорировать, в других это совершенно или почти невозможно. Автор останавливается на различных проявлениях этого процесса, таких как терроризм, распространение ядерного оружия, изменение климата, миграция, актуализация деятельности в киберпространстве, функционирование системы глобального здравоохранения, международная торговля, вопросы фискальной и валютной политики, проблематика развития. Иными словами,

описывает наиболее крупные из существующих глобальных процессов.

По прочтении трех глав у читателя формируется достаточное представление о наполняющих современные международные отношения и мировую политику игроках, процессах, режимах и региональных подсистемах. Он также получает представление о предыстории изучаемых явлений и возможных сценариях их развития в будущем. Относительно кратко изложенный материал увлекает своим разнообразием. При этом не покидает ощущение, что не хватает общего видения, которое бы могло связать описываемые феномены в единое целое.

Свою генеральную линию Хаас раскрывает только в последней главе, по-видимому, считая, что прежде, чем перейти к специализированным терминам, необходимо вооружить читателя фактической информацией. Неожиданно и просто автору вдруг удаётся применить статичную по природе концепцию мирового порядка ко всем главам своего исследования.

Как и многие до него, вводя концепт мирового порядка, Хаас ссылается на Х. Булла и разведение международной системы и международного сообщества как качественно различных сущностей. Новизна автора — идея о том, что элементы порядка и беспорядка постоянно сосуществуют в различных проявлениях, и динамика их взаимодействия определяет ход истории. Если первые превалируют, создаётся порядок и в системе появляются условия для формирования сообщества — возможного, но не неизбежного следствия этих условий. Если элементы сообщества (они же — качественные элементы порядка) начинают разрушаться — беспорядок берёт верх и международные отношения откатываются назад. Борьба порядка и беспорядка, по Хаасу, происходит не только в глобальном масштабе, но одновременно и на уровне каждой региональной подсистемы, и внутри каждого из описанных международных режимов и процессов. Проблема сегодняшнего дня заключается в том, что разрыв между элементами порядка и беспорядка нарастает в большинстве из

них, и в особенности ярко отсутствие согласованности проявляется в области кибербезопасности и защиты окружающей среды. Таким образом, категория порядка у Хааса, как категория бытия у античных философов, — это одновременно первоначало, которое всё порождает, и сущность каждого из порождённых элементов.

В развитие своей идеи автор представляет ключевые концепты и категории анализа современной науки о международных отношениях как порядкосоздающие и порядконаполняющие. На уровне системы важнейшими категориями являются суверенитет, право на самоопределение и баланс сил. Однажды заложив основу порядков на столетия вперёд, суверенитет сегодня подвергается сомнению и существует скорее в глазах смотрящего. Это же касается права народов на самоопределение, которое не имеет однозначного толкования и стало источником беспорядка на протяжении уже нескольких десятилетий. В подтверждение этих тезисов приводится позиция России: хотя вербально Москва — главный «ястреб суверенитета», её практическая деятельность не всегда соответствует риторике (с. 244). При этом Р. Хаас не выступает апологетом концепции «ответственности по защите», указывая на её слабые места. Баланс сил, по мнению реалиста Хааса, является необходимой опорой правовых элементов порядка. Интересно при этом, что альянсы автор воспринимает как элемент и порядка, и беспорядка одновременно, полностью зависящий от контекста и политической конъюнктуры.

Описав порядкообразующие элементы, автор переходит к порядконаполняющим, продолжая следовать за английской школой: в международном сообществе сочетание порядка и беспорядка отражается уже в таких переменных, как демократия, экономическая взаимозависимость, институты глобального управления и уважение к нормам международного права. Здесь непредвзятое ранее повествование приходит к ожидаемому повороту: международное сообщество сегодня представлено либеральным мировым порядком, вступив-

шим в стадию неизбежной трансформации. Создание этого порядка связывается уже с появлением институтов Бреттон-Вудской системы и ООН (наличие места в Совете Безопасности ООН, например, в логике Хааса, делает Россию и Китай членами либерального мирового порядка, которые не захотели войти в сообщество), а следовательно, уходит корнями в послевоенный период.

Последние параграфы книги призваны, по-видимому, побудить теперь уже подготовленного читателя прочесть и предыдущий труд автора, так как повторяют его основной тезис: США необходимо навести порядок внутри и пересмотреть свою политику на международной арене для того, чтобы сохранить лидерство в трансформирующемся мире. С одной стороны, у ведущей роли Соединённых Штатов, по мнению автора, нет альтернатив. Китай самостоятельно не может создать мировой порядок, так как он будет нелиберальным, экономически нединамичным, потенциально опасным для баланса сил в регионе, следовательно, непривлекательным. У средних держав Европы, Азии (надо полагать, Японии и Южной Кореи) и Канады не хватит военной мощи и политической воли, чтобы формировать систему координат в мире.

С другой стороны, на фоне беспрецедентного рассредоточения мощи, когда, помимо великих держав, в каждом из регионов и международных режимов есть свои влиятельные игроки, необходим новый концерт держав. В текущей ситуации аккомодация Китая и России со стороны США представляется маловероятной, а это значит, что порядок как категория может продолжить уступать беспорядку. По мнению Р. Хааса, если негативные тенденции сегодняшнего дня не будут преодолены и либеральный мировой порядок не сохранится, мы получим лишь очередное подтверждение не только его уникальности, но и того, что порядок в принципе не является нормой для международных отношений. Со сходных позиций анализировали современную ситуацию авторы Валдайского

доклада 2019 г., но с тем отличием, что за уникальную модель порядка они принимали биполярность эпохи «холодной войны» [Время взрослеть... 2019].

В целом новая книга Ричарда Хааса заслуживает прочтения. К её несомненным достоинствам можно отнести завершённый характер повествования и формирование целостного представления о предмете исследования без дополнительной необходимости прояснить какие-то моменты. Быстрому чтению способствует высокое качество самого текста: ёмкий, но вместе с тем насыщенный, доступный, но не упрощённый язык автора способствует усвоению материала. Важно отметить наличие свежих данных, баланс между множеством фактов и причинно-следственными связями, а также нейтральный, непредвзятый стиль Хааса, лишь в редких случаях выдающий его гражданскую принадлежность. Не покидает ощущение, что книгу можно использовать не только для ознакомления с проблематикой — стороннему читателю, но и для краткого повторения перед экзаменом — бакалавру-международнику, что также не является недостатком. В последние турбулентные годы и в России, и за рубежом подобные универсальные издания — редкость, поэтому она своевременно заполняет пробел.

Тем не менее к книге остаются вопросы. Хотя как научно-популярное издание новая книга Ричарда Хааса не пытается пополнить ряды аналитических интерпретаций мировой политики и не претендует на исследовательско-теоретическую новизну, наличие целого раздела, посвящённого теории, даёт право оценить книгу и с этой точки зрения. Как было отмечено выше, целесообразность выбранного композиционного построения монографии неочевид-

на: возможно, перемещение раздела о мировом порядке в начало книги упорядочило бы восприятие описательной части и позволило бы заострить внимание на качественных элементах авторского анализа, а также избежать повторений в относящихся к современности параграфах первой части и описании трансформации либерального мирового порядка в конце.

Неполную ясность в мировоззрении исследователя вносит и многоплановость употребления терминов «порядок» и «беспорядок». Анархия как основной принцип устройства международных отношений не фигурирует в тексте, во всяком случае, как термин, поэтому не всегда остаётся понятным, является ли порядок для Хааса скорее качественной (как черта, например, международного режима) или же скорее системной (мировой порядок) категорией. Для научно-популярного издания такое усложнение, наверное, избыточно. Дополнительного пояснения требуют и некоторые другие используемые термины. Например, автор пользуется концепцией аккомодации [Пол, 2016], говоря о Германии и Японии после Первой мировой войны, а также Китае и России сегодня, как общим местом, хотя едва ли этот термин является общепотребительным.

Тем не менее книга займёт достойное место на полке обязательной литературы международного права, особенно начинающего. Это действительно масштабный труд, заключённый всего в 300 страницах текста. Он может как стать первым шагом для перехода к углублению представлений о любом из описанных явлений, регионов и процессов, так и способствовать обобщению материала.

Юлия Мельникова

Список литературы

- Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я. и др. Время взрослеть или оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/29490/>
 Богатуров А.Д. Системная история международных отношений 1918–2000: В 4 т. М.: Московский рабочий, 2000. 516, 243, 718, 598 с.

- История международных отношений: В 3 т. / Под общ. ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2017. 399, 495, 551 с.
- Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019. 400 с.
- Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2017. 448 с.
- Фененко А.В. История международных отношений 1648–1945: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2018. 784 с.
- Accommodating Rising Powers: Past, Present, and Future / Ed. By T.V. Paul. Cambridge University Press, 2016. 313 p.
- Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. New York: Penguin Press, 2017a. 352 p.
- Haass R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. No. 3. P. 44–56.
- Haass R. World Order 2.0. The Case for Sovereign Obligation // Foreign Affairs. 2017b. Vol. 96. No. 1. P. 2–9.

References

- Barabanov O., Bordachev T., Lissovolik Y. [et al.] (2019). *Vremia vzroslet' ili opravdaniye anarchii. Kak otsutstvije poriadka mozhet sposobstvovat' otvetstvennomu povedeniju gosudarstv* [Time to Grow Up or the Case for Anarchy]. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub Valdaj. URL: <https://valdaiclub.com/a/reports/annual-report-time-to-grow-up/>
- Bogaturov A. (2000). *Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v chetyrech tomach 1918–2000* [Systemic History of International Relations in Four Volumes 1918–2000]. Moscow: Moskovskij rabochij. 516, 243, 718, 598 p.
- Fenenko A. (2018). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij 1648–1945* [History of International Relations 1648–1945]. Moscow: Aspect Press. 784 p.
- Haass R. (2008). The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*. Vol. 87. No. 3. P. 44–56.
- Haass R. (2017a). *A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. New York: Penguin Press. 352 p.
- Haass R. (2017b). World Order 2.0. The Case for Sovereign Obligation. *Foreign Affairs*. Vol. 96. No. 1. P. 2–9.
- Lebedeva M. (ed) (2019). *Megatrendy mirovoj politiki i ih razvitiye v 21 veke* [Megatrends of World Politics and Their Development in the 21st Century]. Moscow: Aspect Press. 400 p.
- Paul T.V. (ed) (2016). *Accommodating Rising Powers: Past, Present, and Future*. Cambridge University Press. 313 p.
- Torkunov A., Narinskij M. (eds) (2017). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v trech tomach. Uchebnik*. [History of International Relations in Three Volumes. Textbook]. Moscow: Aspect Press. 399, 495, 551 p.
- Shakleina T., Baykov A. (eds). (2017). *Megatrendy. Osnovniye traektorii evolutsii mirovogo poriadka 21 veka* [Megatrends. Evolution of the 21st Century World Order]. Moscow: Aspect Press. 448 p.

Наши авторы

- Безвербный Вадим Александрович** – кандидат экономических наук, доцент
Кафедры демографической и миграционной политики
МГИМО МИД России; заместитель директора
Института демографических исследований Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
- Кобринская Ирина Яковлевна** – кандидат исторических наук, руководитель
Центра ситуационного анализа Института мировой
экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН
- Косевич Екатерина Юрьевна** – кандидат политических наук, научный сотрудник
Международной лаборатории исследований мирового
порядка и нового регионализма Национального
исследовательского университета «Высшая школа
экономики»
- Малиновский Алексей Александрович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий
Кафедрой теории права и сравнительного правоведения
Международно-правового факультета МГИМО МИД
России
- Мельникова Юлия Юрьевна** – программный ассистент Российского совета
по международным делам
- Мизин Виктор Игоревич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских исследований МГИМО МИД России
- Надточей Юрий Иванович** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры мировых
политических процессов МГИМО МИД России
- Соколов Артём Павлович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра европейских исследований МГИМО МИД России
- Тер-Акопов Александр Александрович** – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела демографической безопасности и моделирования
демографических процессов Института демографических
исследований Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
- Трикоз Елена Николаевна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент
Кафедры теории права и сравнительного правоведения
Международно-правового факультета МГИМО МИД
России; доцент Юридического института Российского
университета дружбы народов
- Финнемор Марта** – PhD (Political Science), профессор политологии
и международных отношений Университета
Джорджа Вашингтона (США)
- Фрумкин Борис Ефимович** – кандидат экономических наук, сотрудник
Центра ситуационного анализа Института мировой
экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН
- Шведова Надежда Александровна** – доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник, руководитель
Центра социально-политических исследований
Института США и Канады РАН

Our authors

- Dr Vadim Bezverbny** – Associate Professor, Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University; Deputy Director, Institute for Demographic Research — Branch of The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Martha Finnemore** – University Professor of Political Science and International Affairs, George Washington University (USA)
- Dr Boris Frumkin** – Researcher, Center for Situational Analysis, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Irina Kobrinskaya** – Head, Center for Situational Analysis, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Ekaterina Kosevich** – Research Fellow, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, HSE University
- Prof. Dr Alexey Malinovsky** – Chair, Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence, MGIMO University
- Ms Julia Melnikova** – Program Assistant, Russian International Affairs Council
- Dr Victor Mizin** – Leading Research Fellow, Center for Post-Soviet Studies, MGIMO University
- Dr Yuriy Nadtochey** – Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University
- Prof. Dr Nadezda Shvedova** – Head, Center of Socio-Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences
- Dr Artem Sokolov** – Research Fellow, Center for European Studies, MGIMO University
- Dr Alexander Ter-Akopov** – Leading Research Fellow, Department of Demographic Security and Modelling of Demographic Processes, Institute for Demographic Research — Branch of The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences
- Dr Elena Trikoz** – Associate Professor, Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence, MGIMO University; Associate Professor, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полупетельный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объёмом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объёмом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
дн**ых русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. Russie. Nei.Vision. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. IFRI. Russie. Nei.Vision: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).